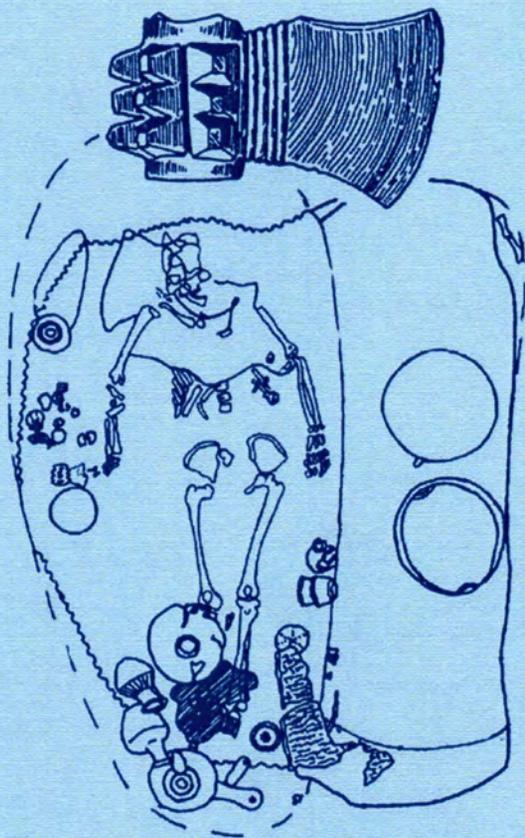

**ВЕЩЬ В КОНТЕКСТЕ
ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА**

**ARTIFACT IN THE CONTEXT
OF FUNERAL RITES**

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

ARTIFACT IN THE CONTEXT
OF FUNERAL RITES

*Proceedings
of the International Conference*

Moscow
2020

ВЕЩЬ В КОНТЕКСТЕ
ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

*Материалы
международной научной конференции*

Москва
2020

УДК 902/904
ББК 63.5я431
В26

Ответственные редакторы

С.А. Яценко
Е.В. Куприянова

Рецензенты

О.Ю. Артемова, д-р ист. наук,
профессор УНЦ социальной антропологии РГГУ

Н.В. Шабуров, канд. культурологии, доцент,
руководитель УНЦ изучения религий РГГУ

ISBN 978-5-7281-2550-1

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2020

Содержание

Предисловие	9
<i>Н.А. Тарасенко</i> Погребальный инвентарь египтянки Несмут: узурпация или адаптация?	10
<i>Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.</i> Вещь в контексте жертвенного комплекса по данным могильника Екатериновский мыс	24
<i>И.А. Кукушкин, М.В. Бедельбаева</i> Погребения с булавой: семантические аспекты (по материалам могильника Тундык)	35
<i>Я.В. Рафикова</i> Эксклюзивное украшение из парного погребения эпохи поздней бронзы Южного Урала	45
<i>И.П. Алаева</i> Сосуды для погребального пира в захоронениях бронзового века Южного Зауралья	54
<i>Е.В. Волкова</i> Погребальная керамика как исторический источник	62
<i>Е.В. Курприянова, А.Н. Усачук</i> Псалы из кургана 1 могильника Степное-1: роль в жизни и ритуале	73
<i>А.А. Файзуллин</i> Украшения из кости в погребальной обрядности населения ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости в обществе скотоводов эпохи бронзы ...	90
<i>Э.Р. Усманова</i> Нож-кинжал в андроновском погребальном обряде (по материалам погребальных памятников Лисаковской округи).....	102
<i>Л.С. Ильюков</i> Персинг у скотоводов бронзового века Восточной Европы.....	111
<i>А.В. Вертиенко</i> Золото в погребениях кочевников раннего железного века: к пересмотру концепций	115
<i>М.Е. Килуновская, Я.В. Фролов</i> Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы.....	126

<i>А.П. Мошинский</i>	
Конь и его снаряжение в кобанском и аланском могильниках у с. Лезгор в Горной Дигории.....	139
<i>Н.А. Гаврилюк</i>	
Лепная керамика в контексте погребального обряда населения Северного Причерноморья (к вопросу о греко-скифских связях) ..	148
<i>В.К. Федоров</i>	
Трикветры в культурах эпохи раннего железа степной полосы Евразии	163
<i>Ю.А. Прокопенко</i>	
Элементы античного культа смерти в погребальной обрядности населения Центрального Предкавказья в III–I вв. до н. э.	175
<i>С.А. Яценко</i>	
Сарматские женские погребения с топорами I–III вв. н. э.	186
<i>О.В. Шаров</i>	
Погребение с Золотой маской из Керчи: детерминация пола в контексте погребального обряда и инвентаря	192
<i>Е.М. Черных, О.Ф. Хайруллина</i>	
Наконечники стрел в погребениях Боярского («Арай») могильника III–V вв.	203
<i>К.И. Ташбаева</i>	
Погребальный инвентарь женщины гуннского времени из могильника Жапырык II Внутреннего Тянь-Шаня.....	217
<i>Л.Н. Ермоленко</i>	
Изваяние как объект погребально-поминальной обрядности древних тюрков (проблема портретности)	227
<i>Сташенков Д.А.</i>	
Погребальный костер и инвентарь погребений в погребально-поминальном обряде населения Самарского Поволжья хазарской эпохи	238
<i>Г.В. Требелева, С.М. Саканиа, Т.Ю. Шведчикова, А.Д. Япрынцев</i>	
К проблеме датировки погребений из некрополя Маркульского городища при храме (Абхазия, IV–XIV вв.).....	242
<i>Ю.К. Гугуев</i>	
Разрешительные документы в могиле умершего в Древней Руси, на Балканах и в Западной Европе (X–XV вв.)..	251
<i>Панченко К.И.</i>	
К вопросу о сосудах в православном погребальном обряде	263

Content

Preface	9
<i>N.A. Tarasenko</i> Burial Set of Egyptian Woman Nes-Mut: Usurpation or Adaptation? ...	10
<i>A.I. Korolev, A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov</i> Artifact in the Sacrificial Complex on the Data of Eketerinovskii Mys Necropolis	24
<i>I.A. Kukushkin, V.V. Bedelbaeva</i> Graves with Mace: the Semantic Aspects (on the materials of Tundyk Necropolis)	35
<i>Ya.V. Rafikova</i> Unique Costume Accessory from the Pair Grave of Late Bronze Age in the South Ural	45
<i>I.P. Alaeva</i> Vessels for a Burial Banquet in the Bronze Age Graves of the South Trans-Ural Region	54
<i>E.V. Volkova</i> Burial Pottery as the Historical Source	62
<i>E.V. Kupriyanova, A.N. Usachuk</i> The Cheekpieces from Kurgan 1 of Stepnoye 1 Cemetery: the Role in the Life and the Rite	73
<i>A.A. Faizullin</i> Gala Bone Wares in the Burial Rituals of Yamnaya (Pit) Culture Peoples of Volga-Ural Region as the Social Marker of Bronze Age Cattlemen Society	90
<i>E.R. Usmanova</i> Knife-Dagger in Andronovo Community Burial Rituals (on the material of Burial Complexes of Lisakovsk Surrounding Area) ..	102
<i>L.S. Ilyukov</i> Piercing of the Bronze Age Cattlemen in the Eastern Europe	111
<i>A.V. Vertianko</i> Gold in the Early Iron Age Nomads' Burials: on the Revision of Concepts	115
<i>M.E. Kilunovskaya, Ya.V. Frolov</i> Comparative Analysis of the Belt Details of Scythian Time from Barnaul Ob' Basin and Tuva	126

<i>A.P. Moshinsky</i>	
Horse and Horse Harness in Koban Culture and Alanian Cemeteries near Lesgor Villlage of Digora Gorge	139
<i>N.A. Gavrilyuk</i>	
Hand-Made Pottery in the Burial Rituals Context of the North Black Sea Area Population (on the Problem of Greek-Scythian Communications)	149
<i>V.K. Fedeorov</i>	
Triqueters in Early Iron Age Cultures of Eurasian Steppe Zone	163
<i>Yu.A. Prokopenko</i>	
Elements of Greek Death Cults in the Burial Rituals of the Center of Northern Caucasus in the 3rd-1st cc. BCE	175
<i>S.A. Yatsenko</i>	
Saramatian Female Graves with Axes of the 1st-3rd cc. CE	186
<i>O.V. Sharov</i>	
Burial with a Golden Mask from Kerch: Sex Determination in the Context of the Funeral Rite and Inventory	192
<i>E.M. Chernykh, O.F. Khairullina</i>	
Arrowheads in the Burials of Boyarka (Arai) Necropolis of the 3rd-5th cc. CE	203
<i>K.I. Tashbaeva</i>	
Funeral Inventory of the Hunnic Time Woman in Zhapyryk II Necropolis in the Inner Tien-Shan Mountians	217
<i>L.N. Ermolenko</i>	
Statue as the Object of Burial and Funeral Rituals of the Early Turks (on the Portrait Problem)	227
<i>D.A. Stashenkov</i>	
Burial Fair and Grave Inventory in the Burial and Funeral Rites of the Population of Samara Volga Region of Khazar Epoch	238
<i>G.V. Trebleva, S.M. Sakania, T.Yu. Shvedchikova, A.D. Yapryntsev</i>	
On the Problem of Graves Dating of Markula Hillfort Necropolis near the Church (Abkhazia, the 4 th -14 th cc.)	242
<i>Yu.K. Guguev</i>	
Allowing Documents in the Graves of the Mediaval Rus', in the Balkans and Western Europe (the 10 th -15 th cc.)	251
<i>K.I. Panchenko</i>	
On the Problem of Vessels in the Ortodox Funeral Rites	263

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Перед Вами сборник статей на основе части докладов, прочитанных в ходе работы международной археологической конференции «Вещь, в контексте погребального обряда» в РГГУ (Москва) 28-30 января 2020 г. Это уже четвертая в серии конференций, задуманных коллективом коллег из разных городов России, посвященных различным нестандартным подходам в изучению древних некрополей. Первая из них («Археология древних ограблений и символических захоронений») состоялась в Челябинском университете в январе 2015 г. Вторая («Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некропелей») была организована в С.-Петербурге в Ин-те истории материальной культуры РАН в ноябре 2016 г. Третья («Мужской и женский мир в отражении археологии») проходила в ноябре 2018 г. в Уфе.

В ходе работе 4-й конференции Оргкомитетом был сделан акцент на новых подходах к артефактам, обнаруженным в погребениях разных типов, в курганных насыпях, во внемогильных тризнах, в том числе - связанных с созданием погребений, с их неоднократным использованием, символике и декору таких изделий, а также к погребальным моделям вещей и ритуальному повреждению последних, к использованию парциальных артефактов, к назначению комплектов импортных изделий, к гендерной специфике, поминальным статуям, роли в могилах статусных атрибутов, жертвенных предметов, разнообразной посуды. Предпочтение в тематике докладов отдавалось не публикационным, а аналитическим сюжетам, содержащим интересные обобщения по отдельным типам артефактов в погребальном контексте и их взаимосвязи. Материал скомпонован по хронологическим блокам (от бронзового века до средневековья), а внутри их – в определенной тематической последовательности. Немалую помощь в подготовке издания оказала Е.В. Куприянова.

Мы ждем от Вас новых предложений по тематике следующих конференций.

С.А. Яценко

Погребальный инвентарь египтянки Несмут: узурпация или адаптация?

Н.А. Тарасенко

*Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины,
Киев, niktarasenko@yahoo.com*

Предметом нашего рассмотрения является анализ состава погребального инвентаря египетской жрицы XXI династии (1069–945 гг. до н.э.) по имени Несмут. Ее захоронение было открыто в 1891 г. французскими археологами Ж. Даресси и Е. Гребо в т.н. втором жреческом тайнике в Дейр эль-Бахри (к северо-востоку от заупокойного храма Хатшепсут), также известном под названием Баб эль-Гусус¹. Это была коллективная шахтная гробница, состоявшая из двух коридоров, в которую были помещены тела представителей фиванского клира, умерших в период понтификата пяти верховных жрецов Амона в Фивах (Менхеперре, Несубанебджеду (Смендеса), Пинуджема II и Псисунеса) и, соответственно, правления трех царей танисской династии (Аменемопе, Сиамона и Псисунеса II). Длина верхнего коридора тайника составляла сто метров, а нижнего – почти шестьдесят. В коридорах покоились мумии 153 жрецов и жриц вместе с внушительным инвентарем, включавшем, помимо прочего, 254 саркофага (101 двойной и 52 одинарных), 110 ящиков для *ушебти*, сотни *ушебти*, 77 деревянных статуэток Осириса с погребальными папирусами и мн. др.²

Саркофаг и сопроводительный инвентарь интересующей нас Несмут находились в северном конце верхнего коридора (рис. 1). По Ж. Даресси ее погребальный комплект получил номер А.48, по У. Бурьяну – В.57 [1 р. 7], по Д. Эстону – TG 721 [8 р. 172–173 (TG 721)]. По меркам похороненных в тайнике особ, погребение Несмут нельзя отнести к числу самых богатых, однако, ряд моментов, связанных с ее инвентарем, позволяют добавить новые наблюдения в контексте ставшего популярным в последнее время среди египтологов тезиса о тотальной узурпации и вторичном использовании предметов погребального инвентаря в Фивах при XXI династии. Так, американская

© Тарасенко Н.А., 2020

¹ См.: [1 р. 4–38; 2 р. 25–27; 3 р. 48–59; 4 р. 81–82; 5 S. 44ff; 6 р. 21–33].

² См.: [7 р. 141–148].

исследовательница К. Куней утверждает, что порядка 70% саркофагов в Баб эль-Гусус были «узурпированы» и использованы вторично³. В данной статье на примере погребального инвентаря одной из погребенных в тайнике Баб эль-Гусус жриц, ставится вопрос о том, действительно ли мы имеем дело с *узурпацией*, или это явление может иметь дополнительные грани и объяснения?

Имя: *Ns-Mw.t* – довольно распространенное при Новом царстве, Третьем переходном и Позднем периодах имя, обозначающее «Она принадлежит (богине) Мут» [12 S. 176.10].

Генеалогия: данные о членах семьи имеются только на мумийной крышке Несмут (Сагo CG 6007), где сохранилась часть написания имени ее матери, которое, согласно реконструкция Э. Шассина [13 p. 22, n. 29; 23], полностью поддержанной А. Нивинским [2 p. 120], следует читать как Мешетсекетеб [12 S. 166.3 (дает чтение «Мешетсебек»)]. Жрице с таким именем (см.: [14 p. 1000]) принадлежал комплект А.111 из Баб эль-Гусус [1 p. 11] (Port Said P. 4017, ex. Сагo CG 6229–6232, 6238) [8 p. 184 (TG 784)].

Титулы: выписаны только на крупных предметах. На мумийной крышке: «певица Амона»; на корпусе саркофага: «Владычица дома, певица Амона-Ра, царя богов»; на крышке саркофага: «Владычица дома, певица Амона-Ра, царя богов, музыкантша Мут, великой владычицы *Ашеру*» [15 табл. VIII; 16 p. 113, 114; ср.: 17 p. 254 (39)].

Инвентарь, обнаруженный на мумии:

– **кожаные мумийные перевязи** с датирующей надписью «Сделано для Первого (т. е. Верховного) жреца Амона Па-себа-хаи-ен-ниута, сына Панеджема» [1 p. 25], которая приводит «тронное» имя Верховного жреца Амона Пусеннеса (III), сына Пинеджема II, время понтификата которого приходится на 976–943 гг. до н. э.;

– три **«салфетки»** с пометкой *pr Inn* – «Дом Амона» (т. е. «храм Амона»);

– **полотняные перчатки** (две пары, одна из них синего цвета);

– сланцевый **сердечный скарабей** с текстом 64-й главы Книги мертвых (имя не было вписано в оставленное для этого место в начале изречения);

– **восковые изображения сыновей Хора** (обнаруженные внутри мумии).

Инвентарь, найденный возле / внутри саркофага:

³ См.: [9 p. 101–112; 10 p. 69–96; 11 p. 96–108].

– два деревянных расписных **ящика для ушебти** [1 p. 8 (B69–B70)] (находятся в Музее древностей в Каире, не опубликованы);

– **ушебти** (глиняные, выкрашенные в зеленый цвет; тип «Е» по Эстону [8 p. 357] и тип C1 VIII B2 / W19 по Шнайдеру [18, II, p. 145–146]): Basel BSAe III 613 [19 S. 199 (123a)]; Berlin ÄM 11900, 11901 [20 S. 352]; Brussels E.05429a, E.05429b; Clermont-Ferrand, Musée Bargoin 3162 [21 p. 126, fig. 3; 128 (32)]; Copenhagen A.A.a. 101 [22 p. 66]; Cortona 84 [23 p. 74]; Florence 8538, 8539 [24 p. 402–404 (Cat. 26); fig. 245]; Lady Meux collection 102–109 [25 p. 164]; Leiden F.93/10.51–52 [18, II p. 145–146; III pl. 55]; Lisbon SGL 2507-32A, 2507-32B [26 p. 641 (45) – 642 (46)]; London BM EA 24885, 24886; London UC 40029 [27 p. 15 (443), pl. XI, XIX, XL]; Omar Pacha Collection 384 [28 69 (384)]; Oslo EM 12599, 12602 [29 p. 45–47]; Paris Louvre E. 20245 [30 p. 171; 31 p. 77 (25)]; Roanne 249 [32 p. 125 (108)]; Stockholm MM 14989; St.-Gallen HM C 730.32 [19 S. 199 (123)]; Uppsala 19 [33 p. 102 (19)]. Еще одно **ушебти** Несмут было в погибшей коллекции Национального музея в Рио-де-Жанейро: Rio de Janeiro № 11 [34 p. 468 (47)]. К сожалению, в изданиях нет каких-либо данных о его происхождении [35 I, 212, 213 (No. 119); II, pl. 199; 244 (47); 34 p. 244–245, 468 (47)]. Отметим, что одно или два **ушебти** Несмут, согласно описи Службы древностей, были и в составе «российского» лота № 6 (под № 32) [36 p. 114], но современное их местонахождение неизвестно.

О. Д. Берлев также указывает, что в Каире находится **статуэтка Осириса с папирусом Книги мертвых** Несмут, но ее инвентарный номер им не уточнен [36 p. 14 (10)]. Определить эти объекты нам не удалось. Поскольку указанные статуэтки (по сути, контейнеры для погребальных папирусов), очень часто были анонимными [8 p. 302–308], можно попробовать идентифицировать только свиток. Мы можем указать на четыре документа XXI династии в различных музейных собраниях, владельцами которых были жрицы с именем Несмут⁴. На наш взгляд, с некоторой долей вероятности, соотнесен с интересующей нас Несмут может быть только рHamm Gustav-Lübcke-Museum 2236 [38 S. 22–48; 39 S. 111–112 (46)]. Жрица на этом свитке носит титул

⁴ рHamm 2236 [37 p. 309 (рHamm)], рLondon BM EA 9984 [37 p. 324–325 (рLondon 18)]; рLos-Angeles, The J. Paul Getty Museum 83.AI.46.5 (Objektbeschreibung als Totenbuchprojekt Bonn, TM 134690, <totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm134690>), рTurin 1850 [37 p. 371 (рTurin 21)].

«Владычица дома, певица Амона, царя богов»⁵. Дальнейшее изучение обстоятельств приобретения папируса Hamm 2236, происходящего из коллекции Г. Любке (*Gustav Lübcke*), позволит подтвердить или опровергнуть предположение о тождестве этих жриц, но при условии, что Несмут из Баб эль-Гусус вообще имела погребальные свитки, поскольку отчеты Даресси и Бурьяна, а также сводка Д. Эстона, ничего о них не сообщают. Вполне возможно, что папирус Hamm 2236 принадлежал совершенно иной жрице, носившей имя Несмут.

Саркофаг (рис. 2). В настоящее время этот памятник хранится в Одесском археологическом музее НАН Украины (далее: ОАМ) под инв. № 71695⁶. Что касается **мумийной крышки** Несмут (тип II-d по Нивинскому) [2 р. 121], то в состав лота № 6 она не попала и находится в фондах Музея древностей в Каире (Cairo CG 6007) [2 р. 120–121 (91); 13 р. 22–23].

Музейная история. После обнаружения в 1891 г. саркофаг Несмут был доставлен в Египетский музей в Гизе, где в “*Journal de Entrée*” получил инв. № 29634. В 1893 г., когда хедив Египта Аббас II Хильми решил подарить часть древностей из тайника Баб эль-Гусус иноземным государствам, он попал в состав лота № 6, который получила Российская империя [1 р. 19]. Следует отметить, что все мумии из саркофагов, предназначенных для дара, были оставлены в Каире. По этой причине **мумия** Несмут сегодня хранится в Каирском Музее древностей (Cairo J.E. 29705)⁷. В числе других предметов, входивших в лот, саркофаг Несмут был доставлен в Одессу в 1894 г. Здесь в Новороссийском (Одесском) Имп. университете древности распределили на 10 пропорциональных частей, которые были доставлены в различные музеи при высших учебных заведениях империи⁸. Саркофаг Несмут, вместе с 10 *ушебти* и 1 пеленой мумии, был отправлен в 1895 г. в Киев, в Археологический музей при Университете Св. Владимира и, согласно инвентарной книге, он

⁵ Totenbuchprojekt Bonn, TM 134425, <totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm 134425>.

⁶ Размер саркофага составляет 186 × 50 см. Библиография: [15 с. 198–207, табл. VIII; 40 с. 98 (195) (приведен некорректный инв. № 71700); 99 (196); 2 р. 120 (91) (приведен некорректный инв. № 71700); 36 р. 14–16 (10); pl. 28–29 (II, 10); 16 р. 113–118. 41 р. 532; 42 с. 330–331; 369, рис. 30].

⁷ См.: [43 р. 1212 (4*)].

⁸ См. подробнее: [42 с. 311–394].

получил № 6499⁹. В советский период он несколько раз менял свое местонахождение. С 1938 по 1941 г. саркофаг Несмут находился в экспозиции Центрального исторического музея им. Т. Г. Шевченко, занимавшего корпуса Киево-Печерской лавры, и получил новый инв. № ас 13458¹⁰. В годы немецкой оккупации с 1941 по 1943 г. все египетские памятники (эвакуировать их не успели) попали в фонды открытого немцами Краевого музея до- и ранней истории (*Landesmuseum für Vor- und Frühgeschichte*), а в 1943 г. они были вывезены в Германию (в замок Хёхштэдт в Баварии) и возвращены в Украину только в конце 1947 г. В 1948 г. саркофаг Несмут был определен в Государственный исторический музей в Киеве, но уже в 1959 г. его передали из Киева в ОАМ¹¹. На сегодняшний день, в экспозиции ОАМ представлен только корпус саркофага, а крышка находится на фондовом хранении.

Дискуссия. Ключом к поставленному в названии вопросу об узурпации или адаптации предметов в составе погребального инвентаря Несмут является именно саркофаг. Этот памятник неоднократно привлекал внимание ученых. Впервые он был исследован Б. А. Тураевым, который опубликовал его описание, транскрипцию и перевод надписей в 1899 г. [15 с. 198–207, табл. VIII]. В дальнейшем, саркофаг Несмут был зарисован ленинградским египтологом М. Э. Матье, приезжавшей в Киев в июне 1928 г., после чего его изучением занялся одесский египтолог С. В. Дониц¹². К сожалению, он так и не издал результаты своих изысканий¹³. Наиболее значимая публикация саркофага Несмут была сделана О. Д. Берлевым в 1998 г., который издал описание, фотографии и перевод помещенных на нем

⁹ «Книга для записи вещей Музея древностей и искусств Имп. Университета Св. Владимира» (копия, Научный фонд Национального музея истории Украины).

¹⁰ Этот номер сохранился на памятнике до наших дней, кроме того, на нем есть еще один номер – 7089, происхождение которого пока не ясно.

¹¹ Согласно распоряжению Министерства культуры УССР № 200-р от 10 августа 1959 г. за подписью замминистра Г. Шабляя, в ОАМ были переданы семь предметов из фондов Киевского государственного исторического музея. Интересно, что согласно Акту № 1 от 4 сентября 1959 г. саркофаг Несмут (№ ас 13458) по прибытию в Одессу оказался с «останками мумии», которые в распоряжении Министерства не значились.

¹² Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины, Ф.10, д. 55/9, л.1–1об.; См. также: [44 с. 26–27].

¹³ Рукописный архив Научного фонда ОАМ, папка инв. № 59420/21: «Черновые заметки С. Доница (в основном о Древнем Египте)».

текстов на английском языке [36 p. 14–16 (10); pl. 28–29 (II, 10)]. В 2002 г. транскрипция и перевод текстов на данном саркофаге, в том числе на английском, были опубликованы Г. А. Беловой и С. В. Ивановым, причем для своей работы они использовали рукописные материалы С. В. Доница [16 p. 111–118]. Однако все перечисленные исследователи саркофага Несмут не обратили должного внимания на ряд важных стилистических, текстовых и технических деталей памятника. Они были выявлены летом 2018 г. в ходе обследования саркофага Несмут в ОАМ проф. А. Нивинским (Варшава), Н. В. Лаврентьевой (Москва) и автором данного доклада в контексте подготовки совместного исследования по древностям лота № 6 Баб эль-Гусус.

Итак, было обнаружено, что крышка саркофага (тип IV-b по А. Нивинскому) [2 p. 121] существенно отличается от его корпуса по стилистике оформления, составу выписанной на ней титулатуры, и имеет более раннюю датировку. Кроме того, выяснилось, что крышка имеет большие размеры, нежели корпус, и на ней сохранились следы технической обработки для подгонки под корпус меньшего по размеру и более позднего саркофага ее тезки или родственницы. Соответственно, мы можем говорить о *двух* Несмут, чьи предметы были обнаружены в Баб эль-Гусус. Комплект А.48 по Даресси, принадлежал Несмут, которая умерла в конце правления XXI династии, как это можно заключить по надписи на ее мумийных перевязях, упоминающих Верховного жреца Амона Пусеннеса III (976–943 гг. до н. э.). Мы обозначим ее как Несмут II, и именно для нее был изготовлен корпус саркофага ОАМ № 71695 и ей предназначался сопроводительный инвентарь. Другая жрица с тем же именем, умерла раньше, в середине правления XXI династии и мы назовем ее Несмут I. Отдельные предметы ее погребального инвентаря в дальнейшем были *адаптированы* для более поздних захоронений. Крышка ее внутреннего саркофага была подогнана под корпус саркофага Несмут II (ОАМ № 71695), тогда как крышка ее внешнего саркофага, по все видимости, была адаптирована для другого, анонимного погребения из Баб эль-Гусус. Речь идет о комплекте А.54 [1 p. 4, 20; 8 p. 173 (TG 727)] (ex. Cairo J.E. 29645, «швейцарский» лот № 9, Neuchâtel, Musée d'Ethnographie Eg. 184). На крышке внешнего саркофага этого комплекта, первоначально не имевшей записи имени, в двух центральных сегментах сохранилось написание имени «Несмут» (*Wsir*

Ns-Mw.t), выписанное поверх росписи курсивной иероглификой¹⁴. Замечу, что А. Нивинский в 1988 г. определил этот комплект как «мужской» [1 p. 158 (199)], но в действительности, «мужским» в нем является *только корпус внешнего саркофага*, тогда как все остальные компоненты комплекта, и в частности, его крышка, вполне «женские» [5 S. 52, Abb. 7]. Впервые на это обстоятельство указали А. Кюффер и Р. Зигманн [5 S. 75–77]. По их мнению, корпус анонимного внешнего мужского саркофага мог быть ошибочно «прикреплен» к этому женскому комплекту при формировании и упаковке лотов в Каире в 1893 г.¹⁵ Но вполне допустимо, что эта «ошибка» могла произойти в древности при формировании анонимного погребального комплекта в мастерской, или же мы имеем здесь еще один пример *адаптации* частей саркофагов для членов одной семьи, как это может быть в случае с одесским саркофагом Несмут.

Странности с погребальным инвентарем Несмут II на этом не заканчиваются. Итальянская исследовательница М. Зарли обратила внимание на наличии у Несмут двух различных типов *ушебти*. Первый тип статуэток (рис. 3, А) имеет большую голову, «женские черты», а надписи содержат короткую версию имени Несмут¹⁶. *Ушебти* второго типа (рис. 3, В) более пропорциональны и дают полную форму имени хозяйки¹⁷. Исследовательница сопоставляет статуэтки первого типа с комплектом А.48, а второй тип связывает с упомянутым мужским (!) погребением «Несмута» – комплектом А.54 [24 p. 403], базируясь на отмеченном некорректном определении пола владельца этого комплекта А. Нивинским (саркофаги Neuchâtel Eg. 184a-e) [2 p. 158 (199)]. Оснований для такой гендерной интерпретации, как отмечалось, нет. Но, самое главное, связывать *ушебти* Несмут типа ‘b’ с комплектом

¹⁴ Мы признательны *И. Поггер* (Dr. Isadora Rogger, Neuchâtel) за любезно предоставленные фотографии данного памятника.

¹⁵ «Moglicherweise gehört die äussere Wanne nicht zum originalen Ensemble der Nes-Mut, sondern wurde diesem anlässlich der Verpackungsarbeiten in Kairo irrtümlich hinzugefügt» [5 S. 213, Anm. 30].

¹⁶ Исследовательница определяет их тип по Шнайдеру как Cl. VIIIb1; W19; H8; I5; B12b; Tr7b, и как примеры приводит Florence 8538, Basel VM III 613, Stockholm MM 14989, Lisbon SGL 2507-32A [24 p. 402–403]. К этому же типу относится и *ушебти* Rio de Janeiro № 11.

¹⁷ Этот тип определяется как Cl. VIIIa1; W19; H1; I5; B12b; Tr7b и приведены примеры: Florence 8539, Brussels E.05429a, E.05429b, Clermont-Ferrand 3162, Leiden F.93/10.51–52, Lisbon SGL 2507-32B, Roanne 249, Paris Louvre E. 20245, London UC 40029, Uppsala 19 [24 p. 402–403].

А.54 неправомерно, так как, согласно отчету Даресси, в нем вообще не было *ушебти* [1 р. 26 (54); ср.: 8 р. 173 (TG 727)]. Соответственно, оба типа *ушебти* Несмут вполне определенно происходят из одного комплекта А.48. Таким образом, думаю, мы имеем здесь дело с такой же адаптацией (вторичном использовании) погребального инвентаря, как и в случае с крышкой ее саркофага. Иначе говоря, часть *ушебти* (тип ‘b’?) была «узурпирована» Несмут II и ранее принадлежала погребению ее тезки и, скорее всего, родственницы – Несмут I. При этом вполне возможно, что к числу предметов Несмут I принадлежали не только статуэтки, но и один из двух ящичком для *ушебти*, обнаруженных в комплекте А.48.

Итак, установлено, что погребальный инвентарь египетской жрицы Несмут II из тайника Баб эль-Гусус (А.48) содержит предметы ее прямой тезки и, возможно, родственницы, Несмут I, носившей, к тому же, схожие титулы, но занимавшей более высокий ранг (дополнительный титул «музыкантша Мут, великой владычицы *Аиеру*»). Крышка внутреннего саркофага Несмут I была адаптирована под корпус одинарного саркофага Несмут II (ОАМ № 71695), тогда как крышка ее внешнего саркофага была адаптирована под корпус (мужского!) внешнего саркофага другой жрицы (еще одной родственницы?), погребенной в том же тайнике (комплект А.54, Neuchâtel Eg. 184). Важно отметить, что вторично, по всей видимости, были использованы не только элементы саркофагов Несмут I, но и другой ее инвентарь – *ушебти* и ящик для *ушебти*. На узурпацию подобных мелких объектов в составе погребальных комплектов Баб эль-Гусус, насколько, нам известно, ранее не обращали внимания¹⁸, что во многом обусловлено крайне неудовлетворительной археологической документацией этого интереснейшего комплекса.

В завершение остановимся на причине отмеченного явления. Наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что до помещения в тайник Баб эль-Гусус, погребения представителей фиванского жречества находились в различных родовых склепах, обустроенных в гробницах времени Нового царства. Именно внутри этих родовых

¹⁸ В условиях, когда значительная часть погребального инвентаря в дальнейшем могла быть использована вторично, функцию сохранения индивидуальности усопшего (его имени), а это в представлениях египтян было наиважнейшей «гарантией» бессмертия человека в загробном мире, выполняли *погребальные папирусы*. См. напр.: [45 р. 71].

погребальных комплексов-склепов¹⁹, видимо, и происходила рециркуляция инвентаря и саркофагов или их элементов (вопрос о том, куда перезахоранивали мумии особ, чьи саркофаги доставались их потомкам, нуждается в отдельном исследовании и объяснении). И главное, что надо подчеркнуть – массовый процесс вторичного использования погребальных предметов, в представлениях египтян не носил негативной коннотации, которую мы вкладываем в понятие «узурпация», а напротив, имел сакральный характер, очевидно, связанный с культом предков и почитанием прошлого.

Литература

1. *Daressy G.* Les cercueils des prêtres d'Ammon (deuxième trouvaille de Deir el-Bahari) // *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. Т. 8. 1907. P. 4–38.

2. *Niwiński A.* 21st Dynasty Coffins from Thebes. Chronological and Typological Studies / Theben. 5. Mainz am Rhein: von Zabern, 1988.

3. *Lipińska J.* Bab el-Gusus. Cache-Tomb of the Priests & Priestesses of Amen // *Kemet*. 1993–1994. No. 4. P. 48–59.

4. *Reeves N.* Ancient Egypt: The Great Discoveries: A Year by Year Chronicle. London: Thames & Hudson, 2000.

5. *Küffer A., Siegmann R.* Unter dem Schutz der Himmelsgöttin. Ägyptische Särge, Mummen und Masken in der Schweiz. Zürich: Chronos, 2007.

6. *Sousa R.* The Tomb of the Priests of Amun at Thebes: The History of the Find // *The Coffins of the Priests of Amun. Egyptian coffins from the 21st Dynasty in the collection of the National Museum of Antiquities in Leiden* / Ed. by L. Weiss / *Papers on archaeology of the Leiden Museum of Antiquities*. 17. Leiden, 2017. P. 21–33.

7. *Daressy G.* Les sépultures des prêtres d'Ammon à Deir el-Bahari. Appendice I, Plan et coupe de la cachette de Deir el-Bahari. Appendice II, Disposition des cercueils dans la cachette // *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. Т. 1. 1900. P. 141–148.

8. *Aston D.A.* Burial Assemblages of Dynasty 21–25. Chronology – Typology – Developments / *Contributions to the Chronology of the Eastern Mediterranean*. Bd. XXI. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2009. 497 p.

¹⁹ Cp.: [46 p. 1–26].

9. *Cooney K.M.* Coffin reuse: Ritual materialism in the context of scarcity // Proceedings First Vatican Coffin Conference, 19-22 June 2013 / Ed. by A. Amenta, H. Guichard. Vol. II. Vatican, 2017. P. 101–112.
10. *Cooney K.M.* Coffin Reuse in the 21st Dynasty: A Case Study of the Coffins in the Rijksmuseum van Oudheden // The Coffins of the Priests of Amun. Egyptian coffins from the 21st Dynasty in the collection of the National Museum of Antiquities in Leiden / Ed. by L. Weiss L. / Papers on archaeology of the Leiden Museum of Antiquities. 17. Leiden, 2018. P. 69–96.
11. *Cooney K.M.* Patterns of coffin reuse from Dynasties 19 to 22 // Ancient Egyptian Coffins: Past – Present – Future / Ed. by H. Strudwick, J. Dawson. Oxford, Philadelphia, 2019. P. 96–108.
12. *Ranke H.* Die ägyptischen Personennamen. Bd. I. Glückstadt: J.J. Augustin, 1935. 432 S.
13. *Chassinat E.* La seconde trouvaille de Deir el-Bahari (sarcophages). T. I, fasc. 1 / Catalogue Général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Ns. 6001–6029. Leipzig, 1909. 88 p. + XIV pl.
14. *Lieblein J.* Dictionnaire de noms hiéroglyphiques publié d'après les monuments égyptiens. Supplément. Leipzig, 1892. S. 993–1004.
15. *Тураев Б.А.* Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях, Ч. V–VI // Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. Т. 12. СПб., 1899. С. 179–217.
16. *Belova G., Ivanov S.* The Inner Coffin of Nesy-Mwt from the Priestly Cache of Bab el-Gasus // Egyptian Museum Collections around the World. Studies for the Centennial of the Egyptian Museum / Ed. by M. Eldalmy, M. Trad. Vol. 1. Cairo, 2002. P. 111–118.
17. *Naguib S.-A.* Le Clergé Féminin d'Amon Thébain à la 21e Dynastie (Orientalia Lovaniensia Analecta. T. 38). Leuven: Peeters, 1990. 340 p.
18. *Schneider H.D.* Shabtis – An Introduction to the History of Ancient Egyptian Funerary Statuettes with a Catalogue of the Collection of Shabtis in the National Museum of Leiden. Vols. I–III. Leiden: Rijksmuseum van Oudheden, 1977.
19. *Schlögl H.A., Brodbeck A.* Ägyptische Totenfiguren aus öffentlichen und privaten Sammlungen der Schweiz (Orbis Biblicus et Orientalis. 7). Freiburg, Göttingen: Universitätsverlag & Vandenhoeck Ruprecht, 1990. 354 S.
20. *Roeder G.* Aegyptische Inschriften aus den Staatlichen Museen zu Berlin. Bd. II. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1924. 678 S.

21. *Dautant A., Escobar Clarós D. M. A., Jamen Fr.* Distribution and current location of the French Lot from the Bab el-Gasus Cache // Proceedings First Vatican Coffin Conference, 19–22 June 2013 / Ed. by A. Amenta, H. Guichard. Vol. I. Vatican, 2017. P. 123–128.
22. *Mogensen M.* Inscriptions Hiéroglyphiques du Musée National de Copenhague. Copenhague: Høst, 1918. X + 148 p.
23. *Botti G.* Le Antichità Egiziane del Museo dell'Accademia di Cortona. Ordinate e descritte. Firenze: Leo S. Olschki 1955. 128 p.
24. The Tomb of the Priests of Amun. Burial Assemblages in the Egyptian Museum of Florence / Ed. by R. Sousa Gate of the Priest. Vol. 1. (Culture and History of the Ancient Near East. Vol. XCVII). Leiden – Boston: Brill, 2018. XX + 556 p.
25. *Budge E.A.W.* Some Account of the Collection of Egyptian Antiquities in the Possession of Lady Meux of Theobald's Park, Watham Cross. 2nd ed. London: Harrison & Sons, 1898. 360 p.
26. *de Araújo L.M.* Estatuetas Funerárias Egípcias da XXI Dinastia. Lisboa: Fundacao Calouste Gulbenkian, 2003. 1115 p.
27. *Petrie W.M.F.* Shabtis. Illustrated by the Egyptian Collection in University College, London. London: British School of Egyptian Archaeology, 1935. XLIV p.
28. *Aubert J.* Les statuettes funéraires de la collection Omar Pacha // Chronique d'Égypte. 1976. T. 51. P. 58–71.
29. *Naguib S.-A.* Funerary Statuettes (CAA, Etnografiosjk Museum, Oslo. Fasc. 1). Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. 132 p.
30. *Aubert J., Aubert L.* Statuettes égyptiennes Chaouabtis, Ouchebtis. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1974. 344 p. + 68 pl.
31. *Aubert L.* Les statuettes funéraires de la Deuxième Cachette à Deir el-Bahari. Paris: Cybele, 1998. 128 p.
32. *Gabolde M.* Catalogue des antiquités égyptiennes du Musée Joseph Déchelette. Roanne: Musée Joseph Déchelette, 1990. 317 p.
33. *Sandman M.* Les statuettes funéraires du Musée de Victoria a Uppsala // Sphinx. T. 22. 1930. P. 93–107.
34. *Gama-Rolland C.A.* Os servidores funerários do Museu Nacional do Rio de Janeiro. Catálogo e interpretação. Rio de Janeiro: Novas Edições Acadêmicas, 2015. 576 p.
35. *Kitchen K.A.* Catalogo da Coleção do Egito Antigo existente no Museu Nacional, Rio de Janeiro. T. I–II. Rio de Janeiro: Museu Nacional, Universidade Federal de Rio de Janeiro, Departamento de Antropologia, Setor de Arqueologia, 1990. 304 p.

36. *Berlev O., Hodjash S.* Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorrussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States (Orbis Biblicus et Orientalis. 17). Freiburg, Göttingen: University Press & Vandenhoeck Ruprecht, 1998. 328 p.
37. *Niwiński A.* Studies on the Illustrated Theban Funerary Papyri of the 11th and 10th Centuries B. C. (Orbis Biblicus et Orientalis. 86). Freiburg – Göttingen: Universitätsverlag / Vandenhoeck Ruprecht, 1989. 402 p. + 48 pl.
38. *von Falck M.* Die ägyptische Sammlung // Stadt Hamm, Gustav-Lübcke-Museum, Führer durch die Sammlungen / Hrsg. von M. von Falck. Hamm, 1998. S. 22–48.
39. *von Falck M., Fluck C.* Die Ägyptische Sammlung des Gustav-Lübcke-Museums Hamm. Bonn: Kettler, 2004. 311 S.
40. Одесский археологический музей АН УССР. Альбом / Отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1983. 196 с.
41. *Tarasenko M.* The Third Intermediate Period coffins in the Museums of Ukraine // Proceedings First Vatican Coffin Conference, 19–22 June 2013 / Ed. by A. Amenta, H. Guichard. Vol. II. Vatican, 2017. P. 529–540.
42. *Тарасенко Н.А.* По следам забытого археологического открытия: древности из тайника Баб эль-Гусӯс в Одессе (1894–1895 гг.) // *Aegyptiaca Rossica* / Под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой. Вып. 6. М., 2018. С. 311–394.
43. Atherosclerosis across 4000 years of human history: the Horus study of four ancient populations / Thompson R.C. *et al* // *Lancet*. 2013. No. 381. P. 1211–1222.
44. *Мамье М.Э.* Ушебти царицы Хенттауи // Сборник египтологического кружка при ЛГУ. Вып. 2. Л., 1929. С. 26–27.
45. *Stevens M.* In the Shadow of Coffin Reuse: Reactionary Functions of 21st Dynasty Funerary Papyri // Second Vatican Coffin Conference: 6–9 June 2017. Abstracts. Vatican, 2017. P. 71.
46. *Aston D.A.* «The Third Cache» – Myth or Reality? // A True Scribe of Abydos. Essays on First Millennium Egypt in Honour of Anthony Leahy / Ed. by C. Jurman, B. Bader, D.A. Aston (Orientalia Lovaniensia Analecta. T. 265). Leuven: Peeters, 2017. P. 1–26.

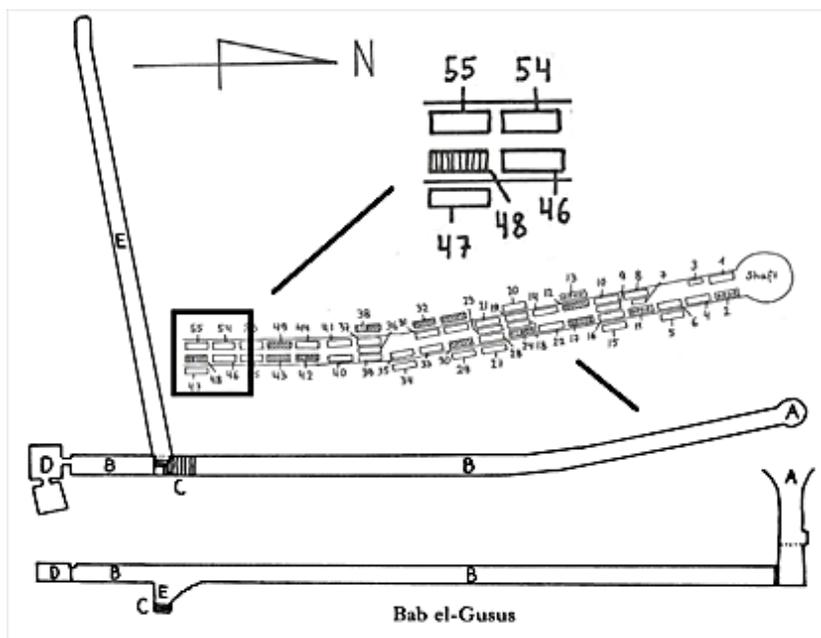

Рис. 1. Расположение погребального комплекса Несмут (А.48) в тайнике Баб эль-Гусус

Рис. 2. Саркофаг Несмут, ОАМ № 71695 (фото автора; © ОАМ)

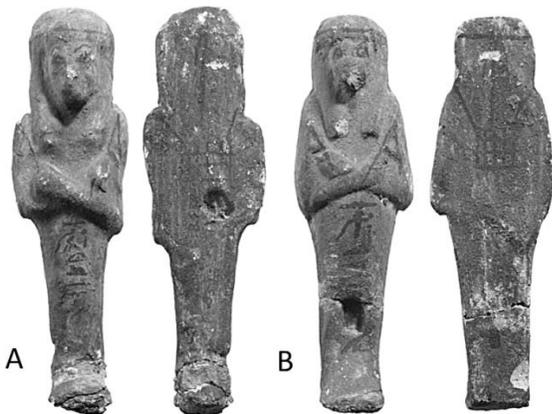

Рис. 3. Ушебти Несмут, Museo Egizio Firenze, № 8538 и 8539 (по [24 p. 404, fig. 245])

Вещь в контексте жертвенного комплекса
по данным могильника Екатериновский мыс

А.И. Королев

*Самарский государственный социально-педагогический
университет, Самара, arkorolev@gmail.com*

А.Ф. Кочкина

*Самарский областной историко-краеведческий музей
им. П.В. Алабина, Самара, archeo@alabin.ru*

Д.А. Сташенков

*Самарский областной историко-краеведческий музей
им. П.В. Алабина, Самара, archeo@list.ru*

Исследования могильников неолита – энеолита выявляют такие объекты погребального обряда, как жертвенные площадки и комплексы, которые являются частью структуры могильника. Анализ их пространственного расположения, особенностей размещения инвентаря, сочетания категорий инвентаря в таких комплексах и соотношение с артефактами из погребений являются задачами данного исследования.

Ритуальные площадки и «клады», связанные с погребениями, были выявлены на стоянках волосовской культуры в Поочье [1 с. 76-77]. Ритуальные площадки в могильнике на месте стоянки Володары включали углистые линзы, охру, керамику, кости животных, орудия из камня и кости, костяные украшения. Здесь же располагались «клады» с украшениями и кремневыми орудиями [2 с. 39-46]. На Верхней Волге в ходе исследования могильника Сахтыш II были открыты «святылище», две ритуальные площадки, в которых были найдены развалы сосудов, кости животных и клады [3 с. 23-27.]. Два клада (первый с украшениями, второй с наконечниками стрел) были изучены на могильнике Сахтыш IА [3, с. 48-49]. В могильниках степи и лесостепи также известны подобные комплексы. Жертвенная площадка на уровне древней поверхности была открыта в ходе изучения могильника у с. Съезжее на р. Самаре, отнесенного к раннему энеолиту [4 с. 147]. Она имела размеры 6,0 x 4,0 м, была обильно окрашена охрой и содержала скопление развалов сосудов, черепа и кости ног лошадей, бусы из раковин, костяной гарпун. Под площадкой были выявлены погребения с

наиболее богатым инвентарем. В ходе исследования I Хвалынского могильника было выделено 12 жертвенников [5 с. 8-10]. Некоторые характеристики (наличие керамики, охры, раковинных бус, костей животных) сближают их с жертвенной площадкой Съезжинского могильника. Так же, как и в могильнике у с. Съезжее, жертвенники могли перекрывать погребения.

Новые данные, позволяющие обратиться к вопросам изучения жертвенных площадок и комплексов в погребальной обрядности периода раннего энеолита, были получены в ходе исследования могильника Екатериновский мыс в Самарском Поволжье. Как и в могильнике у с. Съезжее, жертвенные площадки определялись по распространению развалов сосудов [6 с. 19, рис.1]. Кроме керамики, здесь были обнаружены отдельные кости животных, бусины из раковин, изделия из камня. Наиболее крупное скопление керамики было в центральной части могильника, но выявленные на его периферии развалы сосудов и небольшие скопления показывают, что устройство площадок представляло собой повторяющуюся практику в период функционирования могильника. На западной окраине могильника были расчищены небольшие скопления фрагментов, как правило, в сильно измельченном состоянии. Охра присутствовала здесь в виде отдельных крупинок. Ближайшие погребения, с которыми, вероятно, была связана площадка, располагались северу и востоку. В центральной части могильника наблюдалась иная картина. Центральная жертвенная площадка состояла из небольших участков концентрации керамики, различавшихся планиграфически, уровнем залегания, а также по степени окраски охрой, от слабой до обильной. Керамика располагалась в основании слоя серого суглинка и в нижележащем серо-коричневом суглинке выше погребений, в ряде случаев перекрывая их. Мощность плотно насыщенного керамикой и окрашенного на всю глубину охрой пласта достигает здесь 27 см. Отдельные фрагменты керамики от расположенных на жертвенных площадках сосудов встречаются в заполнении могильных ям, однако о помещении сосуда в погребении можно говорить только в одном случае: видимо, сосуд был помещен в детское погребение 33. На нескольких примерах выявляется последовательность совершения захоронений и формирования жертвенных площадок. Так, развалами сосудов в центральной части могильника оказались перекрыты погр. 19 и частично погр. 20 и 31. Скопления фрагментов керамики располагались также над погр. 70, 71, 77 и над одним из жертвенных комплексов. Подобная ситуация была

прослежена и в восточной части могильника, где было зафиксировано крупное скопление керамики. После его расчистки были выявлены погр. 87 и 88. В области груди скелета погр. 88 располагался фрагмент венчика из этого скопления. Развалы сосудов были обнаружены и за пределами расположения погребений, образуя внешний контур могильника. Повторяющиеся характеристики жертвенных площадок, их пространственное и глубинное соотношение с погребениями дают основания для заключения о том, что площадки формировались последовательно в ходе совершения ритуальных действий и отражают последовательность развития могильника. Выявленную здесь керамику можно рассматривать как следы тризны, завершающей погребальный обряд. Керамика с жертвенных площадок однотипна, характеризуется примесью раковины в тесте, наличием воротничка на венчиках, округлой формой днищ, орнаментом, выполненным преимущественно гребенчатыми штампами, резе веревочкой или плетеными фактурами. Редко встречаются ямчатые вдавления и прочерченные линии. Такая керамика имеет наиболее близкие аналогии в материалах самарской культуры [7, с. 33–46].

Кроме жертвенных площадок на территории могильника были выявлены отдельные жертвенные комплексы. К ним отнесены компактные скопления инвентаря, обнаруженные вне непосредственной связи с костяками и жертвенными площадками. В некоторых случаях к ним были отнесены единичные предметы, также найденные в стороне от погребений, положение которых *in situ* надежно определялось по размещению в пятне охры. Жертвенные комплексы иногда сопровождалась отдельными костями человека (примером может послужить погр. 46) [8]. В погребении компактно располагались вырезанное из рога навершие в виде головы лося, каменный зооморфный скипетр, шлифованное тесло, нож на крупном отщепе кремневого известняка, три ножевидные пластины с ретушью из кремня, два орудия на пластинах и мелкие сколы из кварцита, раковинная бусина, два резца бобра. Мелкий фрагмент керамики, видимо, попал из слоя. Местонахождение локализовалось на площади 35 x 57 см в окрашенном охрой пятне грунта на фоне материкового коричневого суглинка. Основанием для отнесения этого комплекса к погребениям стал найденный здесь зуб человека, что подчеркивает условность такого определения. С меньшим основанием его можно отнести к жертвенным комплексам. Аналогичный лосиноголовый жезл был выявлен в погр. 17, а зооморфный скипетр близок скипетру из погр.

52. Они выполнены из разных пород камня, к тому же скипетр из погр. 52 после поломки был преобразован в игрушку. Однако такие признаки, как трехчастное деление желобками и пропорции передней части, наличие просверленного отверстия позволяют отнести их к одному типу абстрактных зооморфных скипетров. В меньшей степени прослеживается сходство со скипетром из погр. 18. Их роднит материал, проушина, наличие «мордочки», правда более детализированной у последнего изделия. Прослеживается и общее сходство с реалистичными скипетрами и других погребений могильника. Ножевидные пластины из кремня и кварцита найдены в погр. 42, 45, 60, 67, 73, 74 и др. Каменные тесла, как целые, так и расколотые, бусины из створок раковин относятся к числу наиболее распространенных категорий погребального инвентаря могильника. Резцы бобра также нередко встречаются в погребениях. Таким образом, материалы этого комплекса находят полные аналогии в погребениях могильника. Каменный скипетр и роговой жезл подчеркивают его престижный характер.

Возможность интерпретации в качестве жертвенного комплекса остается и для детского погребения 21. Оно было совершено в яме размерами 100 x 44 см и включало молочные зубы человека. Погребение было обильно посыпано охрой и содержало инвентарь: два фрагментированных каменных полированных тесла, костяную подвеску, две орнаментированных пластины из клыка кабана и бабочковидную подвеску с нарезками и отверстиями по краям. Наиболее полные аналогии крупным орнаментированным пластинам содержатся в погр. 40 (взрослое) и в погр. 93 (детское или жертвенный комплекс).

Одним из самых ярких объектов исследованных на могильнике является изученное в восточной части могильника погребение 93 [9 с. 14-15]. Основанием для его определения в качестве погребения стали зубы ребенка, фрагмент кости ноги взрослого человека. Комплекс представляет собой яму овальных очертаний с ярким охристым заполнением, в северо-восточной части которой на дне были обнаружены компактным скоплением многочисленные изделия из клыка кабана, подвески с выступом (бабочковидной формы) с отверстиями, крупные пластины с орнаментом и отверстиями на концах (пекторали); резцы бобра; каменные тесла; каменное реалистичное тульчатое навершие скипетра [9 с. 15]. Навершие скипетра имеет выделенную в виде головы животного переднюю часть, задняя более

массивная закруглена. Подобный скипетр был найден в центральной части могильника в погр. 76. Традиционно скипетры рассматриваются в качестве символов власти, и расположение скипетра в одном объекте с останками ребенка оставляет место предположению, что таким образом был зафиксирован наследуемый статус. Крупные орнаментированные пластины из клыка кабана происходят из погр. 21 и 40, а бабочковидная подвеска за пределами этого комплекса была обнаружена только в погр. 21. Необходимо отметить, что изделия этого типа были встречены только в объектах, содержащих детские останки. Обнаруженный здесь комплекс по сочетанию вещей является уникальным.

Большой интерес представляет выявленное в слое серо-коричневого суглинка местонахождение изделий из кремня (кв. 74). Оно располагалось в стороне от погребений, было компактным и включало два наконечника и семь вкладышей из кремня, составляющих единый комплекс (рис. 1, 9-17). Наконечники с выемками в основании имеют вытянутые пропорции, изготовлены из светло-серого с коричневатым оттенком блестящего непрозрачного кремня. Вкладыши однотипные, шесть изготовлено из кремневых пластин белого цвета с желтоватым оттенком, один из серого кремня. Узлокальный характер местонахождения и расположение с взаимным налеганием предметов указывает на их специальное размещение в небольшой ямке и, вероятно, в упаковке. Заслуживает внимания совместное расположение наконечников с выемчатым основанием и вкладышей – лезвий составных орудий. Аналогичные изделия были встречены в могильнике вне связи друг с другом. Благодаря жертвенному комплексу их удалось связать вместе. Условия находки дают основания для ее интерпретации как жертвенного комплекса.

С жертвенным комплексом было соотнесено скопление предметов на квадрате 5, пл. 2, состоявшее из фрагментов отполированного втульчатого каменного навершия и бусин из раковин (рис. 1, 1-8). Навершие изготовлено из черного камня, имеет округлую в плане и уплощенную в профиле форму. Такие изделия определяются в качестве булав или скипетров. Оно было намеренно разбито, и фрагменты компактно располагались в пятне охры вместе с небольшой низкой раковинных бусин между погр. 8 и 9. Интересно, что в этом случае ярко проявился обряд порчи вещей, особенно хорошо прослеженный на каменных теслах [10 с. 3-10]. Материалы комплекса залежали практически на той же глубине, что и погребения. Отметим, что

аналогичное по материалу, размерам и форме навершие было найдено в погр. 45 [11 с. 292, рис. 9].

Еще один жертвенный комплекс был выявлен под скоплением керамики вблизи погр. 76 с каменным зооморфным скипетром. Комплекс включал изготовленный из рога крупный зооморфный предмет с прорезанным отверстием для рукояти, в котором располагался костяной клин (рис. 2, 13). В этом же пятне охры залегал фрагмент еще одного изделия из рога прорезанным отверстием, у которого улавливаются очертания головы животного (рис. 2, 2). Кроме того, здесь были найдены фрагмент изделия из рога (рис. 2, 3), фрагменты пластин из клыка кабана (рис. 2, 4-6), бусы из раковин (рис. 2, 7-11). Зооморфный жезл-молот был вырезан из массивного изогнутого куска рога. С одной стороны его торец имеет уплощенную форму, противоположный оформлен в виде головы животного с отчетливо выделенным глазом. Определение «жезл-молот» по отношению к подобным изделиям условно, однако его внушительные размеры, массивная ударная часть не противоречат возможности боевого применения. Аналогичный жезл-молот с зооморфным оформлением обуха был обнаружен в погр. 40 с «престижным» инвентарем. Частично сохранившиеся подобные предметы с отверстием были найдены и в других погребениях, например, в погр. 55. Интересно, что на этом же локальном участке раскопа в охристом слое был найден лежащий вне связи с погребениями и отмеченным жертвенным комплексом небольшой каменный скипетр с боковыми выступами-«цапфами» (рис. 2, 12). Его также уместно рассматривать в качестве жертвенного приношения.

Примером единичного предмета, к которому применимо определение жертвенного комплекса, может также служить сломанное тесло из камня зеленого цвета, обнаруженное в небольшом охристом пятне, также в отдалении от ближайшего погр. 89. Аналогично можно рассматривать находку каменного навершия на квадрате 69, пл.6. Первоначально на этом участке на восточной периферии могильника было выявлено небольшое пятно (40x50 см), интенсивно окрашенное охрой. После расчистки было обнаружено только каменное навершие зооморфного типа (рис. 2, 14). Подовальное по форме навершие из серого камня обработано шлифовкой. Передняя часть оформлена в виде вытянутой мордочки животного. Отверстие для рукояти имеет усеченно-коническую форму с расширением книзу. Внутри отверстия были обнаружены восемь костяных клинышков (рис. 2, 15-22).

Связывать выше приведенные материалы с жизнедеятельностью поселения трудно. Поселенческий материал на памятнике присутствует, но он имеет другой характер. Орудия и сколы малочисленны, рассеяны в слое, не образуют скоплений, изготовлены из белого, желтоватого или однотонно серого кремня. В верхних горизонтах также встречалась малочисленная керамика эпохи поздней бронзы, керамика и другие изделия XIX-XX вв. Каменный инвентарь из жертвенных комплексов и погребений изготовлен из других сортов кремня, окремнелого известняка, кварцита. В пределах могильника не найдено скелетов животных на жертвенных площадках или их отдельные захоронения. Для исследования поднятой темы имеют значение данные о размещении домашнего животного в погр. 45. На памятнике это единственный бесспорный случай специальных обрядовых действий в отношении жертвенного животного. Особый статус погребения 45 определяется, кроме того, наличием трех каменных скипетров и птицеголового жезла из рога, а также костей ног и рук других людей, которые также должны рассматриваться в контексте жертвы [11 с. 289].

Подводя итоги, отметим, что интерпретация наборов инвентаря в качестве жертвенных комплексов основывается на ряде наблюдений. Жертвенные комплексы могли перекрываться скоплениями керамики, но, сами, как и погребения, не содержали в своем составе керамики. Площадки с керамикой организовывались уже после проведения действий по захоронению умерших, а также комплектов вещей. Жертвенные комплексы характеризуются компактным расположением, небольшой площадью распространения; они могли располагаться в ямах (или яма не определяется) и часто (но не обязательно) окрашены охрой. Инвентарь таких комплексов, за редким исключением, находит прямые аналогии в погребальном инвентаре. По отношению к теслам, скипетру из жертвенных комплексов и теслам из погребений применялся обряд порчи вещей. Часть выведенных из употребления изделий обладала определенной материальной ценностью, обусловленной не местным происхождением сырья. Месторождения таких пород камня, как алевролит, серпентинит расположены далеко от средневожского региона. Это определяет и сложность доставки сырья или готовых изделий, и уже в связи с этим их особую ценность. Но и предметы, сделанные из клыка кабана, рога, местных пород камня также обладали стоимостью, определенной затратами труда и времени на их изготовление. Все эти обстоятельства указывают на большое значение жертвенных комплексов для оставившего могильник населения и

позволяют выдвинуть предположение, что хотя бы часть из них представляет собой кенотафы. Сооружение кенотафов отмечено у населения культуры Гумельница с комплексным производящим хозяйством [12 с. 48-50]. Приведенные данные позволяют предположить, что аналогичные ритуальные практики бытовали и в обществах ранних подвижных скотоводов. Материалы могильника Екатериновский мыс обладают значительным потенциалом для выявления семантики жертвенных комплексов в системе мировоззренческих представлений общества эпохи раннего энеолита Восточной Европы.

Литература

1. *Цветкова И.К.* Погребение волосовской культуры на стоянке Владычинская Береговая II // Новые материалы по истории племен восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Труды Гос. исторического музея. 1985. Вып. 60. М. 69-79.
2. *Цветкова И.К.* Погребения на стоянке Володары // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) // Труды Гос. исторического музея. 1990. Вып. 74. С. 38-54.
3. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского Междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.
4. *Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. 1979. № 4. С. 147-166.
5. *Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.* Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 159 с.
6. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013-2016 гг.) // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 18-32.
7. *Васильева И.Н.* О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2019. №1 (27). С. 33-46.
8. *Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D.* The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovskiy Cape in the forest-steppe Volga region // Documenta Praehistorica XLVI (2019) (в печати).
9. *Кочкина А.Ф., Королев А.И., Сташенков Д.А.* Исследования на грунтовом могильнике эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс в

Безенчукском районе в 2017 г. // Археологические открытия в Самарской области в 2017 году. Самара: Изд-во СНЦ. 2018. С.14-15.

10. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В.* Уникальное погребение могильник эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // *Stratum plus*. 2018. №. 2. С. 285-302.

11. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* К изучению обряда порчи вещей по данным могильника Екатериновский мыс // *Археология восточноевропейской лесостепи* / Отв. ред. С.А. Серапулкин. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. С. 3-10.

12. *Авилова Л.И.* К изучению социальной структуры и идеологии племен гумельницкой культуры // *Советская археология*. 1986. №1. С. 41-53.

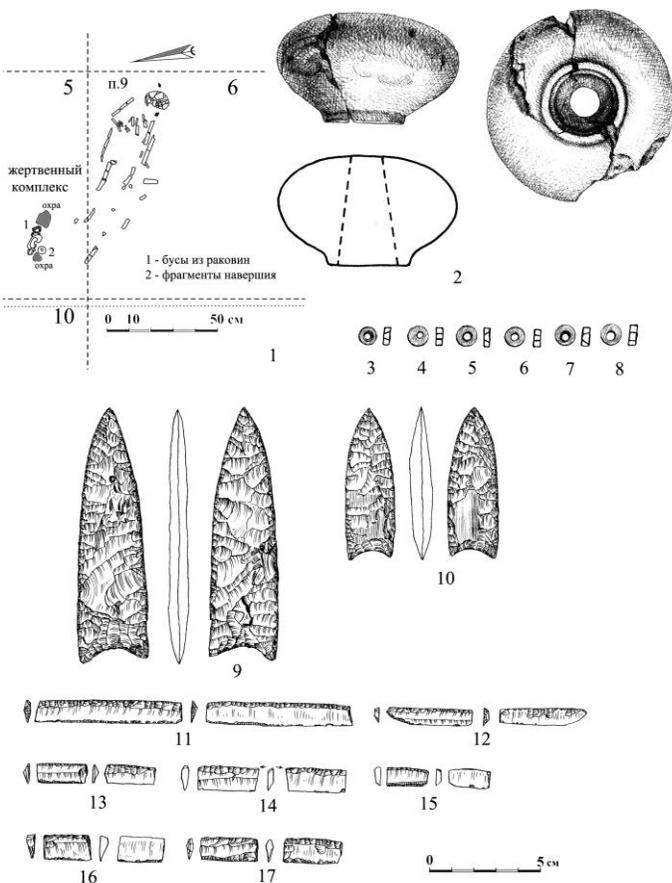

Рис. 1. Могилиник Екатериновский мыс. План погр. 9 и жертвенного комплекса, квадрат 5: 1 – инвентарь из жертвенного комплекса; 2 – каменное наконечие; 3–8 – бусины из раковин. Инвентарь из жертвенного комплекса, квадрат 74: 9–10 – наконечники дротиков; 11–17 – кремневые вкладыши. Рисунки Л.Ю. Николаевой (1-8) и А.И. Королева (9-17)

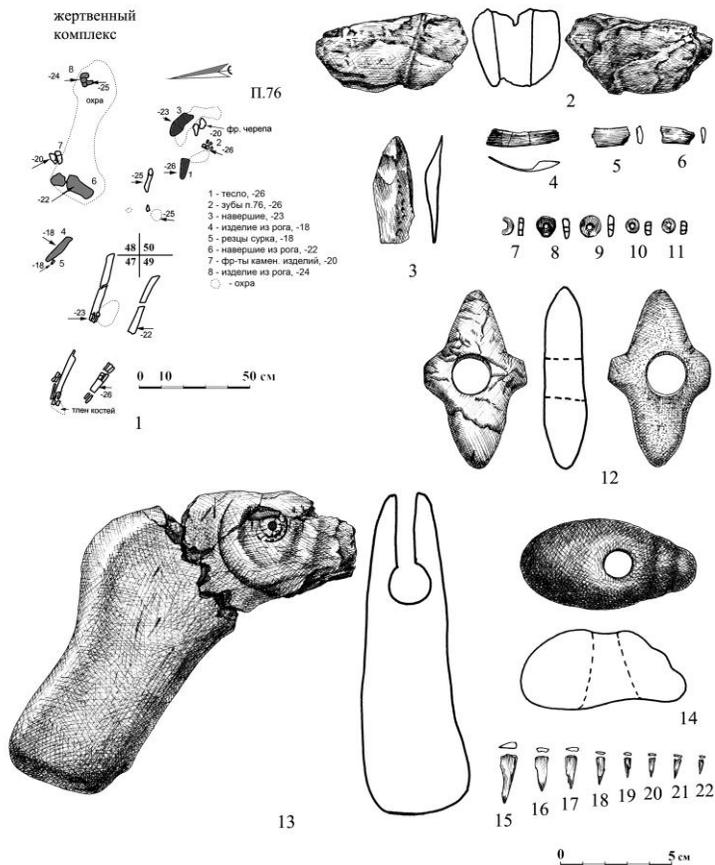

Рис. 2. Могилиник Екатериновский мыс: 1 – план погр. 76, жертвенного комплекса, квадрат 48; 2 – инвентарь из жертвенного комплекса: изделие из рога; 3 – фрагмент изделия из рога; 4–6 – фрагменты клыков кабана; 7–11 – бусины из раковин; 12 – каменное навершие скипетра; 13 – зооморфное изделие из рога; 14 – зооморфное навершие скипетра из жертвенного комплекса, квадрат 69; 15–22 – костяные клинья из зооморфного скипетра (рисунки Л.Ю. Николаевой)

Погребения с булавой: семантические аспекты
(по материалам могильника Тундык)

И.А. Кукушкин

*Сарыаркинский археологический институт
при Карагандинском гос. университете,
Караганда, sai@mail.ksu.kz*

М. В. Бедельбаева

*Музей археологии и этнографии Сарыаркинского археологического
института при Карагандинском гос. университете,
Караганда, bmv_1967@mail.ru*

Булавы с каменными и металлическими навершиями имеют довольно широкое географическое распространение. Они известны в древнем Египте, Месопотамии, на Кавказе, в Средней Азии и в степях Юго-Восточной Европы. В Урало-Казахстанском регионе количество найденных наверший булав, относящихся к эпохе бронзы, составляет около 30. Единично они представлены в материалах поселенческих и погребальных комплексов. Предполагается, что технология изготовления булав сближает их с такими изделиями, как сверленные топоры и молоты, видимо, соотносимые с мировоззренческими представлениями предшествующего времени [1 с. 105]. На это, например, может указывать находка архаичного сверленного каменного шлифованного топорика в алакульском погребении могильника Лисаковский III в Северном Казахстане [2 с. 124–125, рис. 28–10].

Появление булав в этот период исследователи соотносят с масштабными миграционными процессами, катализатором которых стали военнизированные сообщества, тесно связанные с феноменом колесничества. В степной Евразии происходит коренная трансформация социально-экономических отношений, в основе которой лежит становление комплексных обществ, имеющих ярко выраженные милитаристские черты. Формируются и развиваются новые этнокультурные образования с доминантой воинских колесничных традиций.

© Кукушкин И.А., Бедельбаева М.В., 2020

Работа выполнена в рамках гранта МОН РК (проект № AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы»).

В Южном Зауралье каменные булавы были зафиксированы в некрополях Синташта [3 с. 139, 147, 232, 265, 318, 336], Кулевчи 6 [4 с. 150], Большекараганский [5 с. 73], Каменный Амбар 5 [6 илл. 30–9]. В Верхнем Притоболье (Северный Казахстан) каменные булавы отмечены на Алексеевском [7 с. 55–72] и Лисаковском поселениях [8 с. 8, рис. 30], в погребальных памятниках обнаружены на некрополях Бестамак [9 с. 126], Кенес [10 с. 83], Перелески [11 с. 108, рис. 7–36]. В Западном Казахстане каменные булавы найдены в погребениях могильников Танаберген 2 и Жаман–Каргала 1 [12 с. 29, 343]. В Центральном Казахстане три каменные булавы выявлены на поселении Икпень 1, в погребальных памятниках встречены в могильниках Нуртай [13 с. 69, 162], Майтан [14 с. 296], Сенкибай 2 [15].

Все известные экземпляры булав в этом регионе генетически связаны с синташтинской, петровской и раннеалакульской колесничными культурами, развивавшимися в первой трети второго тысячелетия до н.э. Однако уже в раннеалакульское время, наряду с каменными, получают распространение и металлические навершия булав. Так, бронзовая булава была обнаружена в кургане 8 эпонимного могильника Алакуль в Южном Зауралье. Ее отличительной особенностью является овально вытянутая форма с 16 вертикальными гранями. С обеих сторон на втулке отмечены небольшие валики [16 с. 68].

Редким случаем стала находка металлического навершия булавы в Северном Казахстане. При исследовании кургана 14 могильника Баганаты 3 в крупной грунтовой яме выявлено парное захоронение. При расчистке погребальной камеры в придонной части обнаружены роговой дисковидный псалий, каменные наконечники стрел, женские украшения, бронзовый нож и медное навершие булавы шаровидной формы, а также керамическая посуда. Памятник отнесен к петровским древностям [17 с. 17].

Показательные в этом плане материалы были получены при исследовании раннеалакульского могильника Тундык. Памятник находится в Центральном Казахстане в 300 км восточнее г. Караганды. Некрополь разновременный, устроен на гребне невысокой сопки, вытянутой с севера на юг. К эпохе бронзы отнесено 5 крупных курганов и 7 безнасыпных оград. Исследованы три кургана.

В контексте рассматриваемой проблематики значительный интерес представляет курган 2, где были выявлены четыре погребения. Центральную часть занимали разграбленные в древности захоронения 1

и 2, совершенные в двух каменных ящиках, имеющих общую перегородку. В юго-восточном секторе размещалось детское погребение 3, устроенное в небольшом каменном ящике. Интересующее нас захоронение 4 расположено в северо-западном секторе. Оно представляет собой грунтовую яму размерами 195 x 110 см, заглубленную в материк на 30 см и ориентированную по линии 3–В. При выборке погребения расчищен костяк человека, уложенного ничком в слабоскорченном положении головой на запад. Возможно, первоначально умерший был уложен скорченно на левом боку, но под тяжестью перекрытия насыпи развернут на живот.

Выше головы умершего обнаружен бронзовый обоюдоострый нож-кинжал с клинком листовидной формы, слабовыраженным перекрестием и прямым коротким широким черешком, морфологические особенности изделия могут указывать на сейминско-турбинское влияние (рис. 1, 1). Показательно, что наряду с традиционным креплением ножей к рукояти, данный тип ножей мог крепиться перпендикулярно под углом 90° к костяной или деревянной рукояти [18 с. 76], приобретая форму и функциональные особенности небольшого боевого топорика. В нашем случае на это, как будто, указывают расположенные перпендикулярно черешку ножа следы древесного тлена. На уровне тазовых костей отмечена плоская галька зеленовато-серого цвета, возможно, выполнявшая функции давилочного камня при приготовлении галлюциногенного напитка.

С южной стороны ниже тазобедренного отдела найдено компактное скопление наконечников стрел с индивидуальными характеристиками, предположительно помещенных в колчан. Всего зафиксировано 8 экземпляров, из которых 7 изготовлены из рога, а один из меди (рис. 1, 2). Наряду с уже классифицированными шиловидными и листовидными типами черешковых наконечников [14 с. 292 рис. 127] зафиксированы и ранее не известные экземпляры, дублирующие форму срубно-андроновского ножа-кинжала, отмечен редкий наконечник с раздваивающимся насадом. Единично представлен втульчатый наконечник с округло-притупленной ударной частью (так называемый томар), предназначенный для охоты на мелкого пушного зверя или птицу. Такое разнообразие наконечников стрел может указывать на их использование в ритуальной сфере при проведении обрядовых действий. Символика лука и стрел нередко выступает в качестве одного из наиболее древних проявлений сакральной практики [19 с. 135].

Перед лицом умершего были установлены два керамических сосуда с ребристым и уступчатым профилем, характерных для раннеалакульского периода.

На правом предплечье лежало бронзовое навершие булавы, имеющее слегка выделенный бортик вокруг сквозной втулки (рис. 1, 3). Оно имело шаровидное чуть приплюснутое монолитное тело диаметром 4,5 см, высотой 3,5 см, в том числе бортика - 0,5 см. В центральной части булавы сделано отверстие диаметром 1,7 см, сужающееся к верхней части. В отверстии втулки сохранился фрагмент деревянной рукояти булавы высотой 2,8 см и диаметром 1 см [20, с. 136].

Отсутствие зоо- и антропоморфной изобразительной традиции в материальной культуре андроновского населения нередко заставляет обращаться к материалам петроглифов и данным древних письменных источников, таких как Ригведа и Авеста, в ряде случаев позволяющих прояснить детали семантики, например - функции булав, обнаруженных в некрополе.

Погребение 4 занимает периферийную часть подкурганной площадки, а в центре расположено, видимо, более значимое парное захоронение. Но несмотря на относительно более низкий социальный статус, умершего сопровождал представительный комплекс вещей: бронзовый нож / топорик, медная булава, видимо - лук с колчаным набором, давяльный камень. Совокупный характер инвентаря допускает, что это погребение могло принадлежать воину-жрецу (рис. 2), где объектом культа выступает верховное божество индоарийского пантеона Индра – олицетворение божества грозы и боя, главным оружием которого была ваджра – булава (наделенная такими эпитетами как «дубина грома», «непобедимое оружие»). В основном индоарийском мифе с помощью ваджры Громовержец побеждает страшного демона-дракона Вритру [21 с. 438].

Ключевую роль играет контекст расположения навершия – на правом предплечье умершего, что позволяет видеть здесь аналогию образам «палиценосцев», хорошо известных по наскальным изображениям, например, в урочищах Тамгалы [22 с. 11–12] и Сауыскандык [23 с. 296–297, рис. 1, 3, 4], которого нередко отождествляют с верховным божеством индоариев – Индрой.

Обращает на себя внимание сюжет, видимо, ритуального поединка двух бойцов, вооруженных булавами, изображенных на скалах в урочищах Сауыскандык в Южном Казахстане [24 с. 261–262, рис. 485], Шунак в Центральном Казахстане [25 с. 77–79, табл. 35], Сагыр в

Восточном Казахстане [26 с. 23, 29, рис. 25]. Интересно, что в последнем случае за спинами соперников видим прикрепленные к спинам вертикально-удлиненные предметы, интерпретируемые как щиты. Однако, расположение *in situ* наверхия булавы в тундыкском захоронении позволяет рассматривать эти атрибуты в качестве специальных узких чехлов для ношения булав, тем более, что изображений щитов этого времени ни в наскальной живописи, ни в погребальных комплексах обнаружено не было.

Предполагается, что данные персонажи могут быть изображениями жрецов, служителей культа этого грозного божества. Видимо, такие сцены из андроновской мифологии регулярно разыгрывались отправителями культа с ритуальными целями, при которых булавам отводилась символическая роль магического всеограшающего смертоносного оружия, принадлежавшего богам, которые делают его обладателей, а, следовательно, и весь социум, непобедимым. Этот тезис подтверждается качественными характеристиками самих булав, которые изготовлялись, в основном, из мягкого и хрупкого материала, легко поддающегося обработке. Найденные обычно в погребениях, они тщательно зашлифованы и не имеют следов контактного воздействия.

Интерпретация рассматриваемого погребения как захоронения жреца предполагает наличие в андроновском обществе довольно развитой системы религиозно-мифологических представлений, поддерживаемой специально подготовленными людьми, обладающими сакральными знаниями [27 с. 88].

Близкие выводы делаются и другими исследователями. Так, ранее анализ погребений с булавами привел к заключению, что такие захоронения не являются основными, однако наверхия, очевидно, служили своеобразными маркерами лиц особого социального ранга, скорее всего жрецов (которые, хотя и относились к элитному слою общества, но занимали менее высокую социальную позицию по сравнению с представителями родовой военной аристократии). Эта ранжированность была зафиксирована и в особенностях планиграфии захоронений с булавами [28 с. 40–41; 29 с. 133, 135; 30 с. 77–80]. Показательна варновая система древней Индии, где на первом месте стоят кшатрии, воины-колесничие, из среды которых обычно выбирался царь [21 с. 454], за ними следуют брахманы – жрецы, занимающие вторую ступень в структуре социальной иерархии общества.

Значимость культа бога войны в первой четверти II тыс. до н.э. выразилась не только в распространении погребений вероятных жрецов

с булавами, но, видимо, и в принятии родовой военной аристократией ряда жреческих функций. Предметная сакрализация воинской власти была реализована в проведении пышных и сложных погребальных обрядов, наличии богатого инвентаря в могилах вождей-колесничих, куда стали помещать и булавы, что нашло отражение в ряде петровских и раннеалакульских элитных захоронений [29 с. 136; 30 с. 78].

Так какую же роль играли булавы? Обычно их интерпретируют как инсигнии власти, но какой – светской, духовной, военной или вместе взятых? Исключительно хорошая сохранность булав, найденных в непо потревоженных погребениях, как будто указывает на приоритет символики социальной ранжированности или атрибута духовных практик. Однако находки медных наверший булав, несмотря на их небольшой вес (200 г), допускают их использование и в качестве боевого оружия. Думается, функции булав как сакрального предмета менялись с течением времени. Если на ранних этапах преобладала ее жреческая символика, а в дальнейшем семантика трансформировалась в духовно-управленческую, а позднее, с широким распространением металла, видимо, на первое место вышли боевые качества булавы, возможно - при определенном сохранении властной символики. Об этом могут свидетельствовать, например, представительные коллекции разнообразных по форме, и, вероятно, по назначению булав, экспонируемых в исторических музеях современного Ирана [31 с. 136–137].

Литература

1. *Михайлов Ю.И.* Сакральная природа символов власти в синташтинской и сейминско-турбинской традициях // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. V. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. С. 104–113.

2. *Усманова Э.Р.* Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи. Археологические сюжеты. Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 19–168.

3. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. I. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.

4. *Виноградов Н.Б.* Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. № 3. С. 136–153.

5. *Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала*. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64–88.
6. *Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
7. *Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // *Труды Гос. Исторического музея*. 1948. Вып. XVII. С. 55–172.
8. *Усманова Э.Р.* Охранные археологические раскопки Лисаковского поселения эпохи бронзы: отчет // *Архив Сарыаркинского археологического ин-та при КарГУ*. Караганда, 1988.
9. Исследования могильника Бестамак в 2006 году / *Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В.* // *Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году*. Алматы, 2007. С. 123–127.
10. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей [основы периодизации]. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. 177 с.
11. *Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: учебное пособие. Караганда: Изд-во Карагандинского гос. ун-та, 2002. 138 с.
12. *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
13. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
14. *Ткачев А.А.* Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.
15. *Кукушкин И.А.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Исследования колесничных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы» // *Архив Сарыаркинского археологического ин-та при КарГУ*. Караганда, 2014.
16. *Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1952. № 24. М. С. 51–71.
17. *Плешаков А.А., Мартынюк О.И., Баев А.В.* Могильник эпохи бронзы Баганаты III. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2005. 82 с.

18. *Матющенко В.И., Синицына Г.В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 136 с.

19. *Михайлов Ю.И.* Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.

20. *Кужушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кужушкин А.И.* Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. Науч. Конф. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей. 2015. С. 136–143.

21. *Елизаренкова Т.Я.* Примечания // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 544–757.

22. *Рогожинский А.Е.* Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций. 2001. Вып. 2. Алматы. С. 7–44.

23. *Швец И.Н.* Об антропоморфных изображениях казахстанских петроглифов эпохи бронзы // Таинство этнической истории древнейших народов степной Евразии. / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 294–300.

24. *Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М.* Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Изд-во филиала Ин-та археологии МОН РК в Астане, 2014. 374 с.

25. *Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.А.* Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда: Сарыаркинский археологический ин-т, 2015. 252 с.

26. *Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

27. *Кужушкин И.А.* Мировоззрение и традиции населения андроновской историко-культурной общности (по данным погребальной обрядности) // Вестник НГУ, Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 5. С. 87–98.

28. *Малов Н.М.* Погребения с булавами и втоками из натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. 1991. Вып. 2. Саратов. С. 15–42.

29. *Нелин Д.В.* Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть V. Кн. 1. Челябинск: ЧелГУ, 1995. С. 132–136.

30. *Мельников Е.Н.* Погребения с навершиями булав эпохи бронзы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий / Отв. ред. С.С. Бессуднов. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 1999. С. 77–80.

31. Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. 454 с.

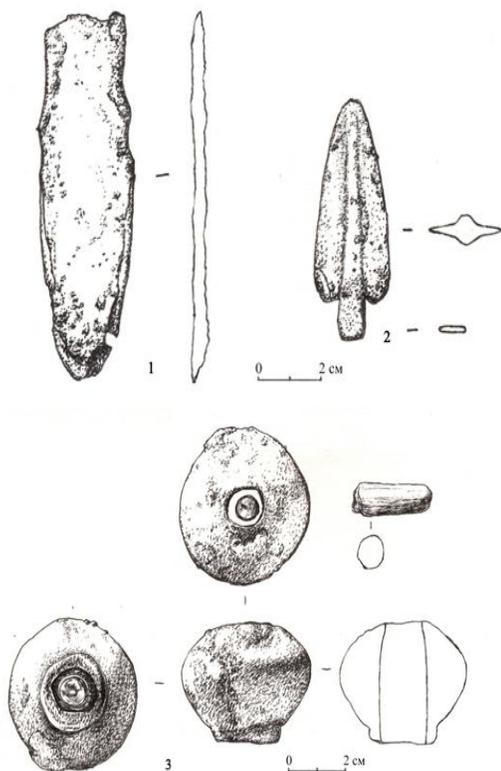

Рис. 1. Могильник Тундык: 1 – бронзовый нож; 2 – медный наконечник стрелы; 3 – бронзовое навершие булавы с фрагментом деревянной рукояти

Рис. 2. Графическая реконструкция облачения раннеалакульского воина-жреца (по материалам могильника Тундык)

Эксклюзивное украшение из парного погребения эпохи поздней бронзы Южного Урала

Я.В. Рафикова

*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, Уфа, ziada@bk.ru*

подавляющее большинство женщин из парных погребений классического (развитого) этапа эпохи поздней бронзы на Южном Урале сопровождаются украшениями, которые широко были распространены в этот период. Это украшения головы (привески круглые или в 1,5 оборота, наконечники) и прилегающих шеи или ворота платья (бронзовые и пастовые бусины, ожерелья с клыками, бляшки), рук (браслеты, кольца), щиколоток ног (бронзовые и пастовые бусины). В парных погребениях автору известно только одно необычное украшение – бронзовая (?) свастика, вписанная в квадрат, из парного погребения 6 кургана 1 могильника Березовский V.

Погребение это одновременное. Скелет 1 принадлежал женщине 20-25 лет (половозрастные определения Р.М. Юсупова), которая была уложена в скорченном положении на левом боку, а головой ориентирована на северо-восток. Скелет 2, принадлежавший мужчине 30-35 лет, представлял собой скопление костей, уложенных с попыткой соблюдения приближенного анатомического порядка. Женщине было придано положение «объятий» с останками мужчины: левая кисть подсунута под череп мужского костяка, правая уложена на его условное «плечо» [1 с. 49-52, рис. 2; 12, 6; 2 с. 57, рис. 3, 1] (рис. 1, 1).

Бляха, изготовленная из тонкого металлического листа находилась впритык к передней стороне ее шейных позвонков. В центре композиции – квадрат, от сторон которого со смещением вправо отходят лучи, соединяющиеся с квадратной рамкой; таким образом,

© Рафикова Я.В., 2020

Статья подготовлена при поддержке подпрограммы «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» (I.25), проект № 255 «Парные разнополюсные погребения эпохи бронзы от Урала до Индостана как источник по реконструкции семейно-брачной и социальной структуры», в рамках объединенной программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» и в рамках государственного задания Ордена Знак Почета ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2019 г.

образуется вписанная в квадрат свастика (рис. 1, 2-3). Все изображение выполнено в прямой плоскости (по прямой сетке). По краям квадратной рамки в месте соединения с ней противоположных лучей имеются небольшие круглые отверстия для пришивания. Размер изделия $4,8 \times 4,5$ см; рамка и лучи частично утрачены.

К украшению прилегалли органические остатки, состоявшие из фрагментов человеческой кожи, выделанной кожи козы, остатков измельченных перьев, фрагментов вязаного изделия и хитина насекомых. На коже шеи обнаружен след, оставленный человеческим волосом – бороздка длиной 1,5 см, в части бороздки сохранился волос красного оттенка. Фрагмент изделия из выделанной кожи козы состоял из двух частей, сшитых, крученной из двух сухожильных тяжей нитей. Кожа окрашена в карминно-красный цвет. Это фрагмент мешка / подушки, заполненного измельченными перьями.

Фрагмент трикотажного изделия связан из крученной из двух ниток пряжи из овечьей шерсти. Пряжа окрашена в карминно-красный цвет. Изделие вязано тонкой иглой, чередованием одной лицевой и одной изнаночной петлей. Отдельные отрезки нитей окрашены в черный и светлый цвета. В отличие от нитей карминно-красного цвета, имеющих характерный изгиб, эти нитки пряме: вероятно они являются фрагментами декоративной отделки типа бахромы или кисти. Фрагмент вязаного изделия является частью нательной одежды: на коже тела обнаружены фрагменты пряжи.

Судя по сохранившемуся красному волосу, женщина имела весьма необычный облик. Хотя нельзя исключать и того, что волос мог приобрести красный цвет от соприкосновения с находившимися рядом фрагментами шерстяного одеяния и кожаной подушки, окрашенных в карминно-красный цвет.

Березовская свастика находилась одновременно в контакте с кожей тела, трикотажным изделием и внешней ворсовой поверхностью кожаного мешочка (подушки) [3 с. 163]. Свастика – яркий, динамичный символ, известный в культуре практически всех народов Земного шара начиная с неолитической эпохи [4 с. 119-122]. Значение его в традиционной культуре однозначно позитивное [5].

Самые ранние изображения свастики на Южном Урале появляются в эпоху бронзы в синташтинской культуре. Они встречаются в орнаментальных композициях на стенках и днищах сосудов. Лучи у свастики направлены как по часовой, так и против часовой стрелки. Исследователи полагают, что для синташтинского орнаментального

комплекса это новация, не известная в культурных традициях групп населения, принявших участие в культурогенезе «синташтинцев» [6 с. 118].

Позже, в алакульской культурной среде традиция изображения свастики на керамических сосудах сохраняется и развивается, представляя многообразие форм; это позволило некоторым исследователям говорить о свастике как о центральном элементе системы орнаментов в эпоху бронзы Зауралья [7 с. 181, 202]. В алакульское же время изображение свастики, помимо орнамента на глиняных сосудах, появляется и на металлических украшениях. Их находки немногочисленны, но выразительны. Помимо упомянутой бляхи из Березовского V могильника, металлические украшения со свастическими узорами найдены в срубно-алакульском могильнике Агаповский II в западной части Челябинской области, вблизи г. Магнитогорска [8] (металлические ромбовидные пластины из Агаповки II были опубликованы К.В. Сальниковым [9 рис. 39, 17]; план и описание погребения не публиковались). В погребении 6 кургана 4, судя по наличию характерных украшений у обоих костяков, были захоронены женщины. Один костяк лежал скорчено на левом боку, а первоначальное положение второго было нарушено, и невозможно определить на каком боку он лежал (рис. 2, 1). Ажурная ромбовидная пластина со свастикой являлась одной из семи пластин с косыми крестами и меандрами (рис. 2, 2); они украшали головной убор из ткани темно-красного цвета, который принадлежал наиболее хорошо сохранившемуся костяку. Помимо этого убора, покойницу сопровождал богатый набор украшений: бронзовые височные кольца, обернутые золотой фольгой, у нижней челюсти – бронзовые круглая выпуклая подвеска и крестовидная бляха с петлей, под нижней челюстью – ожерелье из пастовых и бронзовых бусин, на костях предплечья – два бронзовых желобчатых браслета, на костях ног – низки из бронзовых и пастовых бусин. Потревоженный костяк из этого же захоронения имел гораздо более скромный состав украшений. На шее – ожерелье из бронзовых и пастовых бусин, на руках – желобчатый браслет [8 с. 12-20].

Пластина со свастикой из агаповского погребения является сходной с березовской как по принципу изготовления, так и по композиции. Отличие заключается в форме (ромбовидная, выполненная по косой сетке). В центре композиции – ромб от которого отходят

изломанные под прямым углом лучи, также соединяющиеся с ромбовидной рамкой (рис. 2, 2 — в центре).

Помимо погребальных комплексов, накладка-нашивка в виде свастики найдена на срубном поселении горняков-металлургов Горный на Каргалинских рудниках [10 с. 88, рис. 2.13, 11]. Здесь представлена свастика, выполненная в «классическом» варианте – с лучами, изогнутыми под прямым углом и повернутыми влево (рис. 3, 7). В центре ее имеется три отверстия для пришивания. Эта свастика находит близкие аналогии в материалах срубного погребения 13 кургана 1 Подстепкинского III могильника, расположенного в Самарском Поволжье, где найдены пять накладок в виде свастик в районе шеи погребенной [11 с. 101, рис. 7, 2-6]. Отличия между каргалинской и подстепкинскими накладками только в том, что у последних поверхность по ходу движения лучей покрыта пуансонным орнаментом (рис. 3, 1-6). Находку этих украшений в срубном захоронении В.Н. Зудина относит к андроновскому влиянию. Переопубликовавшая материалы III Подстепкинского могильника О.В. Кузьмина посвятила изображению крестов и свастик в срубных и алакульских древностях специальный раздел, в котором показала широкое распространение знака свастики в обеих культурах [12 с. 264-271]. В алакульских памятниках металлическая нашивная бляшка в виде свастики (рис. 3, 8) найдена в кургане 6 некрополя Обилькин Луг II; погребение в котором она находилась, к сожалению, сильно нарушено [13 с. 43, рис. 3, 11].

Среди срубных металлических украшений, в состав которых входят бляхи с изображением свастик выделяются челюстно-лицевые подвески из могильников Ново-Ябалаклинского, Сторожёвка и Белогорское-II [14 рис. 7; 6, 3-4; 15 рис. 17, 3; 16 рис. 1, 1, 9] (рис. 3, 11-16). В первых двух украшения лежали в стороне от погребенных, в последнем же оно обхватывало нижнюю челюсть покойной. В Южном Зауралье также есть челюстно-лицевая подвеска, в состав которой входили бляхи, украшенные свастиками – в могильнике Кизильский [17 рис. 80] (рис. 3, 10). Подстепкинские свастики, судя по их расположению в погребении (в районе шеи и перед лицом погребенной) [12 рис. 35, 2], могли являться составными частями такой же челюстно-лицевой подвески. Круглая бляха со свастикой располагалась в центре нагрудника из могильника Бозенген в Центральном Казахстане [18 рис. 5, 3] (рис. 3, 9).

Бляхи со свастиками во всех случаях располагались в районе головы, шеи и груди погребенных, но только березовская свастика

настолько близко примыкала к телу покойной, что с оборотной стороны к ней прилипли фрагменты кожи ее шеи. По мнению Е.В. Куприяновой украшенная зона ворота в костюме женщин бронзового века являлась одной из «ключевых», считавшихся, очевидно, наиболее уязвимыми для проникновения враждебных сил, болезней и пр. Украшения, располагающиеся в этих зонах, играли роль оберегов [17 с. 122]. В этом плане березовская свастика уникальна – это единственное в своем роде плотно прилегающее к шее ожерелье бронзовой эпохи (чокер), выполнявшее, вероятно, сакральную защитную функцию.

Литература

1. *Федоров В.К., Рафикова Я.В.* Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. 1996. Вып.6. Уфа. С. 49-71.
2. *Рафикова Я.В.* Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции / Отв. ред. Я.В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 50-62.
3. *Ишбирдин А.Р.* О некоторых результатах исследования объектов органического происхождения из курганов эпохи бронзы и раннего железного века Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып.1. С. 162-164.
4. *Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1994. 375 с.
5. *Багдасаров Р.* Свастика: священный символ: Этнорелигиозные очерки. М.: Белые альвы, 2001. 432 с.
6. *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. Орск-Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. 180 с.
7. *Зданович Д.Г.* Свастика: отвергнутый символ добра // Аркаим: Между прошлым и будущим / Сост Е.В. Куприянова. Челябинск: Историко-культурный заповедник «Аркаим», 2011. С. 177-183.
8. *Россадович А.И.* Отчет об археологических исследованиях краеведческого музея города Магнитогорска, произведенных в 1953 году // Архив Ин-та археологии РАН. Р-П. № 818.
9. *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М: Наука, 1967. 408 с.
10. Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства:

Археобиологические исследования / Науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.

11. *Зудина В.Н.* Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. А.К. Амброз. Куйбышев, 1981. С. 88-107.

12. *Кузьмина О.В.* III Подстепкинский могильник // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5. Самара: СамНЦ РАН, 2015. С. 226-335.

13. *Денисов И.В.* Могильники эпохи бронзы Обилькинского Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. 5. С. 38-45.

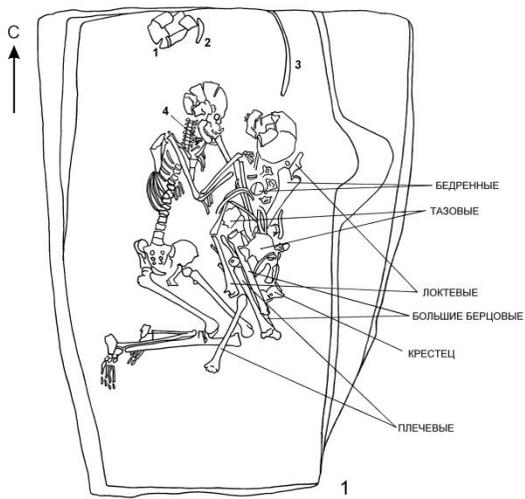
14. *Горбунов В.С.* Курганы эпохи бронзы на правом берегу р. Демы (Башкирия) // Советская археология. 1977. № 1. С. 149-161.

15. *Тихонов В.В.* Курганный могильник Сторожёвка (исследования 2011 года) // Археологическое наследие Саратовского края. 2013. Вып. 11. Саратов. С. 24-84.

16. *Дремов И.И.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов: Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, 1996. С. 98-118.

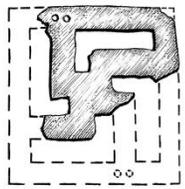
17. *Куприянова Е.В.* Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.

18. *Евдокимов В.В., Ткачев А.А., Ткачев Н.А.* Могильник эпохи бронзы Бозенген — памятник нуртайского типа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. № 4. С. 84-95.

0 30 см

- 1 - глиняный сосуд
- 2 - кость животного
- 3 - ребро животного
- 4 - бронзовая свастика

2

3

Рис. 1. Могильник Березовский V, курган 1, погребение б:

1 – план погребения [1]; 2 – бляха с изображением свастики (рисунок) [1]; 3 – то же (фото Я. В. Рафиковой)

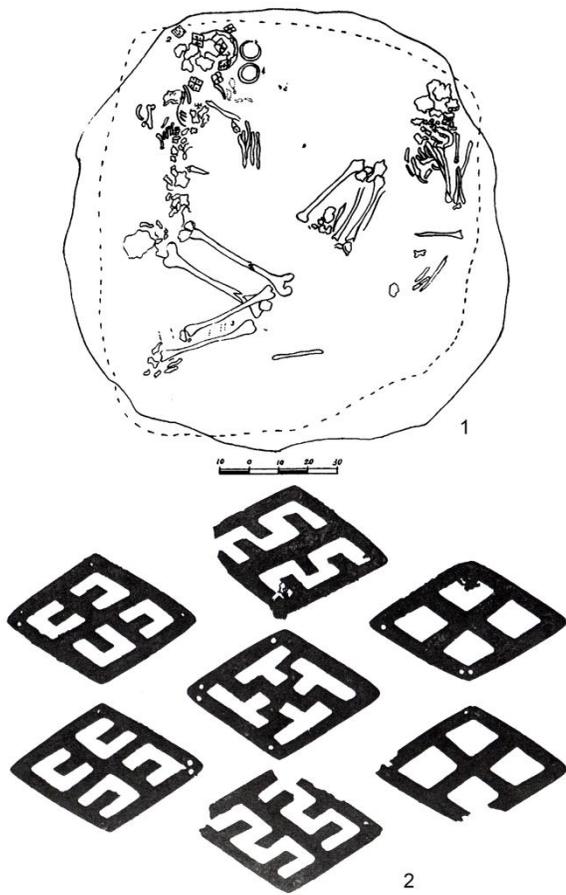

Рис. 2. Могильник Агаповский II, курган 4, погребение 6: 1 – план погребения [8]; 2 – бляхи с головного убора (фото) [8]

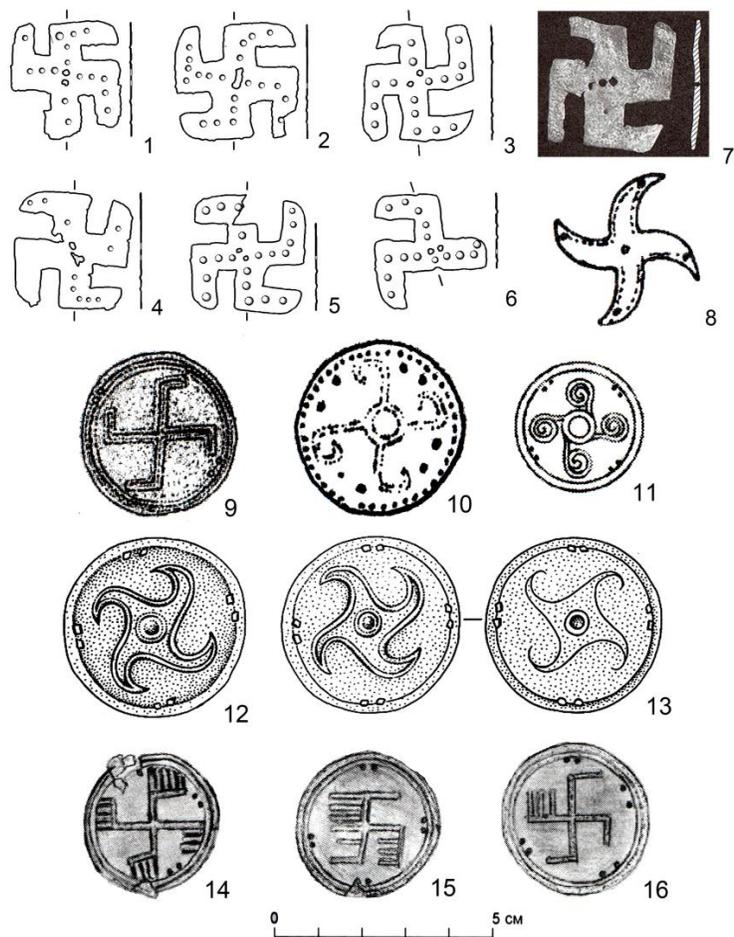

Рис. 3. Украшения с изображением свастики из памятников эпохи бронзы Урало-Поволжья: 1-6 – Подстепкинский III могильник [12]; 7 – Каргалы [10]; 8 – Обилькин Луг III [13]; 9 – Бозенген [18]; 10 – Кизильский [17]; 11 – Белогорское II [16]; 12-13 – Новые Ябалаклы [14]; 14-16 – Сторожёвка [15]

Сосуды для погребального пира в захоронениях бронзового века Южного Зауралья

И.П. Алаева

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Челябинск, alaevaira@mail.ru*

Керамические сосуды в погребениях бронзового века Южного Зауралья являются самым массовым материалом, который часто становится объектом исследования. Между тем, проблема назначения сосудов, помещаемых в погребения синташтинской и алакульской культур, редко обсуждалась отдельно. В большинстве случаев, «по умолчанию», принимается вариант объяснения появления сосудов в могиле в качестве емкости для напутственной пищи покойнику. В качестве доказательства «наполненности» погребальных сосудов приводятся данные о пищевых пригарах, выявляемых почти на половине сосудов из курганов, и свидетельствующих о содержании в горшках белковой и растительной пищи [8; 9 с. 122].

Примеры специального интереса к назначению сосудов в погребении немногочисленны и связаны с материалами срубной культуры. Внимание исследователей сосредоточено на увеличении количества сосудов в некоторых погребениях. Большинство коллег «превышение нормы» в количестве сосудов связывало с «богатством» погребений, и это факт использовался как один из критериев выделения неординарных погребений [10 с. 68; 16 с. 68; 17 с. 9]. В.В. Цимиданов считал, что «избыточное число сосудов маркирует повышенный ранг», объясняя повышенное количество сосудов разнообразием пищи, ее богатством [17 с. 51].

Интерес автора к теме был вызван наблюдениями за разницей в объеме и количестве сосудов алакульской культуры Южного Зауралья, представленных в погребениях разных категорий: взрослых и детских, центральных и периферийных. Это была попытка ответить на вопрос: в чем причина необычно большого числа и объема сосудов в некоторых могилах? От чего зависит объем сосудов и соответственно объем напутственной пищи («богатство» умершего; возраст и как следствие -

больший объем потребляемой пищи; срок на который рассчитана пища; количество участников погребальной трапезы)? В целях дальнейшей разработки темы был произведен расчет объема и количества сосудов одного из крупных могильников с последующей корреляцией выявленных характеристик с признаками погребального обряда.

Объектом исследования выступила представительная керамическая коллекция алакульской культуры могильника Кулевчи VI [5; 6]. В могильнике исследовано пять курганов, содержащих от 3 до 35 ям. Планировка почти всех курганов круговая с выделением центральных могил. Большинство периферийных захоронений представлено погребениями детей. Основной обряд погребения – ингумация, в нескольких случаях представлен обряд кремации. В коллекции представлены 107 сосудов; в нашу выборку вошли 75 сосудов с определенным объемом.

Диапазон значений объема варьировался от 0,3 до 15 литров. Было выделено четыре группы сосудов:

- 1) очень крупные сосуды: 9-15 л (5 сосудов);
- 2) крупные сосуды: 2,6 – 7 л (9 сосудов);
- 3) средние сосуды: 1 – 2 л (31 сосуда);
- 4) маленькие сосуды: 0,3 – 0,9 л (30 сосудов).

Все четыре группы сосудов были относительно равномерно представлены в каждом из курганов. Наиболее крупные сосуды были отмечены в кургане 1 (зафиксированные объемы сосудов от 0,8 до 13 литров) и в многомогильном кургане 4 (от 0,3 до 15 литров). В кургане 2 объемы сосудов составляли от 0,6 до 1,2 л, в кургане 3 от 0,8 до 7 литров, в кургане 5 от 0,6 до 4,7 литров.

Центральные погребения в курганах характеризовались избыточным количеством сосудов разных объемов (от 4 до 8 единиц), но с обязательным наличием крупных форм, совокупным объемом в 10-13 литров (курган 3, яма 2 – 12,4 л; курган 4 яма 1 – 12,8 л, яма 5 – 10,75 л).

Всего в выборке было представлены 5 наиболее крупных сосудов первой группы (7% от общего количества в выборке), вместимостью от 9 до 15 литров. Все они сопровождали погребения взрослых:

– 13 литров (с. 2) - курган 1, яма 1, погребение взрослой женщины 35 лет;

– 11,7 литров (с. 8) – курган 4, яма 1, центральное, коллективное погребение взрослых;

– 9 литров (с. 4) – курган 4, яма 24, центральная линия погребений, взрослый мужчина 30 лет;

– 9 литров (с. 3) – курган 4 яма 30, отдельное погребение по обряду кремации.

– 15 литров (с. 76) – курган 4 яма 31, центральная линия погребений, захоронение взрослой женщины.

Вторая группа сосудов по 2,6-7 литров (всего 9 сосудов - 12% от общего количества в выборке) оказалась связана исключительно с коллективными, парными погребениями: курган 1 яма 2 (двойное погребение детей 8-9 лет), курган 1 яма 3 (коллективное погребение взрослого, подростка, ребенка), курган 3 яма 2 (центральное, коллективное по обряду кремации), курган 4 яма 5 (центральное, коллективное), курган 5 яма 3 (парное погребение взрослых в составе коллективного захоронения).

Третья группа сосудов (1-2 литра) и четвертая (0,3- 0,9 литров), представлены одинаковым количеством изделий: по 31 и 30 единиц соответственно (что составляет по 40,5% от общего количества в выборке). Сосуды этих параметров в основном представлены в захоронениях с детьми, но известны и во всех других типах захоронений. Всего антропологические определения были возможны для 6 индивидуальных погребений детей, возрастом от 0 до 6/7 лет. Объем сосудов в этих погребениях составлял от 0,8 до 2 литров. Объемы сосудов в маленьких по размеру могилах (в которых костяки не сохранились) также составили от 0,3 до 1,8 литров. Распределение по возрастам детей не выявляет зависимости уменьшения или увеличения объемов от возраста.

Результаты распределения различных по объему сосудов в могильнике Кулевчи VI демонстрируют устойчивые взаимосвязи:

– массовые параметры сосудов до 2 литров составляют 81 % процент всей коллекции и представлены во всех погребениях, всех возрастов и любого расположения;

– в индивидуальных захоронениях детей зафиксированы только сосуды объемом до 2 литров, в количестве 1-2 единиц;

– в захоронениях взрослых также представлены сосуды объемом до 2 литров;

– самые крупные сосуды связаны исключительно с погребениями взрослых;

– «избыточное» количество сосудов (до 4-8 единиц), связано с некоторыми погребальными комплексами: центральными погребениями

взрослых (индивидуальными и коллективными), парными могилами взрослых и детей, особыми погребениями по обряду кремации.

Таким образом, обнаруживается достаточно жесткий стандарт. Сосуды объемом до 1 л, как и сосуды от 1 до 2 литров представлены во всех погребениях. Это свидетельствует о том, что «обычный» сосуд был рассчитан на 1-2 литра (прием пищи семьей). Сосуды более мелкие, до литра, по-видимому, могли относиться к другой категории: порционной посуде или посуде для конкретного вида продукции (чаще всего они представлены баночной формой посуды).

Объемы погребальной посуды в целом схожи с объемами поселенческой посуды, причем как в случае массовой посуды (объемом в 1-3 литра), так и в случае т.н. «корчаг» (объемом в 10-15 литров), на поселениях часто вкопанных в углубления, но используемых и в погребальной практике. Так объемы сосудов укрепленного поселения Аркаим были представлены в двух группах: до 7 литров (массовая посуда) и от 8 до 50 литров [9 с. 129]. Объемы сосудов могильника Каменный Амбар-5 (курган 2 и 4): из 97 сосудов с определенным объемом выделены 5 групп сосудов (до 0,5 л, 0,5-1 л, 1-4 л, 4-5 л, и более 5 л). Около половины из них представлено объемами от 1 до 4 литров [7 с. 79].

Наиболее распространенные объемы сосудов бронзового века свидетельствуют о том, что они были рассчитаны на индивидуально – суточную, либо на одну семейную трапезу. Вероятно, речь идет о семейной трапезе, так как появление индивидуальной посуды, рассчитанной на одного человека, не соответствует уровню развития социума бронзового века Южного Зауралья. Обсуждаемый семейно-родовой принцип комплектования курганов алакульской культуры также согласуется с расчетом сосудов именно для семейной трапезы.

Примечательно, что крупные сосуды могильника Кулевчи VI оказались связанными исключительно с погребениями взрослых. Объемы сосудов синташтинского кургана 25 Большекараганского могильника распределялись сходным образом: 47 сосудов от 0,3 л до 7,3 литров, самые крупные (5,8 и 5,9, 6,3 и 7,3 л) локализовались в центральном погребении № 9, и в погребении 12 («особое» захоронение молодой женщины с атрибутами металлургического дела), а самый крупный сосуд в 7,3 л располагался вне ям [9 с. 24, с. 44, с.56]. В могильнике Песчанка 2, кургане 3 [1] алакульской культуры распределение «стандартных» сосудов в детских захоронениях

сопрягалось локализацией пары крупных сосудов в центральном погребении взрослого мужчины (рис. 1).

Можно предположить, что выделение определенного стандарта в объеме сосуда, рассчитанного на одного погребенного вне зависимости от возраста, может указывать на то, что увеличение объема сосудов соотнобразуется с прогнозируемым увеличением количества участников трапезы. Иными словами, крупные сосуды, как и избыточное количество сосудов, были рассчитаны на коллективные трапезы с расширенным составом участников.

Превышение объемов сосудов в синташтинской, алакульской погребальной практике могло быть связано с идеей коллективной трапезы в виде погребального пира. Погребальные пиры наряду с погребальными состязаниями являются составной частью погребального обряда индоевропейцев [15 с. 12]. Сосуды входят и в «предметный мир» похоронных ритуалов индоевропейцев [14 с. 15].

Для каких участников был предназначен этот погребальный пир? Среди адресатов погребального инвентаря в текстах Месопотамии (шумерского – новоассирийского времени), помимо самого умершего (напутственная пища, личные вещи умершего) выделяют и других адресатов: пища и питье для других обитателей мира мертвых, «подарки для богов загробного мира и духов предков» [2 с. 29].

Вероятно, с этой же идеей коллективной погребальной трапезы связаны и крупные металлические сосуды, обнаруженные в курганах синташтинской и алакульской культур. В могильнике Каратомар (кург. 1, яма 4) под полом погребальной камеры (на 20 см глубже пола), в тайнике был обнаружен бронзовый сосуд, высотой около 30 см, то есть примерным объемом в 11–15 л [12 с. 125]. Металлический сосуд из парного разнополого погребения в алакульском могильнике Нураталды-1 – высотой 18-19 см и примерным объемом в 5-6 литров [13 с. 87]. Сходные крупные металлические котлы известны в позднем бронзовом веке западного ареала (Причерноморье, Поволжье). Примечательно, что эти металлические сосуды отличаются довольно крупными размерами (высотой до 60 см), что позволяет считать их своеобразными прототипами скифских и сарматских котлов раннего железного века [4 с. 208] и связать их с коллективной культовой трапезой, широко практикуемой в раннем железном веке [3 с. 24], так и в последующее время [11].

Таким образом, выявленная в курганах синташтинской и алакульской культуры связь «избыточного» объема и количества

сосудов с рядом «неординарных» погребальных комплексов может быть объяснена в рамках идеи погребального пира, когда превышенные объемы сосудов рассчитаны на коллективную трапезу участников загробного мира. Некоторая избранность погребений, в которых нашла отражение эта идея, также подчеркивает особую роль практики коллективного пира в сфере культа и ритуала бронзового века.

Литература

1. *Алаева И.П., Марков С.С.* Памятники бронзового века у села Песчанка в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 28–45.

2. *Антонова Е.В.* Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Восточная литература, 1999. С. 19–30.

3. Березуцкий В.Д. Бронзовые котлы из сарматского погребения Новочигольского курганного могильника // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 2. С. 21–25.

4. *Бочкарев В.С.* О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: «Инфо ОЛ», 2010. С. 185-208/

5. *Виноградов Н.Б.* Кулевчи-VI - новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. № 3. С. 136–153.

6. *Виноградов Н.Б.* Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. VIII. Москва-Магнитогорск. С. 24–53.

7. *Епимахов А.В., Епимахова М.Г.* О функциональности и нефункциональности погребальной посуды // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода / Под ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 77–84.

8. *Забавин В.О.* Керамическая посуда в погребальном обряде племен срубной культуры Северного Приазовья // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія. 2014. № 11. С. 20–34.

9. *Зданович Д.Г. и др.* Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 большекараганского могильника). Кн.1 / Сост. Д.Г. Зданович. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 216 с.

10. *Зудина В.Н., Скарбовенко В.А.* Раннесрубный могильник у села Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 51–78.

11. *Кызласов И.Л.* Разновидности пира (археолого-эпиграфические данные) // Верхнедонской археологической сборник / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2017. С. 144–150.

12. *Логвин А.В., Шевнина И.В.* Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана 1 (предварительное сообщение) // XXI Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Под ред. А.Л. Выборнова. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 123–125.

13. *Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Дмитриев Е.А.* Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 85–92.

14. *Топоров В.Н.* Заметки по похоронной обрядности // Балто-славянские исследования. 1985. М.: Наука, 1987. С. 10–52.

15. *Топоров В.Н.* Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / Отв. ред. В.В. Иванов. М.: Наука, 1990. С. 12–47.

16. *Халятин М.В.* Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. вып. 2. С. 57–86.

17. *Цимиданов В.В.* Социальная структура срубного общества. Донецк: ДОКМ, 2004. 204 с.

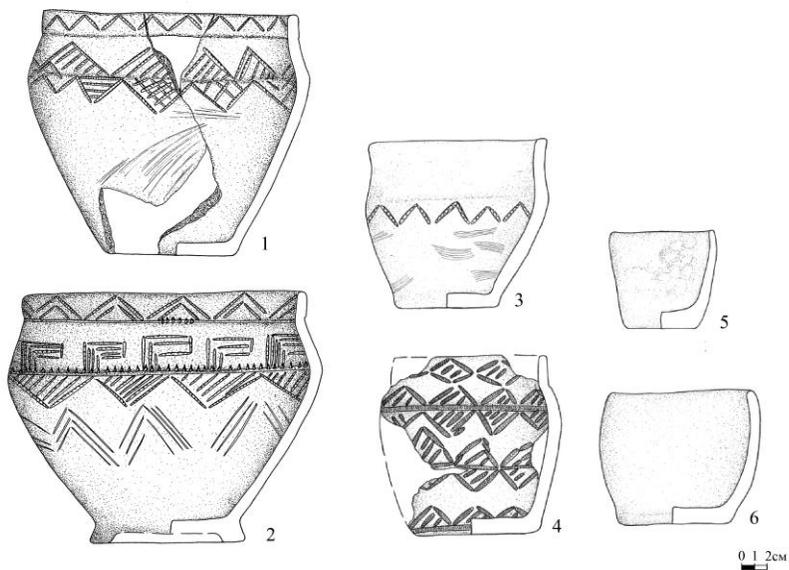

Рис. 1. Разница в объеме сосудов из центральных погребений (1, 2) и периферийных (3–6). Могильник Песчанка-2. Курган 3. 1–2 – сосуды из погребения 4 (мужчина, взрослый); 3–4 – сосуды из погребения 3 (новорожденный); 5 – сосуд из погребения 1 (новорожденный); 6 – сосуд из погребения 2 (новорожденный)

Погребальная керамика как исторический источник

Е.В. Волкова

Институт археологии РАН, Москва, Volk_h@mail.ru

Вопросы, ставшие предметом обсуждения в данной статье, рассматриваются, прежде всего, на примере изучения материалов из могильников фатьяновско-балановской культурной общности эпохи бронзы. У данного населения почти вся глиняная посуда, поставленная в погребения, первоначально использовалась в быту. Особенно яркие следы этого имеют горшки, на поверхности которых сохранился нагар и следы так называемого «бытового лощения» (под ним понимается залощенность в основном верхней части сосуда, которая возникает при его использовании). Поэтому в данном случае следует вести речь не о «погребальной керамике», а о керамике из погребений.

Информацию, которую мы можем получить в результате изучения керамики из погребений, можно разделить на два блока. В первом блоке керамика выступает как основной и единственный источник информации, во втором керамика изучается в контексте с другими источниками. К первому блоку относятся следующие четыре направления исследования керамики как источника исторической информации: 1) изучение процессов смешения разных групп древнего населения, 2) выделение посуды, изготовленной одним мастером, 3) реконструкция хозяйственной деятельности населения и 4) изучение духовной культуры населения. Ко второму блоку можно отнести 3 основных направления исследований: 1) выяснение относительной хронологии погребений могильника, 2) определение пола и возраста погребенных при отсутствии костяков, 3) реконструкция социальной структуры населения.

Рассмотрим кратко каждое из этих направлений обоих блоков.

1. *Изучение процессов смешения древнего населения.* Во-первых, этот вопрос может разбираться, только если у изучаемого населения были неоднородные гончарные традиции; во-вторых, его можно исследовать на макроуровне (уровне технологических традиций) и микроуровне (уровне морфологических традиций: орнамент и форма сосудов). Традициями принято называть устойчивые навыки труда,

передаваемые из поколения в поколение путем непосредственного обучения мастером ученика. В доремесленную эпоху такая передача навыков труда происходила по родственным каналам. Изменение культурных традиций определенной группы населения отражает в большинстве случаев изменение ее культурного состава. А.А. Бобринским были выделены навыки труда, быстро меняющиеся в процессе смешения (в течение жизни одного поколения, или еще быстрее), приспособительные, медленно меняющиеся навыки труда (в течение 5-6 поколений) и *субстратные*. К первым относятся навыки по отбору и обработке исходного сырья, составлению формовочных масс, механической обработке поверхностей. Ко вторым – навыки по изготовлению начина и полого тела [1 с. 242-244]. Навыки формообразования занимают промежуточное положение между этими двумя группами [2 с. 192]. По изменению приспособительных навыков можно судить об относительно недавнем смешении групп населения с разными традициями. По субстратным навыкам труда мы получаем информацию о предыстории сложения культурных традиций в гончарстве изучаемого населения. Морфологические традиции относятся к приспособительным, но они меняются еще быстрее, чем приспособительные технологические [3 с. 96-110]. Поэтому при смешении разных культурных групп населения первыми меняются морфологические, а затем приспособительные технологические традиции.

Приведу для примера керамику Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры, который из-за большого количества погребений (117 погребений в 107 могилах) и керамики в них (399 сосудов) является хорошим «полигоном» для разработки методических вопросов. В могильнике были похоронены «фатьяновцы» и «балановцы», испытавшие атли-касинское культурное влияние. «Балановцы» представляли собой небольшую рецессивную группу близкородственного «фатьяновцам» населения. По керамике могильника фиксируются как чистые фатьяновские и балановские, так и смешанные традиции [4 с. 175-207]. Это смешение проявляется в морфологических и приспособительных технологических традициях. Напомню, что для «балановцев» характерны более низкие, чем фатьяновские, по пропорциональности формы сосудов, отсутствие кубков, орнаментальный образ «заштрихованный зигзаг» и единственный рецепт формовочной массы глина + выжимка из навоза + шамот. У «фатьяновцев» есть кубки, образ «заштрихованный зигзаг» не

является традиционным и, помимо указанного выше рецепта, имеются достаточно массовые рецепты: глина + выжимка из навоза + дресва и глина + выжимка из навоза + шамот + дресва. Керамика со смешанными фатьяновско-балановскими культурными традициями говорит о брачных связях между этими группами, а различная по глубине смешанности культурных традиций свидетельствуют об устойчивости этих брачных связей.

2. *Выделение посуды одного мастера.* Методика выявления посуды, изготовленной одним мастером, разработанная автором [4 с. 36-43], позволяет выделить синхронные погребения на могильнике, а также – определить ассортимент посуды одного гончара. По материалам Волосово-Даниловского могильника были выделены 13 погребений, в которых имелись сосуды, изготовленные как одним мастером, так и разными гончарами. В результате выяснилось, что один мастер мог делать все четыре известные у «фатьяновцев» категории форм: горшки, «амфоры», миски и кубки (рис. 1). Кроме того, у одного мастера имелись разные по размеру формы-модели, которые использовались при лепке изделий. Еще 14 погребений оказались объединенными попарно посудой одного мастера, что говорит об их практической одновременности.

3. *О хозяйственной деятельности населения.* Здесь пока выявились два возможных направления анализа. Первое связано с составом формовочных масс. В их составе часто встречаются органические примеси: навоз, выжимка из навоза, птичий помет и органические растворы. Первые два вида примесей прямо указывают на производящее хозяйство изучаемого населения, вторые – на присваивающее [5 с. 10-43; 6 с. 133]. Для керамики населения фатьяновско-балановской культурной общности характерно добавление в формовочную массу выжимки из навоза. Это, независимо от находок в погребениях костей мелкого и крупного рогатого скота, говорит о производящем хозяйстве. Второе направление связано с морфологическими особенностями некоторых глиняных сосудов. Экспериментальное изучение способов использования мисок с отверстиями или с ручкой-налепом и отверстиями в ней в сочетании с горшками привело к заключению, что такая единая конструкция «горшок-миска» (миска с помощью специального шнура привязывалась к горлу горшка) могла использоваться для слива жидкости (рис. 2), в частности, сыворотки при производстве творога и сыра [7 с. 33-35]. Еще в 1987 г. Д.А. Крайнов и О.С. Гадзяцкая высказали предположение об

использовании больших амфоровидных сосудов для хранения молока и о наличии молочного производства у «фатьяновцев» классического периода [8 с. 44]. Наше экспериментальное исследование привело к аналогичному выводу. Кроме того, в Волосово-Даниловском могильнике только одна миска из 15 находилась в женском погребении, остальные - в погребениях мужчин, мальчиков и детей. Поэтому можно предположить, что молочное производство у «фатьяновцев» было мужским занятием. Судя по данным этнографии, «у некоторых скотоводческих народов Африки к доению, к заботам о молочной посуде вовсе не допускают женщин» [9 с. 166].

При изучении состава формовочных масс керамики в погребениях срубной культуры Волго-Уралья Н.П. Салугина отметила наличие шлака, отходов бронзолитейного производства [10 с. 36-47]. Эта примесь не только говорит о наличии бронзолитейного производства у изучаемого населения, но и маркирует погребения металлургов, причастных к этому производству.

4. *О некоторых сторонах духовной культуры.* Здесь речь пойдет об обрядовых действиях людей после совершения погребения. Кострища над погребениями иногда трактуются как остатки тризны. При раскопках четырех Новинковских могильников в Тверской области мною были зафиксированы 3 погребения с компактными кострищами в верхних частях могильных ям. Одно кострище было прослежено в погребении № 23 2-го Новинковского могильника [11 с. 47-51, 77]. В нем на разных глубинах были найдены 3 кремневых изделия и по несколько фрагментов от 5 разных сосудов. Все эти предметы имели следы огня. Два других кострища находились над погребениями 4-го Новинковского могильника. Над погребением № 1 было очень мощное кострище. В нем найдены три кремневых изделия и фрагменты минимум от 13 разных сосудов. В верхней части погребения № 2 посередине могильного пятна фиксировалось прямоугольное черно-бурое пятно размером 234 x 65 см, ориентированное, как и могильная яма. В черно-буром слое было найдено три фрагмента от двух разных сосудов. Над каждым из трех кострищ и самими погребениями сооружалась некая конструкция, от которой сохранились столбовые ямы. Во всех случаях из имеющихся фрагментов керамики не собиралось и четверти сосуда. Следовательно, сосуды были разбиты где-то за пределами кострищ, а к кострищам были принесены только их отдельные фрагменты. Возможно, здесь мы сталкиваемся не с тризной,

а с хорошо известным по данным этнографии обычаем, когда «часть предмета замещает целый предмет» [9 с. 396].

Теперь обратимся ко второму блоку вопросов.

5. *Относительная хронология погребений могильника.* Для реконструкции хронологии погребений Волосово-Даниловского могильника были использованы, во-первых, результаты изучения формовочных масс керамики, во-вторых, некоторые данные о стратиграфии погребений, в-третьих, реконструированные мною в ходе анализа стратиграфические группы погребений. Изучение формовочных масс фатьяновских сосудов показало, что в большинстве рецептов содержится шамот, который делался из вышедшей из употребления посуды. Различия рецептов формовочных масс конкретного сосуда и шамота в этом сосуде позволило установить жесткую последовательность этих рецептов во времени, поскольку рецепт шамота всегда характеризует более раннюю традицию. Эти данные были дополнены информацией о синхронных погребениях, содержащих посуду одного мастера, и выявленных тенденциях развития орнаментальных образов различных «ромбов» и их мотивов на сосудах. Сопоставление трех хронологических шкал (стратиграфической, технологической и орнаментальной), с учетом синхронных погребений, позволило выделить 4 основных и две промежуточных хронологических группы погребений могильника [4 с. 44-53].

Разработкой методики относительной периодизации погребений по результатам анализа форм сосудов и планиграфии могильников в настоящее время занимается целый ряд исследователей по материалам зарубинецкой и салтово-маяцкой культур, а также средневековой муромы [12; 13 с. 225-228].

6. *Социальная структура населения.* Под «социальной структурой» населения в данном случае понимается его социальные организация и иерархия. Анализ социальной организации включает исследование родовой структуры общества, определение характера семьи, выяснение линейности счета родства и локальности поселения, а изучение социальной иерархии предполагает выделение в обществе групп людей, занимающих разное по своему статусу положение [14 с. 5-19].

Совместное исследование гончарных традиций и традиций погребального обряда позволяют обратиться к решению этого вопроса. Специальный анализ состава глиняной посуды в погребениях взрослых индивидов фатьяновско-балановской культурной общности приводит к выводу, что почти во всех случаях там присутствовали сосуды,

изготовленные, как минимум, двумя разными гончарами. Это может говорить о дуально-родовой структуре, когда покойному приносилась посуда родственниками с двух сторон. В детских погребениях дуальность гончарных традиций обычно не прослеживается, поскольку дети до определенного возраста принадлежали только к одному роду (отца или матери). Глиняные сосуды из детских погребений по своим гончарным традициям могут быть близки посуде либо из женских, либо из мужских погребений, указывая тем самым их родовую принадлежность. Расположение детских могил рядом с мужскими или женскими, а также парные погребения (мужчина или женщина с ребенком) говорят о линейности родства и возможной локальности поселений. Такое комплексное исследование керамики и традиций погребального обряда позволило выяснить как *линейность рода*, так и *локальность общины* у населения, оставившего фатьяновские могильники. Оказывается, разные могильники отличаются между собой по этому признаку. Так, *патрилинейность* рода была определена у населения, оставившего Волосово-Даниловский, Воронковский, Олочинский, Тимофеевский и Протасовский могильники, а *матрилинейность* рода характерна для населения, оставившего Никольщинский, Мирославский, Мытищинский, Горкинский и Новинки 2 могильники.

Для определения социальной иерархии фатьяновско-балановского населения источником послужили так называемые *нестандартные* традиции погребального обряда у населения, оставившего конкретные могильники. К общим для всего фатьяновского населения нестандартным традициям относятся: 1) остатки от внешних погребальных конструкций в виде столбовых ям, 2) кострище над могильной ямой, 3) глиняная обмазка внутренней погребальной конструкции, 4) парное погребение, 5) «престижный» инвентарь, 6) большое количество глиняных сосудов, 7) наличие погребения собаки рядом с покойным.

Из 38 исследованных фатьяновских могильников в 17 выявлены погребения индивидов высокого статуса, причем в одном могильнике могли быть похоронены индивиды одного или разных статусных рангов. Выделяются три группы могильников. К первой группе относятся могильники с погребениями только мужчин высокого статуса (Ханевский, Истринский, Тростинский, Протасовской, Буньковский, Новинки 2, Тургиновский, Болшневский II, Голузиновский и Никольщинский могильники). Во вторую группу входят могильники, где

имеются погребения и мужчин и женщин высокого статуса (Волосово-Даниловский, Вауловский, Воронковский и Тимофеевский). Третья - состоит из могильников, в которых есть погребения только женщин высокого статуса (Мытищинский и Милославский). Важно подчеркнуть, что только в ивановской локальной группе фатьяновско-балановской общности имеются могильники с захоронениями исключительно женщин высокого статуса и нет могильников, где были бы похоронены только мужчины высокого статуса [15 с. 24-33].

7. *Возможности реконструкции пола и возраста погребенных.* Исследования керамики и традиций погребального обряда позволяют с определенной долей вероятности реконструировать пол и возраст погребенного при отсутствии костяков. По результатам специального изучения 80 эталонных погребений из могильников разных локальных групп фатьяновской культуры были выявлены устойчивые зависимости традиций погребального обряда от пола и возраста погребенных, то есть для мужчин, женщин и детей были характерны разные погребальные традиции [11 с. 81-88]. Выявленные закономерности были подтверждены на материалах 4-х Новинковских могильников, не имеющих сохранившихся костяков. Из 37 раскопанных погребений анализу подверглись 27 хорошей сохранности. В результате могильники Новинки 2 и 4 были квалифицированы как родовые кладбища населения, имевшего матрилинейный счет родства и вероятно матрилокальное родовое поселение.

Выводы. На основании изучения только одной керамики из погребений представляется возможным сделать ряд важных наблюдений. Во-первых, определить культурный состав и степень смешанности населения, оставившего эту керамику. Во-вторых, выделить посуду одного мастера и определить ассортимент изделий конкретного гончара, выделить синхронные по времени погребения с такой посудой, выяснить посуда какого числа гончаров представлена в погребении и, тем самым, обратиться к изучению структуры данного общества. В-третьих, реконструировать некоторые стороны хозяйственной деятельности населения по характеру рецептов формовочных масс керамики и морфологическим особенностям глиняных сосудов. В-четвертых, попытаться поставить вопрос о доступности изучения по керамике некоторых сторон поминальной обрядности древнего населения.

Совместное изучение гончарных традиций и традиций погребального обряда позволяет выяснить социальную организацию

конкретных культурных групп (дуальность рода и его матри- или патрилинейность, а также локальность поселения) и степень социального расслоения населения. Анализ всего комплекса вопросов, связанных со структурой общества, позволяет судить об эволюции социальной структуры фатьяновского общества во времени. Кроме того, только при совместном изучении керамики и традиций погребального обряда изучаемого населения возможно реконструировать пол и возраст погребенных в тех случаях, когда из-за почвенных условий не сохранились костяки покойных.

В заключение наметим ряд вопросов, которые могут стать предметом исследования в будущем. Во-первых, это проблема выяснения устойчивого набора форм сосудов в погребениях и его связи с полом и социальным статусом самого покойного при жизни. Во-вторых, изучение форм сосудов, изготовленных по формам-моделям, позволит выделить набор таких моделей как у одного, так и у разных гончаров. В-третьих, совместными усилиями надо исследовать проблему постпогребальных обрядов людей древности.

Литература

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. *Цетлин Ю.Б.* Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Ин-т археологии РАН, 2017. 346 с.
3. *Волкова Е.В.* Об относительной устойчивости орнаментальных традиций в гончарстве (по материалам эпохи бронзы) // Краткие сообщения Ин-та археологии РАН. 2018. Вып. 251. С. 96-110.
4. *Волкова Е.В.* Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.: «Старый сад», 1998. 260 с.
5. *Бобринский А.А.* Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник / Отв. ред. А.А. Бобринский. Новосибирск: Наука, 1989. С. 10-43.
6. *Цетлин Ю.Б.* Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: СГУ, 1999. С. 110-140.
7. *Волкова Е.В.* К вопросу об использовании в быту некоторых сосудов фатьяновско-балановской культурной общности

(экспериментальное исследование) // Вестник «История керамики», 2019. Вып. 1. М. С. 27-35.

8. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье (Свод археологических источников. Вып. В1-22). М.: Наука, 1987. 145 с.

9. *Харузина В.Н.* Этнография. Лекции. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 520 с.

10. *Салугина Н.П.* Металлургические шлаки в формовочной массе керамики позднего бронзового века: возможности историко-культурной интерпретации // Вестник «История керамики». 2019. Вып. 1. М. С. 36-47.

11. *Волкова Е.В.* Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: Ин-т археологии РАН. 2010. 248 с.

12. *Суханов Е.В.* Формы лощёных сосудов Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры (вопросы периодизации) // Российская археология (в печати).

13. *Цетлин Ю.Б., Холошин П.Р.* Анализ форм сосудов Подболотьевского могильника во Владимирской области с позиций историко-культурного подхода // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул: Из-во АлтГУ, 2017. С. 225-228.

14. *Волкова Е.В.* Социальная структура населения фатьяновской культуры // Российская археология. 2012. № 3. С. 5-19.

15. *Волкова Е.В.* Что может сказать керамика о социальной структуре и социальной стратификации древнего общества? // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии / Отв. ред. Ю.Б. Цейтлин. М.: Ин-т археологии РАН, 2015. С. 24-33.

Рис. 1. Категории форм сосудов фатьяновско-балановской культурной общности: 1 – «амфоры», 2 – кубки, 3 – горшки, 4 – миски; 1, 4 – Балановский могильник, 2 – Ильинско-Хаванский могильник, 3 – Мытищинский могильник

Рис. 2. Конструкция «горшок-миска», предназначенная для дозированного слива жидкости (экспериментальные сосуды).

Псалии из кургана 1 могильника Степное-1: роль в жизни и ритуале

Е.В. Куприянова

Челябинский государственный университет, Челябинск,
dzdan@mail.ru

А.Н. Усачук

Донецкий краеведческий музей, Донецк, doold@mail.ru

Могильник Степное-1 является некрополем, приуроченным к самому северному укрепленному поселению синташтинской археологической культуры – Степное (Россия, Южное Зауралье). Данный памятник является, в то же время, и самым большим из известных на данный момент могильников, содержащих синташтинские материалы: в нем насчитывается 66 курганов. Здесь было исследовано шесть курганов с синташтинскими и петровскими погребениями; результаты раскопок пяти из них опубликованы [1]. Некрополь Степное-1 и расположенный рядом Степное VII, помимо богатейших коллекций оружия, украшений, орудий труда, дали большое количество псалиев от узды различных типов. Целью статьи было всестороннее изучение набора псалиев из одного кургана (курган 1) с точки зрения их использования в жизни и ритуальной роли, которую они были призваны исполнять.

Курган 1 – один из самых крупных синташтинских курганов: его диаметр около 26 м. На подкурганной площадке исследованы три крупных коллективных центральных погребения и одна жертвенная яма. В двух погребениях (№ 1 и 2) среди инвентаря были обнаружены серии псалиев: в погребении 1 – 4 экземпляра [1 рис. 11, 1-4], в погребении 2 – 7 экземпляров [1 рис. 16, 1-7]. Летом 2016 г. было проведено трасологическое исследование этих псалиев по сложившейся методике с помощью микроскопа «Motic» [2 с. 26]. Во время обработки псалиев и обсуждения авторами этой работы нюансов их изготовления были в разной мере существенно скорректированы детали рисунков изделий в сравнении с представленными ранее в монографии.

Псалии из погребения 1

Центральная часть погребения 1 была нарушена в древности. На перекрытии у южной стенки располагался жертвенник, включавший

кости скелетов двух особей лошади, трех особей крупного рогатого скота (КРС) (две взрослые коровы и теленок), 4-х особей мелкого рогатого скота (МРС). Неподалеку находился череп собаки. У противоположной стенки находился жертвенник из пары черепов и дистальных отделов конечностей лошадей. Вдоль южной стенки нетронутыми сохранились кости ног четырех погребенных (женщина 17-25 лет, юноша 15-17 лет, подросток 12-14 лет и ребенок 9-10 лет), лежавших на левом боку в полускорченном состоянии (рис. 1, 1). При погребенных *in situ* сохранились некоторые детали сопроводительного инвентаря, в частности, между ногами женщины и юноши на равном от них расстоянии, у развала керамического сосуда находилась пара псалиев. Еще один псалий лежал на дне за спиной женщины, а другой – в нарушенной части могилы (СЗ угол). Как представляется, положение двух последних псалиев далеко от первоначального при совершении погребения. В погребении, кроме женских украшений, находились также наконечники стрел, игла и несколько шильев.

Трасологическое изучение псалиев позволило уточнить детали, изменить некоторые выводы. Все псалии - с монолитными шипами (рис. 2, 1-4), три из них более похожи друг на друга формой щитков и планок (рис. 2, 1-3). У нас не хватает надежных сведений, предполагающих *работу одного мастера* для каких-либо псалиев погребения 1, но, судя по некоторым деталям оформления (уточнение планки по отношению у щитку, наличие втулки центрального отверстия, небольшая вогнутость щитков всех псалиев к этому отверстию, желобок на торце щитка (рис. 3, 1А, 2А, 4А)) и технике изготовления (аккуратная подрезка планки с удалением небольших участков компакты (рис. 3, 1Б, 4Б), оформление центрального отверстия в планке (рис. 3, 2Б, 3А), тщательная обработка участков внутренней поверхности щитка между шипами, полировка щитка), мы видим, что псалии выполнены в одной манере [ср.: 3 с. 340]. Сохранность не очень плохая только у псалия из северо-западной части ямы (рис. 2, 1); остальные (рис. 2, 2-4) выглядят куда фрагментарнее. Дело не только в том, что утрачены части щитков и планок; у псалиев значительно разрушены внешние и внутренние поверхности щитков и шипов, даже – поверхности отверстий в щитках. Это в значительной мере ограничило количество полученной технологической информации.

В качестве сырья для всех изделий были выбраны двойные пластины рога *Cervidae*. Судя по малым размерам ячей губчатого вещества, использовался лосиный рог [ср.: 4 с. 33]. Это типичное сырье для изготовления щитковых псалиев [2 с. 105], тем более, когда нужно было

оформлять монолитные шипы. На лучше сохранившемся псалии (рис. 2, 1) практически нет губчатого слоя, что свидетельствует о выборе качественного сырья. Такая же картина прослеживается и на еще двух морфологически очень близких первому псалию экземплярах (рис. 2, 2-3), но из-за сохранности этих изделий мы можем говорить о сырье с меньшей долей уверенности. Для первого псалия (рис. 2, 1) и, вероятно, для двух других (рис. 2, 2-3) были выбраны участки компакты поблизости от закраины лопаты лосиного рога. Первые операции изготовления псалиев реконструируются. Пластины сырья размягчали различными способами [2 с. 107]. Сначала шло расчленение лосиного рога [ср.: 4 с. 33; 5 с. 85], затем – разделка роговой лопаты: вырубка основания спицы, удаление закраины и расчленение большой по площади заготовки на двойные пластины [4 с. 33-34; 5 с. 86]. Так готовилось сырье практически для всех щитковых псалиев [2 с. 106]. Использование двойной пластины рога фиксируется в районе втулки и шипов одного из псалиев. Здесь сохранился участок губчатого слоя толщиной до 0,7 см (рис. 3, 4В). Впрочем, наличие довольно мощных втулок центрального отверстия в щитке и монолитных шипов подразумевает использование только двойной пластины рога даже без фиксации из-за плохой сохранности границы между компактой и губчатым веществом.

О зафиксированных следах подрезки планок уже упоминалось. На одном экземпляре под полировкой остались следы мелкого абразива (рис. 3, 1В). На относительно неплохо сохранившемся экземпляре хорошо видна аккуратная подрезка под боковыми выступами-зацепами планки (рис. 3, 1Г). Но такие же следы прослежены и на двух псалиях с сильно разрушенными планками (рис. 3, 2В, 3Б), что позволяет предположить наличие боковых выступов планки и у них [2 с. 108]. Тем интереснее, что четвертый псалий в погребении, учитывая сохранившиеся следы подрезки боковых торцов планки (рис. 3, 4Б), был изготовлен без выступов (некоторое изменение рельефа торца планки (рис. 3, 4Г) – остатки свежего слом). В сохранившейся полностью планке одного псалия – центральное и два боковых отверстия (рис. 2, 1). Центральные отверстия в планках есть и на остальных более похожих между собой псалиях (рис. 2, 2-3). На одном псалии это отверстие вырезано, скорее всего, слегка под углом (рис. 2, 1Д), а на двух остальных – угол значительно увеличивается (рис. 3, 2Б, 3А). Возможно, эти отверстия сверлились, а затем подрезались, что видно по очень небольшой неровности стенок. По сторонам центрального отверстия в планке просверлены с внешней стороны слегка на конус и маленькие

отверстия. В двух случаях (рис. 2, 1, 3) таких отверстий два – по одному с каждой стороны от центрального отверстия планки. Но на одном из трех более похожих между собой псалиев таких отверстий в планке – по два с каждой стороны от центрального (рис. 3, 2Г-Ж). Одно подобное отверстие (рис. 3, 2Г) сохранилось неплохо, второе (рис. 3, 2Д) – почти наполовину, еще два (рис. 3, 2Е, Ж) – в очень незначительной степени. Материал сверла неясен. Остатки еще одного маленького отверстия в планке есть и у четвертого псалия из погр. 1 (рис. 3, 4Д), но здесь мы можем только предполагать наличие в центре планки еще одного отверстия и не знаем, какое оно могло быть. В отверстии разрушенной планки отличающегося от других псалия из погр. 1 сохранился штифт. Сырьем для него мог служить как рог, так и фрагмент толстой компакты кости. На штифте выделена головка (рис. 3, 4Е) с залощенным (возможно специально) торцом. Тело штифта несет следы аккуратной резки-огранки: мастер подгонял штифт под отверстие.

Шипы на псалиях вырезаны в близкой манере, но немного по-разному. Кое-где на теле шипов сохранились остатки граней – следы оформления шипов аккуратной вырезкой. В основании шипа нижней пары одного псалия (рис. 3, 1Е) – небольшой валик-ободок вокруг втулки. На другом псалии по-разному оформлены пары шипов: верхняя (рис. 3, 2З) – коническая, нижняя (рис. 3, 2И) – фигурная. Шипы третьего псалия сохранились хуже: два из четырех (рис. 3, 3В) сломаны. Но сохранившиеся правые шипы отличаются друг от друга тем, что на верхнем слегка подрезано на конус основание (рис. 3, 3Г), в то время как нижний (рис. 3, 3Д) оставлен без подобной подрезки. Возможно, в ситуации с верхним правым шипом мы наблюдаем ошибку мастера: как правило, монолитные шипы стремились оставить у основания по возможности шире, что повышало их прочность.

Из-за плохого состояния псалиев мы имеем мало информации об их использовании. Концы шипов одного из псалиев (рис. 2, 1) немного залощены. Складывается впечатление, что верхний и нижний шипы с правой стороны этого псалия (рис. 3, 1Е) сработаны чуть больше, чем шипы левой стороны. Локально сохранилась завальцованность торцов планки и сильная залощенность сохранившегося участка внутренней поверхности щитка (рис. 3, 1Ж). На другом псалии немного более сработаны как раз верхние шипы (рис. 3, 2К) и снивелирован участок щитка между нижними шипами (рис. 3, 2Л). Третий псалий сохранил локальные участки линейной заполировки мощной втулки центрального отверстия (рис. 3, 3Е), небольшую завальцованность в нижней части

центрального отверстия (рис. 3, 3Ж) и торца щитка (рис. 3, 3З). Кроме того, зафиксирована сработанность отверстий в планке: с обеих сторон (рис. 3, 3И) и только с внутренней (рис. 3, 3К) стороны. На последнем псалии из погр. 1 сохранилась залощенность конца одного из шипов (рис. 3, 4Ж) (остальные шипы в очень плохом состоянии), чуть более интенсивная завальцованность участка щитка в нижней части (рис. 3, 4З) и «стаивание» участка поверхности втулки (рис. 3, 4И).

Псалии из погребения 2

Погребение 2 располагалось параллельно погребению 1, и также было частично нарушено в древности, но в меньшей степени (рис. 1, 2). Первый псалий был обнаружен на уровне перекрытия в центре ямы. Здесь же располагались несколько жертвенников: пара черепов лошадей с дистальными отделами конечностей, скелет теленка, череп и ноги коровы и как минимум четырех особей МРС, остатки скелета собаки. На дне зафиксированы останки тройного погребения. В западной части ямы между параллельными ямками, (имитация колес колесницы), на левом боку скорчено лежал персонаж, играющий роль «возницы» – женщина (?) 15-17 лет с признаками рахита; между и около ее колен лежал набор предметов (каменное орудие, набор астрагалов и 4 небольших псалия плохой сохранности). Тело было уложено головой на восток. В восточной части камеры, головами в противоположном направлении (на запад), лежали «пассажиры» символической колесницы: младенец 1,5-2 лет на левом боку, сопровождаемый парой псалиев, колчаном со стрелами и стрекалом, и индивид 14-15 лет (пол не определим, но, судя по обилию украшений - девушка). При ней были тесло и шило с рукоятью в футляре.

Тщательное изучение позволило значительно исправить представленные в публикации прорисовки псалиев и дополнить их реконструкцией. Обратим внимание на то, что псалий из центральной части ямы на уровне перекрытия (рис. 4, 1) и пара псалиев у стоп погребенного 2 (рис. 4, 2-3) сохранились достаточно хорошо. Группа же из 4-х псалиев (рис. 4, 4-7), лежащая рядом с изделием из камня между колен погребенного 1, дошла до нас в плохом состоянии.

Бросается в глаза, что первая группа псалиев (с перекрытия и у стоп погребенного 2) морфологически близка (рис. 4, 1-3) и сильно отличается от второй группы (рис. 4, 4-7). Все псалии первой группы с тремя (рис. 4, 1-2) и четырьмя (рис. 4, 3) монолитными шипами, с довольно большими по площади трапециевидными планками и похожей формой щитками.

Манера изготовления псалиев первой группы чрезвычайно близка. Мы склоняемся к тому, что псалии (по крайней мере – два (рис. 4, 1-2) из трех) вырезаны одним мастером. Если за изготовлением этих трех псалиев стоят все-таки два мастера, то они работали в настолько близкой манере, что можно предположить для них один источник овладения мастерством. Все псалии изготовлены из двойных пластин лосиного рога. В выборе сырья мастер² пошел на вынужденное ослабление шипов, поскольку губчатый слой пришлось частично на внутреннюю поверхность щитков и на середину шипов. Например, на псалии с перекрытия ямы только небольшая площадь поверхности щитка на внутренней стороне (рис. 5, 1А) не затронута губчатым слоем, а нижний шип (рис. 5, 1Б) имеет внутри стержня прослойку губчатого вещества толщиной до 1,1 см. Граница компакты и менее прочного губчатого слоя рога проходит по внутренней стороне еще одного псалия группы (рис. 4, 2): здесь локально прослеживается губчатое вещество (рис. 5, 2А). На внутренней же стороне третьего псалия компакта сохраняется локально только по краям изделия (рис. 5, 3А). Двойные пластины рога размягчались – об этом свидетельствуют сохранившиеся довольно длинные следы резки без заломов и заусенец [2 с. 107]. Поверхности щитков двух псалиев (рис. 4, 2-3) заполированы, одного (рис. 4, 1) – доведена почти до полировки. Щитки всех трех псалиев вырезаны и обработаны тщательнее планок. На внешних поверхностях планок после утончения их по сравнению со щитками частично сохранились следы подрезки и стесывания очень небольших фрагментов компакты. На боковых торцах планок остались следы резки-строгания, направленные от щитка вверх. Верхние торцы планок несут следы неровной резки. Для обработки планок использовался и абразив. На торце планки одного псалия срезка более длинных участков компакты (рис. 5, 1В) сочетается с удалением многочисленных маленьких кусочков (рис. 5, 1Г). Паз под выступом планки (рис. 5, 1Д) вырезан не очень аккуратно. Акты мелкой резки зафиксированы на внутренней стороне планки одного из псалиев (рис. 5, 3Б), когда мастер решил утончить ее край. Во время обработки планок псалиев использовался и абразив, по крайней мере, в одном случае (рис. 4, 1). Неровность внешней поверхности планок становится понятна, если учесть наличие штифтов в отверстиях планки одного из псалиев (рис. 4, 3). Между головкой штифтов и поверхностью планки

² Термин «мастер» здесь условен, поскольку мы не можем быть твердо уверены в том, что все 3 псалия первой группы – работа одного специалиста.

расстояние 0,2 см (рис. 5, 3В) – это толщина ремня, крепившийся штифтами поверх планки (скорее всего, у стоп погребенного 2 была положена упряжь, а не только сами псалии). Видимо, на всех псалиях первой группы ремень мог крепиться поверх планки, и менее ровная ее поверхность создавала больше трения для такого крепления. Впрочем, обратим внимание на остатки фигурной формы вырезанных верхних пар шипов всех псалиев (рис. 4, 1-3), что позволяет заводить ремень под планку и щиток псалия, усиливая тем самым крепление псалия в упряжи при помощи фигурных шипов [6 с. 175; 7 с. 425; 2 с. 146]. Возможно, система крепления ремней к псалиям более динамична, чем мы ее себе представляем, и мастера могли закладывать несколько вариантов крепления ремней к псалиям уже на стадии изготовления?

Шипы на псалиях тоже вырезаны в одной манере – аккуратная многоактная подрезка по периметру. Видно, что мастер формировал тело каждого шипа неторопливой подрезкой, понимая цену ошибки при изготовлении не вставных, а монолитных шипов. Штифты в отверстиях планки четырехшипного псалия первой группы (рис. 4, 3) вырезаны так же, как подобный штифт одного из псалиев погр. 1 с аккуратной резкой-огранкой и подгонкой каждого штифта под конкретное отверстие (ширина двух штифтов – 1,2 см, одного – 1,15 см).

Отверстия в планках двух псалиев (рис. 4, 1-2) (а возможно и всех трех) сверлились с внешней стороны станковым металлическим(?) сверлом. На одном экземпляре чуть-чуть сдвинули сверло после начала сверления очередного отверстия (рис. 5, 2Б). Центральное подпрямоугольное отверстие в планке этого псалия (рис. 5, 2В) вырезано не очень аккуратно, на другом псалии (рис. 5, 1Е) – лучше, а на третьем (рис. 5, 3Г) – только намечено. Круглые центральные отверстия в щитках (рис. 5, 1Ж, 2Г) – с ровными стенками, подразумевающими механическое сверление, но следов нет. Отверстие в щитке еще одного псалия этой группы (рис. 5, 3Д) более-менее аккуратно вырезано. На внутренней стороне отверстия сохранились небольшие неровности губчатого вещества – вырезка шла оттуда.

Следы использования на псалиях первой группы из п. 2 немногочисленные, но со своеобразными деталями. На торце центрального отверстия щитка одного псалия (рис. 5, 1З) – более сработанный сильно залощенный участок. Торцы двух шипов этого псалия (рис. 5, 1И) заполированы. Видимо, почти так же заполирован и третий шип (рис. 5, 1К), но он плохо сохранился. Так же заполированы торцы шипов еще одного псалия этой группы (рис. 5, 3Е, Ж), но в

ситуации со сработанностью монолитных шипов этого псалия прослеживается некоторая динамика. Если верхний правый шип (рис. 5, 3Е) срабатывался постепенно, то нижний правый частично сломался, был аккуратно подрезан, и полировка легла уже на новый торец. От нагрузок сломалась и пара шипов слева. Верхний (рис. 5, 3З) был, видимо, утрачен более чем наполовину, но остатки его были аккуратно подрезаны и новый торец залощен до заполировки. Нижний шип (рис. 5, 3И) сломан почти у основания, но следов починки его нет. Вероятно, после многочисленных поломок шипов и их исправлений, утрата нижнего левого шипа оказалась последней, после чего псалий уже не стали ремонтировать (и сочли возможным поместить в погребение?). Торцы шипов еще одного псалия первой группы (рис. 4, 2) сработаны не слишком сильно, но зато этот псалий имеет участки заполированности по краям щитка (рис. 5, 2Д) и участок чуть большей сработанности центрального отверстия в планке (рис. 5, 2Е).

Псалии, лежавшие между колен погребенного 1, образует вторую группу этих изделий в погребении 2 (рис. 4, 4-7). Все они, как указывалось выше, сохранились очень плохо. В работе с этими изделиями удалось поправить рисунки двух псалиев (рис. 4, 4-5), которые отличаются от представленных ранее [1 рис. 16, 4-5].

Первый псалий второй группы (рис. 4, 4) – наиболее сохранившийся. На торце планки сохранился участок слома (рис. 5, 4А), что позволяет предположить наличие выступа и, следовательно, паза. Очевидно, подобный паз был и с другой стороны планки (рис. 5, 4Б). Учитывая шаг перфорации, мы реконструировали в планке еще одно отверстие (рис. 5, 4В). Впрочем, если мастер не слишком следил за симметрией, в несохранившейся части планки могло быть еще два маленьких отверстия. На щитке – следы резки (рис. 5, 4Г) и выравнивания поверхности (рис. 5, 4Д). В основании планки и внизу щиток тоже слегка подрезан (рис. 5, 4Е). Внутренняя поверхность отверстия в щитке и одного из маленьких отверстий в планке сохранилась плохо, но еще одно отверстие в планке (рис. 5, 4Ж) имеет четкие ровные стенки, характерные для станкового металлического сверла. Внутренняя поверхность псалия разрушена очень сильно, однако четко видно, что левый нижний шип (рис. 5, 4З) был аккуратно срезан – скорее всего, после поломки удалили уже остатки шипа. Из-за сохранности нельзя говорить уверенно, но, скорее всего, мы фиксируем вместе с остатками заполировки торца основание еще одного шипа (рис. 5, 4И). Ничего нельзя сказать о верхней паре шипов, но наличие нижних

двух подразумевает, что и сверху должны были быть шипы [ср.: 8 с. 124-129].

Второй псалий второй группы (рис. 4, 5) сохранился гораздо хуже. Работа с этой находкой позволила нам в какой-то мере реконструировать щиток, опираясь на сохранившуюся деталь – уступ в месте утончения планки по сравнению со щитком (рис. 5, 5А). В планке частично сохранилось отверстие (рис. 5, 5Б), а на щитке – остатки подпрямоугольного центрального отверстия (рис. 5, 5В), окруженного мощной втулкой (рис. 5, 5Г). В углу этого отверстия (рис. 5, 5Д) очень слабые следы сверления (?). Скорее всего, отверстие в щитке изготовлено в смешанной технике: сначала мастер просверлил несколько небольших отверстий в сырье, которые потом превратил подрезкой в одно подпрямоугольное [ср.: 2 с. 44, 49, 109; 5 с. 88]. На верхнем левом шипе (рис. 5, 5Е) сохранились следы строгания. Более слабые следы подрезки видны и на левом нижнем шипе (рис. 5, 5Ж). От правого нижнего шипа (рис. 5, 5З) осталось основание. На поверхности щитка локально сохранились маленькие участки полировки.

Последние два псалия второй группы (рис. 4, 6-7) сохранились еще хуже. От одного из них осталась только верхняя (?) часть с остатками двух монолитных шипов (рис. 5, 6А) и слегка поднимающимся рельефом к центру щитка (рис. 5, 6Б). Скорее всего, центральное отверстие было окружено втулкой. Край щитка чуть приподнят, что свидетельствует о некоторой вогнутости внешней поверхности щитка – прием изготовления щитковых псалиев, когда мастер хотел, чтобы втулка была хоть на немного более массивной [ср.: 2 с. 43, 53, 71]. Локально сохранились следы полировки щитка (рис. 5, 6В). У последнего псалия (рис. 4, 7) в скоплении между колен погребенного I верхний слой поверхности осыпался. Сохранились остатки трех довольно длинных монолитных шипов (рис. 5, 7А) и очень деформированное центральное отверстие в щитке. Как и с предыдущим псалием, невозможно сказать, это отверстие круглое или подпрямоугольное. Однако отверстие в щитке и на этом псалии было окружено втулкой: остатки ее немного прослеживаются на лицевой поверхности щитка (рис. 5, 6Б). Край щитка в районе двух сохранившихся шипов (рис. 5, 7В), хоть и деформирован плохой сохранностью, но не сломан. Таким образом, сохранилась нижняя часть щитка с нижней парой шипов. Край щитка слегка приподнят. Скорее всего, эти псалии (рис. 4, 6-7) были похожи между собой (одна пара?).

Следы использования на псалиях второй группы из п. 2 почти не сохранились. Выше упоминалась заполировка в районе нижних шипов на первом псалии этой группы (рис. 5, 4, 3, И). Залощены следы строгания на шипах второго псалия (рис. 4, 5).

Выводы

1. Суммируя всю технологическую информацию по псалиям из кургана 1 могильника Степное-1, можно восстановить технологию их изготовления. Внешний вид псалиев по группам различается, но технология их изготовления близка. В свою очередь, найденные псалии по приемам изготовления не выделяются на фоне таких же щитковых псалиев с монолитными шипами других памятников [ср.: 2 с. 106-107]. В качестве интересной детали укажем на то, что подпрямоугольное узкое отверстие в планке одного из псалиев (рис. 5, 3Г) было намечено, но не вырезано. Очевидно, уже в процессе изготовления мастер изменил систему крепления ремня к планке, склонившись в пользу штифтов в маленьких отверстиях. То, что мастер отказался от одного варианта крепления ремня в пользу другого во время доводки планки – еще один аргумент в пользу высказанного выше предположения о более динамичной системе крепления ремней к псалиям, закладываемой уже на стадии изготовления.

2. Сработанность всех изделий достаточная, чтобы считать их обычными рабочими псалиями. Мы не знаем, как долго псалии Степного-1 использовались. Данные экспериментов показали, что сработанность псалиев наступает достаточно быстро – уже через несколько часов непрерывной работы [7 с. 424, 427]. Но ясно, что почти все псалии двух погребений не эксплуатировались слишком долго – даже при плохой сохранности найденных экземпляров видно, что сработанность локальна и еще не стала интенсивной. Отметим чуть более сработанную верхнюю пару шипов на одном из псалиев из погр. 1 (рис. 3, 2К). Подобная дифференциация сработанности шипов уже отмечалась [2 с. 124, 128, 153; 7 с. 425]. Впрочем, в использовании псалиев из Степного-1 были моменты, приведшие к появлению более интенсивной картины следов эксплуатации [7 с. 427], поскольку на одном из экземпляров из п. 1 чуть больше сработана правая пара шипов (рис. 3, 1Е). На фоне недолгой эксплуатации изученной группы псалиев выделяется только один (рис. 4, 4) со сломанными и подрезанными шипами. Вот этот псалий, скорее сего, мог попасть в контекст погребального обряда, как практически уже нефункциональное изделие

[2, с. 154]. От ранее высказанной идеи того, что четыре псаля из кургана 1 могли быть «моделями» [1 с. 25, 95], следует отказаться.

3. По меньшей мере в двух случаях, когда пара псаляев была найдена *in situ* (у ног погребенных в погребении 1 и при младенце в погребении 2), ясно, что речь идет о помещении в могилу всей упряжи с несохранившимися органическими деталями. Трасологическое изучение позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что парные псаляии изготавливались одним мастером. Возможно, парой были и два псаля из набора у ног погребенного в погребении 2.

4. Ритуальные особенности использования псаляев восстанавливаются в контексте содержания погребений. Оба погребения имеют ряд общих черт: коллективный характер, сопровождение множественными жертвоприношениями, состав которых сходен (лошадь, КРС, МРС, собака) и различается лишь количественно, помещение в могилу как набора псаляев (упряжи), так и разрозненных экземпляров (что документируется не только их разным месторасположением, но и типологическим различием). В обоих погребениях ярко выражены классические признаки так называемого «колесничного комплекса» [9]: в первом погребении, кроме псаляев – два парных жертвоприношения лошадей, во втором – парное жертвоприношение лошадей, колесные ямки, стрекало, и в качестве дополнительного признака в двух погребениях наличие оружия (стрелы). Если в первом погребении ввиду его значительного нарушения остается мало пространства для интерпретации обряда, то второе погребение являет собой классический пример «инсталляции», где погребенным отведена символическая роль, никоим образом не связанная с их прижизненным статусом. Роль «возницы» исполняет физически слабая женщина, роль «воина» – младенец. О том, что псаляии в погребениях не могли быть личной собственностью погребенных, а появились там вследствие исполнения неких ритуалов, говорит и помещение в могилу одиночных псаляев, сломанных нерабочих экземпляров (в одном случае это задокументировано трасологией, а в случае с набором псаляев в погребении 2 можно предполагать, что их плохая сохранность обусловлена тем, что они были помещены в могилу уже во фрагментированном состоянии). Таким образом, изучение псаляев и контекста их нахождения в очередной раз подтверждает тезис о «театрализованности» синташтинского погребального обряда, его слабой связи с личностью

погребенных индивидов и ориентации на отражение некоего коллективного «message».

Литература

1. *Куприянова Е.В.* Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010-2011, 2014 гг.). Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

2. *Усачук А.Н.* Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев, Донецк: Ин-т археологии НАНУ, 2013. 304 с.

3. *Кузнецов П.Ф., Усачук А.Н.* Общее и особенное в изготовлении псалиев из Урени – деталей упряжи боевых колесниц // *Stratum plus*. 2019. № 2. С. 335-341.

4. *Бородовский А.П.* Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. 176 с.

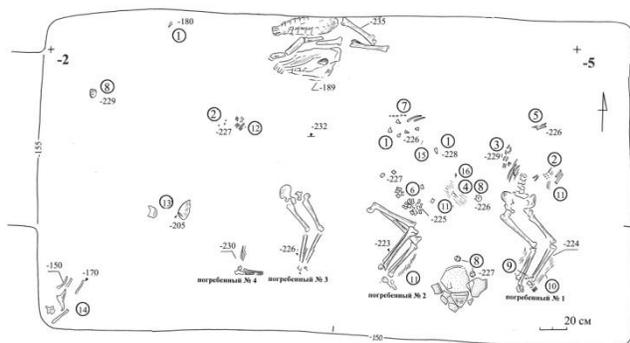
5. *Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

6. *Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.)*. Самара: Изд-во СГПУ, 1995. С. 156-207.

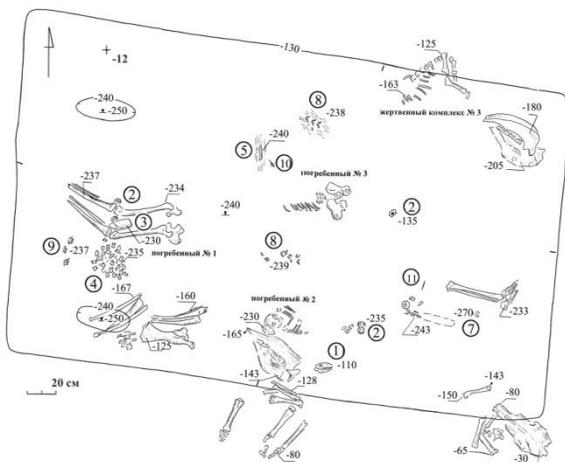
7. *Чечушков И.В.* Огололье колесничной лошади эпохи бронзы: экспериментальное исследование // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2007. Вып. XVII. М., Магнитогорск, Новосибирск. С. 421-428.

8. *Усачук А.Н.* О шипах на щитковых псалиях // *Stratum plus*. 2002. № 2. С. 515-525.

9. *Чечушков И.В.* Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

1

2

Рис. 1. Планы придонной части погребений кургана 1 могильника Степное-1: 1 – погребение 1 (1 – наконечник стрелы каменный; 2 – скопление бусин; 3 – украшение из клыков-амулетов; 4 – проколка; 5 – фрагмент деревянной плахи; 6 – астрагалы; 7 – хвостовые позвонки животного; 8 – псалий; 9 – низки бронзовых бус; 10 – остатки войлока; 11 – органика; 12 – кости рук погребенного № 4; 13 – череп; 14 – скопление костей *Homo sapiens*; 15 – игла бронзовая; 16 – шило с остатками рукояти); 2 – погребение 2 (1 – череп собаки; 2 – псалий; 3 – каменное орудие; 4 – астрагалы; 5 – топор-тесло; 6 – колчан со стрелами; 7 – кусок смолы; 8 – украшение из клыков-амулетов; 9 – остатки сгоревшей плахи; 10 – шило; 11 – стрекало)

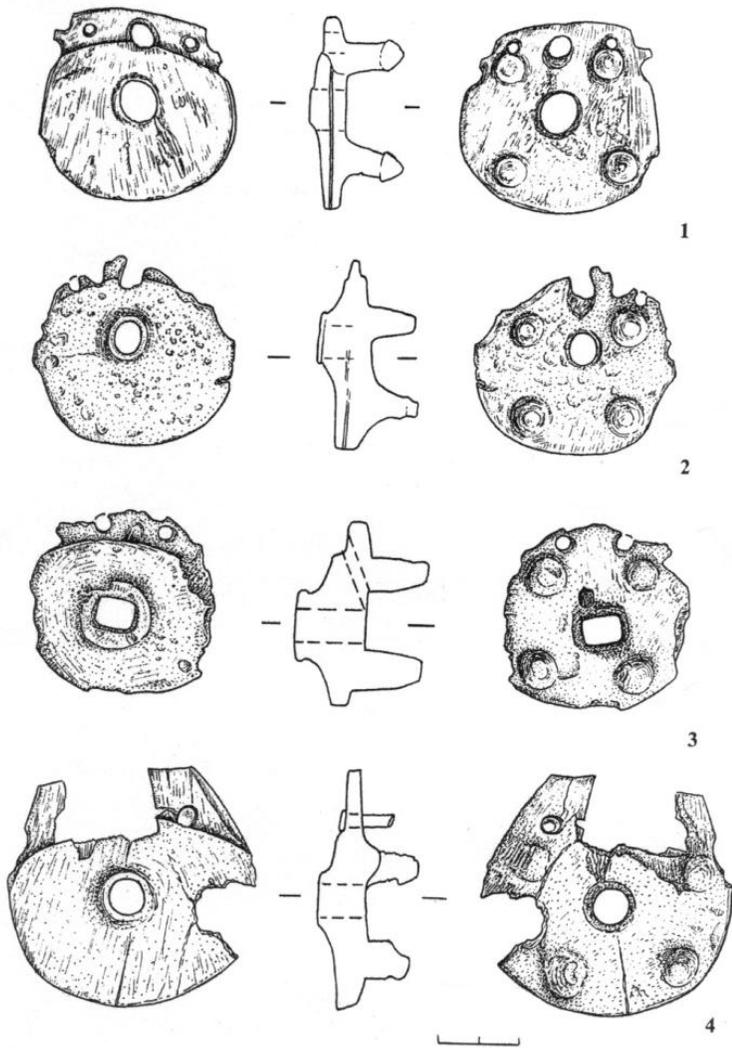

Рис. 2. Могильник Степное-1, погребение 1: 1-4 – псалии (уточненная прорисовка предметов)

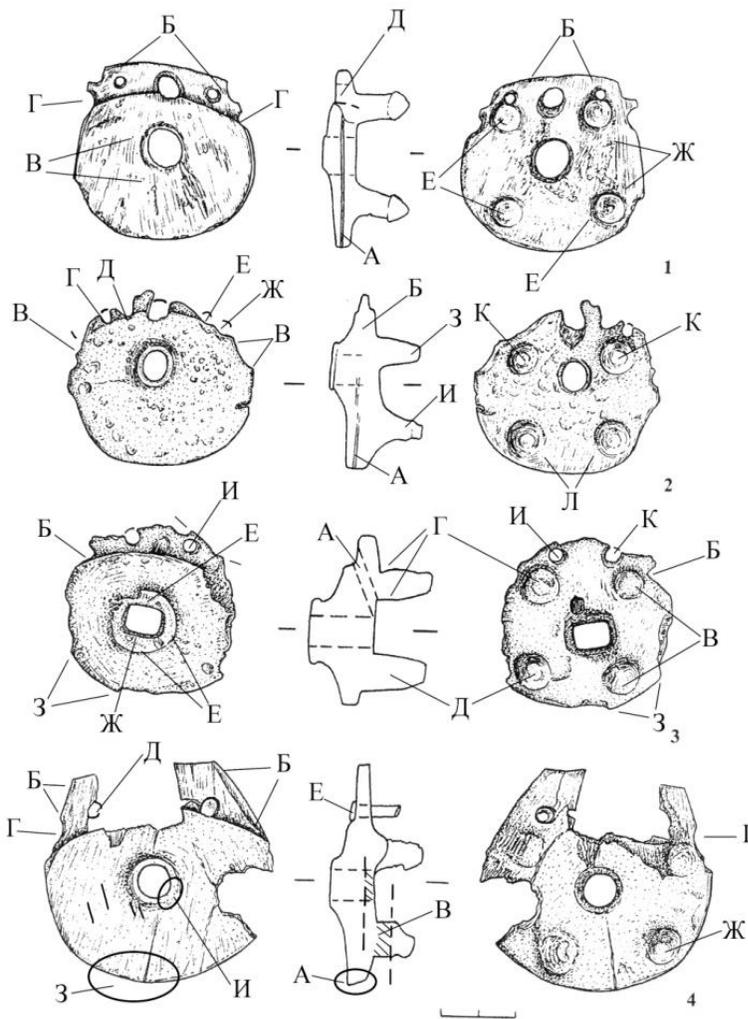

Рис. 3. Могильник Степное-1: 1-4 – схемы следов изготовления и использования на псалях из погребения 1

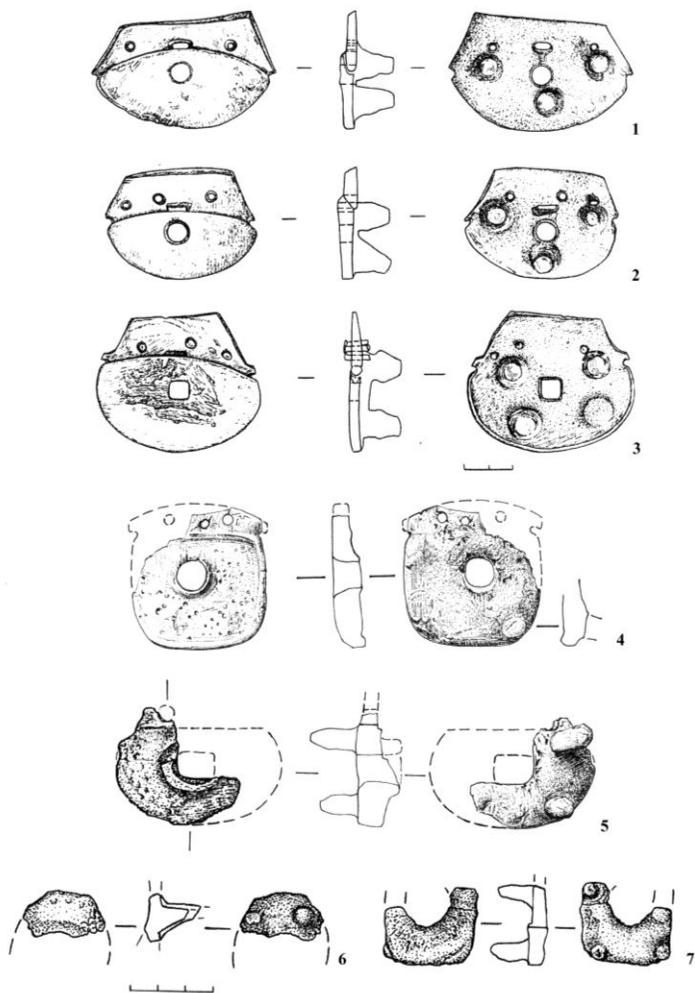

Рис. 4. Могильник Степное-1, погребение 2: 1–7 – псалхи (уточненная прорисовка предметов)

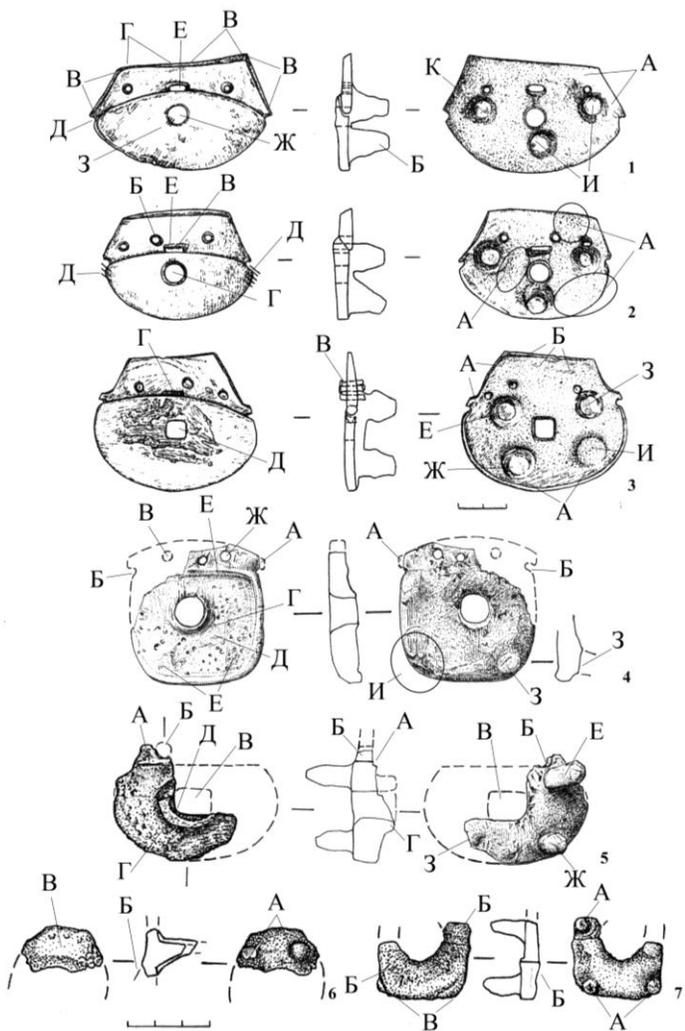

Рис. 5. Могильник Степное-1: 1-7 – схемы следов изготовления и использования на псалях из погребения 2

Украшения из кости в погребальной обрядности населения
ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости
в обществе скотоводов эпохи бронзы

А. А. Файзуллин

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, faizullin.airat@yandex.ru*

Украшения – съемное, подвижное убранство из постоянных или проходящих материалов, в отличие от неподвижных украшающих элементов, таких как разрисовка тела, татуировка, деформирование тела или укладывание волос. Материалами для украшений служили неорганические и органические вещества [23 с. 244]. В погребениях носителей ямной культуры украшения являются редкостью. Комплексы с данным типом инвентаря не превышают 8 % (33 из 394) от общего количества ямных захоронений Волго-Уралья (табл. 1).

Материалы, из которых сделаны украшения, разнообразны. Это минералы, раковины, кость, медь/бронза, железо, серебро и золото. В данном исследовании остановимся на украшениях, выполненных из кости. Они являются самым распространенным типом украшений в ямной культуре Волго-Уралья. Из 32 погребений с украшениями в 20 находятся костяные изделия.

Таблица 1. Погребальные комплексы с украшениями из кости в ямной культуре Волго-Уралья

Погре- бальн- ые компл- ексы	украшения из кости	мель	серебр	грудю	керам	Орудя	Возра- ст/пол	Дата ВР
--	--------------------	------	--------	-------	-------	-------	------------------	------------

© Файзуллин А. А., 2020

Работа выполнена при поддержке Госзадания Министерства образования и науки РФ №33.1389.2017/ПЧ, а так же при поддержке гранта РФФИ № 40031 Древности "Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона"

	бусины	пуговицы-застежки	пронизки	булавки	кольца	подвески из зубов	обоймы	пекторали	заколки								
Скатовка 5/3								+		—	—	1 А	+	+	—		Ki 16487 4890±70
Новоникольский I 7/11			+							—	—	2 А	+	+	—		—
Кругояровка 7/4			+							—	—	1 А	—	—	—		—
Новый Рогачик 3/5		+								—	—	2 А	—	—	Ж		—
Новый Рогачик 3/2			+							—	—	2 А	—	—	М		—
Паницкое 6Б/6				+						—	—	1 А	+	—	м, р.		—
Тамар - Уткуль VII 1/1			+	+					+	—	2 Б	—	+	Ж (50-55)		GrA 54386 4105±35	
Тамар - Уткуль VII 6/1	+		+						+	—	1 Б	—	—	Ж (50-55)		—	
Грачевка 3/1					+					—	—	1 А	—	—	М (35-45)		—
Болдырево IV 3/6					+				+	—	2 А	—	—	—			—
Мустаево V 9/2				+						—	—	2 А	—	+	Ж и 3 Реб.		ИГАН 3017 4290±80
Герасимовка II 4/2				+						—	—	2 А	+	+	Ж и Взр.		GrA 54389 4480±35
Курманаевский III 3/1				+						—	—	1 А	—	—	Ж		—
Свердлово К0ПЗ					+					—	—	2 Б	—	—	Ж		—
Красиково I 2/1								+		—	—	2 Б	—	+	М		SPb -2092 4542±70
Утевский I 2/1			+						+	+	2 Б	+	+	Взр. и Реб.		—	
Покровка 4/1					+					—	—	1 А	—	—	—		—
Покровка 17/1				+					+	—	1 А	—	+	—	—		—
Николаевка III 3/1/2	+		+						+	—	2 Б	+	—	М и Реб		—	
Лопатино II 3/2				+						—	—	1 А	+	—	—		—

Сокращения: р. – ребенок, ж – женщина, м – мужчина, взр. – взрослый.

К данной категории артефактов можно отнести: бусины, пуговицы-застежки, пронизки, булавки, кольца, подвески из зубов, обоймы, пекторали, заколки. Бусины из кости встречаются редко. Они обнаружены в 2 погребениях КМ Николаевка III 3/1/2, КМ Тамар-Уткуль VII К6П1 и располагались в комплексе с украшениями из меди и

керамики. Костяные пуговицы-застежки обнаружены в КМ Новый Рогачик 3/5. В семи погребениях найдены пронизки из кости животных: КМ Новоникольский I 7/11 [29 с. 10], Крутоярровка 7/4 [10 с. 15], Новый Рогачик 3/2 [11 с. 88], Тамар-Уткуль VII 6/1 (рис. 1, 19), Николаевка III 3/1/2 [25], Тамар-Уткуль VII 1/1 (рис. 1, 26), Утевка 2/1 (рис. 1, 20). Практически во всех этих погребениях, кроме КМ Новый Рогачик 3/2, костяные украшения обнаружены в составе другого погребального инвентаря. В трех случаях этот инвентарь включал медные изделия труда и/или украшения из меди Новоникольский I 7/11, Тамар-Уткуль VII 6/1, Николаевка III 3/1/2. Восемь костяных заколок (рис. 2, 15-18) были найдены в составе богатого погребального инвентаря КМ Утевский I [4 с. 35]. Заполированные кольца из кости обнаружены в четырех погребениях Тамар-Уткуль VII 1/1, КМ Болдырево IV 3/6, Свердлово 0/3 [21 с. 144], Покровка 4/1, Грачевка 3/1 [3 с. 11]; они также найдены в составе инвентаря (керамика, медные и костяные изделия).

Самой распространенной категорией украшений являются булавки (рис. 1, 1-14). Они обнаружены в 7 захоронениях Тамар-Уткуль VII 1/1, Паницкое 6Б/6, Мустаево V 9/2, Герасимовка II 4/2, Курманаевский III 3/1, Покровка 17/1, Лопатино II 3/2, а также одна булавка обнаружена на Турганинском поселении [26 с. 209]. Интересно, что булавки обнаружены в комплексе с другими артефактами, а некоторые захоронения являются нестандартными. Именно поэтому данную категорию украшений стоит рассмотреть подробнее в контексте погребального ритуала. В погребальном комплексе КМ Лопатино II 3/2 [5 с. 50] булавки лежали в могиле вместе с керамикой. В трех погребениях костяные булавки обнаружены вместе с медными орудиями: Мустаево V 9/2, Герасимовка II 4/2, Покровка 17/1 [1 с. 4]. В КМ Курманаевский III 3/1, в погребении зрелой женщины, найдена костяная булавка и обойма [2 с. 14]. Уникальным можно назвать погребение в КМ Тамар-Уткуль VII 1/1, так как данное погребение пожилой женщины было основным и единственным погребением в кургане. В КМ Тамар-Уткуль VII 1/1 булавка была выявлена в комплексе с медным ножом, костяной подвеской, кольцом из кости, медной бляшкой, кварцитовым отщепом, 4 медными обоймами (рис. 2.2). Отклонением от стандарта ямных погребений можно назвать то, что руки у погребенной были согнуты в локтях на уровне груди, их запястья соединены и неестественно деформированы [15 с. 11].

К нестандартным захоронениям с булавками можно отнести комплекс в КМ Герасимовка II 4/2. Там были погребены два черепа, обильно засыпанные охрой. Инвентарь, предназначался обоим черепам и состоял из круглодонного сосуда, куска красной охры, 5 костяных рогатых булавок, трех обойм, подвесок из зуба лошади, трех обойм, медного ножа, пронизок из раковин моллюска, двух медных четырехгранных шильев с упором, костяной трубочки, кремневого скребка, отщепы из кварцита (рис. 2, 1). В публикации отмечено, что череп, на котором находились булавки, принадлежал женщине [22 с. 94].

Булавки встречаются и в парных, и в коллективных захоронениях. В КМ Паницкое 6Б/6 булавка и глиняный сосуд обнаружены в погребении мужчины и ребенка [13 с. 75]. Коллективное, но, к сожалению, ограбленное погребение было обнаружено в КМ Мустаево V 9/2 [16 с. 16]. Основной скелет принадлежал женщине (35-45 лет), которую сопровождали погребения детей. В захоронении присутствовал набор из двух костяных булавок и медного ножа (рис. 2, 3).

Другое, не менее интересное украшение из кости – это пектораль. Пекторали встречены в комплексах КМ Скатовка 5/3 (рис. 3, 1) и Красиково I 2/1 (рис. 3, 2). В КМ Скатовка 5/3 с костяной пекторалью были обнаружены каменный пест, кованый бронзовый нож, плотный прозрачный кремль, в ногах сосуд и около него 8 костяных трубочек [24 с. 160]. В КМ Красиково костяная пектораль обнаружена в погребении черепа на постаменте, рядом с которым лежала преформа наконечника стрелы [18 с. 145]. Курган и погребальная камера КМ Красиково I 2/1 является самой большой конструкцией раннего этапа ямной культуры, а погребальный обряд представляет собой сакральный комплекс.

Данные относительной хронологии

В выборке погребений 5 захоронений раннего репинского этапа Скатовка 5/3, Лопатино 3/2, Герасимовка II 4/2, Красиково I 2/2, Паницкое 6Б/6. Это захоронения с пекторалью в КМ Скатовка 5/3 и КМ Красиково I 2/2 [19 с. 4]. Другим типом костяных украшений раннего этапа являются булавки, обнаруженные в КМ Лопатино 3/2, Герасимовка II 4/2, Паницкое 6Б/6.

Погребальный обряд и сопровождающие артефакты позволяют предположить, что на раннем этапе ямной культуры такие костяные украшения как пектораль и костяные булавки являлись символами престижного статуса. В пользу этой гипотезы существует несколько

фактов. Во-первых, они были обнаружены в комплексе с орудиями из меди; во-вторых, и пектораль, и костяные булавки – амулеты были найдены в сакральных комплексах (погребениях черепов на постаменте). Пектораль, по мнению исследователей, является предметом социальной символики или высокого престижа [8; 12]. В памятниках Балкано-Дунайских земледельческих культур изделия из кабаньего клыка дополняются или замещаются типологически сходными украшениями, выполненными из других материалов. Пекторали, изготовленные из золота, обнаружены в Варненском некрополе, а также в составе гумельницкого клада из Балач в Румынии [12]. Костяные булавки, по мнению Н.Л. Моргуновой, вероятно, указывают на сакральные функции, выполнявшиеся при жизни субъектами из данных погребений. Это подтверждается обрядом, трудовыми затратами и сопровождающим инвентарем в ямных захоронениях [16; 17]. А.Н. Гей в числе одной из причин распространения булавок называет единство идей, некоторых религиозных представлений или культов с соответствующими им ритуальными действиями и атрибутикой [6]. К ритуальному инвентарю булавки относит и С.В. Иванова, основываясь на материалах междуречья Южного Буга и Днестра [7]. По мнению Н.И. Шишлиной, булавки довольно долго использовались и являлись дорогими украшениями [31 с. 41]. Носители ямной культуры Северного Прикаспия ценили булавки и использовали их долго, не обращая внимания на сломанные молоточки. По данным Н.И. Шишлиной, булавки встречаются в комплексе с бронзовыми украшениями в захоронении женщины могильнике Му-Шарет-4 1/2 [30 с. 102]. Интересно, что в некоторых погребениях развитого этапа Мустаево V 9/2, Курманаевский III 3/1, Тамар-Уткуль VIII 1/1 медные украшения и орудия труда обнаружены в комплексе с костяными булавками, что указывает на сохранение престижности данного вида украшений. Костяные булавки, как и пекторали, замещаются типологически сходными изделиями из металла [9; 30].

Данные по трудовым затратам, сопровождающему инвентарю и половозрастной принадлежности погребенных с украшениями из кости

Подсчет трудовых затрат на совершение захоронения производится по уже имеющейся классификации [20 с. 36]. По имеющимся данным трудовые затраты на совершение захоронений с костяными

украшениями сравнительно невысокие. Практически половина погребений (8 из 20) совершены в небольших курганах группы 1А. Но необходимо отметить, что для раннего этапа ямной культуры характерны небольшие насыпи (ср. Скатовка 5/3, Лопатино 3/2, Паницкое 6Б/6). Под небольшой насыпью в КМ Скатовка 5/3 костяная пектораль обнаружена с престижными орудиями труда из меди, маркируя таким образом рядовой комплекс. Погребения же с высокими трудовыми затратами группы 2А и 2Б с украшениями из кости встречаются реже (табл. 1). Среди них есть комплексы, которые можно назвать социально значимыми Тамар-Уткуль VII 1/1 (рис. 2, 2), Герасимовка II 4/2 (рис. 2, 1), Красиково I 2/1 (рис. 3, 2), Утевский I 2/1, Николаевка III 3/1/2. Кроме трудовых затрат и костяных украшений их отличает комплекс предметов (украшения из меди/серебра, керамика и престижные орудия из меди). Возможно, не все украшения из кости имели первостепенное значение для оценки социального статуса погребенного. Но нахождение булавок и пекторалей в погребениях с высокими трудовыми затратами, престижным инвентарем и специфическим погребальным обрядом позволяет сделать вывод, что данные украшения являются маркером для определения статуса погребенного индивида. Кроме того, нестандартные захоронения (погребения черепов) с булавками и пекторалью ранее были отнесены к погребениям представителей культовой сферы [14; 27]. При этом украшения из кости встречаются как в детских, так и в женских и мужских захоронениях. Однако из пяти определенных антропологами захоронений ямной культуры с булавками четыре из них обнаружены в женских захоронениях и подчеркивают их социальный статус [28].

Таким образом, украшения из кости как единственный артефакт в погребениях ямной культуры встречается крайне редко. Они обнаружены в комплексе с орудиями труда, оружием, украшениями из меди и серебра. Среди украшений из кости выделяются булавки и пекторали. Трудовые затраты, нетрадиционные погребальные ритуалы и инвентарь, обнаруженный в комплексе с ними, позволяет отнести данную категорию украшений к маркерам социального высокого статуса погребенного индивида.

Литература

1. *Агапов С.А., Васильев И.Б.* Покровский курганный могильник // Наш край. Т. 165. Вып. II. / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1975. С. 3–12.
2. *Богданов С.В.* Курганы начала бронзового века в окрестностях села Курманаевки // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1999. С. 12–19.
3. *Богданов С.В.* Древнеямный некрополь в окрестностях села Грачевка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: «Оренбургская губерния», 2000. С. 11–27.
4. *Васильев И.Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГПИ, 1980. С. 32–59.
5. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А.* Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Под. ред. Ю.Н. Колева, А.Е. Мамонова, М.А. Турецкого. Самара: Самарский научный центр РАН, 2000. С. 6–65.
6. *Гей А.Н.* Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Ин-т археологии РАН, 2002. С. 127–140.
7. *Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е.* Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: Ин-т археологии НАН Украины, 2005. 207 с.
8. *Кореневский С.Н.* Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М: Таус, 2012. 256 с.
9. *Латынин Б.А.* Молоточковидные булавки, и их культурная атрибуция и датировка (Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 9). Л.: Советский художник, 1967. 96 с.
10. *Максимов Е.К.* Максимовские курганы // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1994. С. 10–20.

11. *Мамонтов В.И.* Материалы курганного могильника Новый рогачик // Нижневолжский археологический вестник. 1988. Вып. 1. Волгоград. С. 87–100.
12. *Манзура И.В.* Владеющие скипетрами // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 237–295.
13. *Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.
14. *Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.
15. *Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке / Отв. ред. И.Б. Васильев. Екатеринбург: УИФ "Наука", 1994. 153 с.
16. *Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В.* Курганный могильник Мустаево // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 5–49.
17. *Моргунова Н.Л.* Особенности костяных булавок ямной культуры Приуралья // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов конференции / Отв. ред. И.М. Чеченов. Нальчик, 2006. С. 135-138.
18. *Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Файзуллин А.А., Кулькова М.А., Хохлова О.С.* Новые материалы ямной культуры в I курганном могильнике у с. Красиково в Оренбургской области // XXI Уральское археологическое совещание / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: ООО Порто-принт, 2018. С. 144-147.
19. *Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А.* Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. 2019. Вып. 14. Оренбург. С. 4–39.
20. *Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А.* Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // *Stratum plus*. 2018. №2. С. 35-60.
21. *Попов С.А.* Работы в Оренбургской области // Археологические открытия-1968. М.: Наука, 1969. С. 144-145.

22. *Порохова О.И.* II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. А.Т. Синюк. Оренбург: ОГПИ. 1992. С. 92-108.

23. Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура. Вып. 3 / Отв. ред. Арутюнов. М.: Наука, 1989. 224 с

24. *Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60. С. 39–205.

25. *Скарбовенко В.А.* Отчет об охранно-спасательных раскопках могильника Бобровка в Кинельском районе Самарской области в 2000 г. // Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. №24409.

26. Турганикское поселение в Оренбургской области: монография / Н. Л. Моргунова [и др.]; под общ. ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург: Оренбургский гос. аграрный ун-т, 2017. 300 с.

27. *Файзуллин А.А.* Культ черепа в погребальной практике ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 16. № 3. Самара: Самарский научный центр РАН, 2014. С. 592–596.

28. *Файзуллин А.А.* Захоронения женщин ямной культуры на территории Волго-Уралья // Проблемы истории, филологии, культуры 2015. № 4 (50). М., Магнитогорск, Новосибирск: ЗАО МДП, 2015. С. 26–32.

29. *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 170 с.

30. *Шишлина Н.И.* Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы. Труды Гос. исторического музея. Вып. 165. М.: Гос. Исторический музей, 2007. 400 с.

31. *Шишлина Н.И., ван дер Плихт Й., Зазовская Э.П.* Костяные булавки бронзового века: результаты радиоуглеродного датирования // Российская археология. 2013. № 4. С. 35-44.

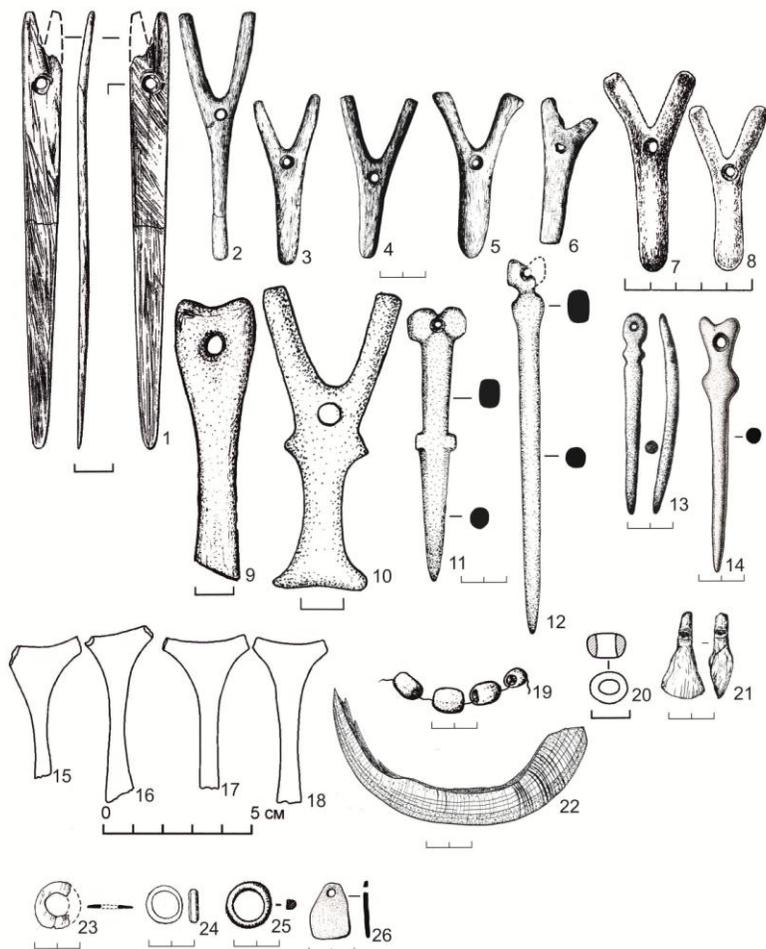

Рис. 1. Украшения из кости в погребальных комплексах ямной культуры Волго-Уралья. Булавки: 1. Паницкое 66/6, 2-6. Герасимовка II 4/2, 7-8. Лопатино II 3/2, 9. Пос. Турганик, 10. Покровка 17/1, 11-12 Мустаево V 9/2, 13 Курманаевский III 3/1, 14. Тамар-Уткуль VII 6/1. Заколки: 15-18 Утевка 2/1. Бусы: 19. Тамар-Уткуль VII 6/1, 20. Утевка 2/1. Подвеска из зуба животного: 21. Герасимовка II 4/2. Пектораль: Красиково 2/1. Кольцо: 23. Тамар-Уткуль VII 1/1, 24. Покровка 4/1, 25. Грачевка 3/1. Пронизка: 26. Тамар-Уткуль VII 1/1

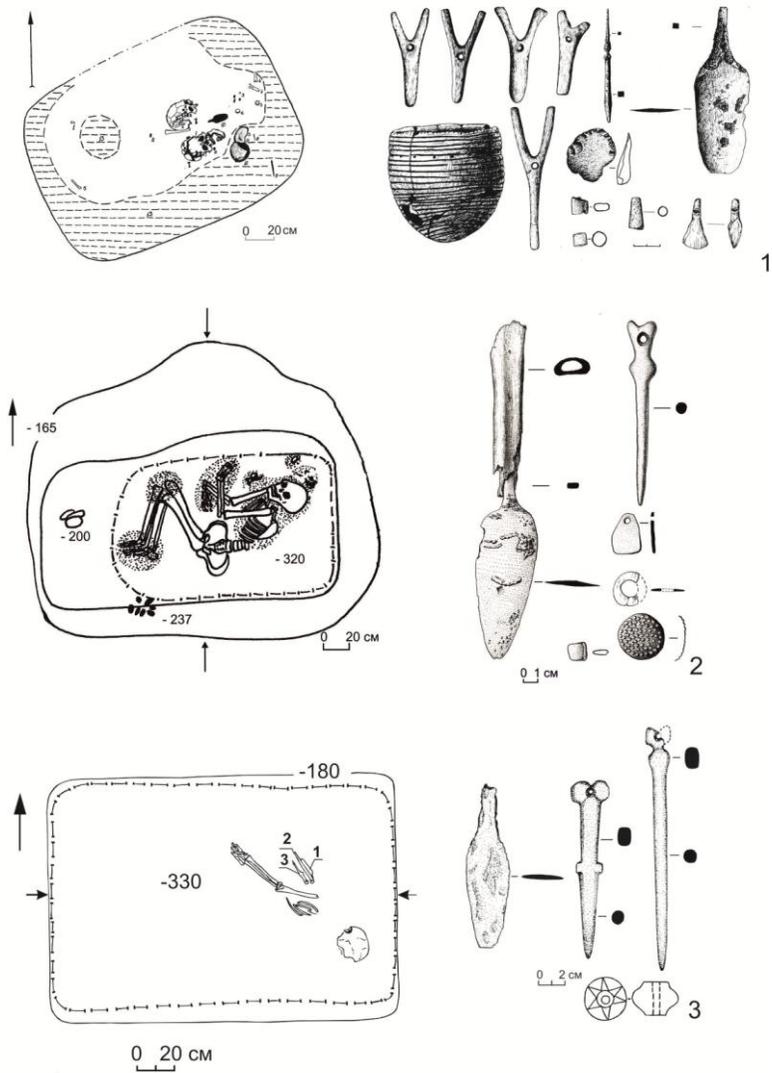

Рис. 2. Погребения с костяными булавками: 1 – Герасимовка II 4/2; 2 – Тамар – Уткуль VII 1/1; 3 – Мустаево V 9/2

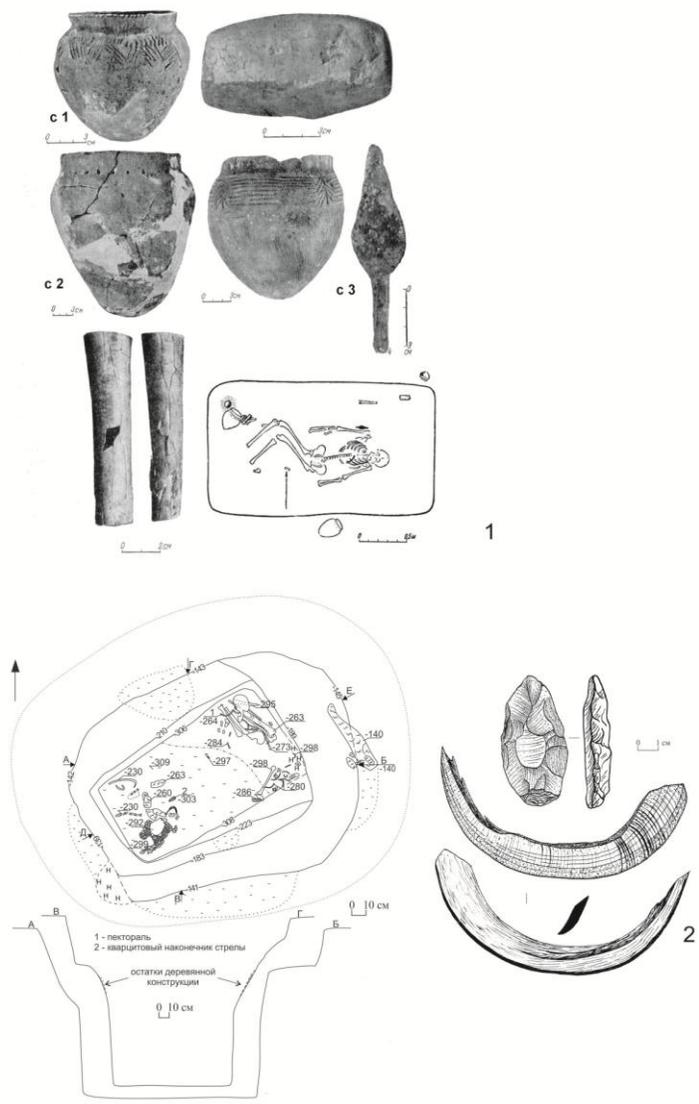

Рис. 3. Погребения с костяными пекторальями: 1 – КМ Скатовка 5/3, 2 – Красиково I 2/1

Нож-кинжал в андроновском погребальном обряде
(по материалам погребальных памятников
Лисаковской округи)

Э. Р. Усманова

*Сарыаркинский археологический институт
Карагандинский гос. университет им. академика Е. А.
Букетова, Национальный историко-культурный и природный
заповедник-музей «Улытау», Караганда, emmadervish2004@mail.ru*

Ножи забирают людей, но не возвращают!
Цитата из игры

Нож – самое прочное, самое бессмертное,
самое гениальное из всего, созданного человеком.
Нож был гильотиной, нож — универсальный способ
разрешить все узлы, и по острию ножа
идет путь парадоксов –
единственно достойный бесстрашного ума путь...
Евгений Замятин. «Мы»

Нож в андроновском погребальном обряде могильников Лисаковской округи (Костанайская обл., Казахстан) встречается в разных позициях, которые демонстрируют семиотическую характеристику статуса захороненного. По форме клинка он относится к двухлезвийным. По морфологическим признакам подобные ножи с выемками могут определяться как кинжалы [1 с. 23]. Пока известно всего восемь погребений с так называемыми ножами-кинжалами, которые в археологической литературе чаще традиционно обозначаются как ножи. В данной статье используется общая дефиниция «андроновская общность», под которой понимается семья культур урало-казахстанских степей II— I тыс. до н. э.

Два ножа-кинжала (могильник Новоильиновский II, кург. 3 и 4) относятся к петровскому хронологическому горизонту. Их

© Усманова Э.Р., 2020

Работа выполнена в рамках грантового проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан АР05131853 «Древнейшие города Казахстана (исследование городских и культурно-хозяйственных центров эпохи бронзы)»

отличительная черта - ширина «перекрестья» равна длине выемки, широкая часть клинка составляет $\frac{2}{3}$ общей длины кинжала [1]. Другие шесть ножей относятся к алакульской культурной традиции (могильники Лисаковский I, кург. 1, 2 и 24; Лисаковский V, курган 1). Их ширина «перекрестья» в два раза меньше длины выемки, а относительная длина лезвия равна $\frac{1}{2}$ всей длины кинжала [1]. По своей количественной сути столь небольшая выборка ножей приходится на более чем сотню раскопанных погребений могильников Лисаковской округи. Однако и такое относительно маленькое количество ножей-кинжалов из погребений дает возможность увидеть некую закономерность в их знаковых позициях относительно пола и статуса погребенного:

– женское погребение без намеренного вмешательства, три случая - нож в районе головы, острием вниз по направлению к ней, центральная позиция погребального сооружения (могильники Лисаковский I, кург. 1 и 2; Лисаковский V, кург. 1);

– мужское погребение без намеренного вмешательства, три случая – нож в районе рук, острием вниз, центральная позиция погребального сооружения (Лисаковский I, кург. 1; Лисаковский V, кург. 1, Новоильиновский II, кург. 3);

– женское погребение, намеренное вмешательство, один случай - отдельно лежащий нож, острием вверх по отношению к западному направлению, центральная позиция погребального сооружения (Новоильиновский II, кург. 4);

– мужское погребение, намеренное вмешательство, один случай - отдельно лежащий нож, острием вниз, центральная позиция погребального сооружения (Лисаковский I, кург. 24);

–женское и мужское погребения без намеренного вмешательства, два случая – вместе в одном сооружении, центральная позиция погребального сооружения (Лисаковский I, кург. 1; Лисаковский V, кург. 1).

Петровская культурная погребальная традиция. Могильник Новоильиновский II. *Курган 3, ящик 1* (рис. 1). Здесь нож-кинжал в деревянных ножнах находился в районе кистей рук погребенного мужчины (по предварительному определению). Над ножом – костяное навершие. Следует отметить, что это пока единственное погребение взрослого индивида на погребальном поле данного могильника, куда не было совершено проникновение. При этом погребальная камера в виде ящика находилась в одном кургане с двумя ящиками, погребения в

которых были основательно разрушены. По всей видимости, захоронение мужчины не было тронуту по причинам основательного характера. Например, существовало табу на разрушение статусного погребения, которое, возможно, принадлежало представителю правящей группы (вождь?). На повышенный статус погребенного указывают и наверхшие, и нож-кинжал в деревянных ножнах, и центральная позиция сооружения на погребальном поле. *Курган 4* (рис. 2). Здесь погребение было совершено в грунтовой камере, которая была сделана сознательно большой по своей площади. Половина дна могилы принадлежала женскому захоронению, которое подверглось намеренному проникновению. В результате был вытасчен головной убор (несколько его декоративных деталей оказались заброшенными в угол ямы), а черепная коробка без нижней челюсти впоследствии была водворена на место головы. Костяк сохранился, как и сохранился погребальный инвентарь, расположенный вдоль восточной стенки (вязальный крючок, шило в футляре, терочник, пряслице). Вторая половина дна могилы была пустой. Скорее всего, что она была заранее приготовлена для другого умершего, который по каким-то причинам не был похоронен. Вместо него на пустующей половине, напротив тазовых костей погребенной женщины, лежал нож-кинжал и одна бронзовая скоба. Нож был направлен остриём вверх, по направлению к западу. Вероятно, нож играл роль заместителя умершего, по всей видимости, мужчины. И в этом контексте вторая половина погребения несет в себе ритуальный акцент кенотафа.

Из всех шестнадцати раскопанных погребений могильника Новоильиновский II нож-кинжал фиксируется в погребениях, где в разной степени сохранен погребальный инвентарь. В одном случае (курган 3) погребение не было разрушено, по всей видимости, из-за повышенного статуса умершего мужчины. В другом случае (курган 4) женское погребение оказалось частично разрушенным. Причиной проникновения, скорее всего, было изъятие головного убора. Я уже писала в одной из статей о том, что изъятие головных уборов с наконечниками украшениями было своеобразным продолжением погребального обряда. По отношению к некоторым захороненным женщин существовало обязательное ритуальное правило относительно изъятия головного убора [6 с. 70-78]. В данном погребении при отсутствии головного убора и нижней челюсти, другие вещи погребального инвентаря остались в целостности и сохранности, в том числе и нож.

Итак, судя по материальным свидетельствам из ранних погребений петровского облика Лисаковской округи, нож-кинжал был знаковым явлением мужского предметного мира.

Алакульская культурная погребальная традиция. Могильник Лисаковский I. Другое ритуально-знаковое звучание приобретает нож-кинжал в алакульских погребениях. Оно проявляется в несколько неожиданной ситуации в виде размещения ножа в женских погребениях. Если в захоронениях мужчин нож находится в районе рук погребенного, тем самым выявляя его практическое значение, то в женских захоронениях нож помещен в районе головы, демонстрируя другую значимость (рис. 3). При этом в двух случаях нож уложен острием вниз к макушке головы, имитируя воткнутое состояние (Лисаковский I, кург. 1; Лисаковский V, кург. 1). В последнем, третьем случае — нож рядом с головой, острием вниз (Лисаковский I, кург. 2). Здесь положение ножа в районе головы имеет отношение к женскому началу, символично закрепляя его таким оригинальным образом.

В алакульской погребальной ситуации имеет факт смещения знаковых акцентов относительно ножа. В мужских погребениях нож-кинжал отражает практическую функцию. Он находится около рук. Тем самым указывается способность уколоть, нанести ножом удар рукой. Символизация рабочего состояния ножа-кинжала. А в женских погребениях? Ни о какой символизации удара вх не может быть и речи. Смещение происходит в сторону магического восприятия. Рассматривая архетипические примеры из области этнографии, приходишь к широко распространенному знаковому содержанию — острие ножа-кинжала как оберег.

Нож – семиотический элемент. Нож, будучи предметом материальной культуры, потенциально мог использоваться как вещь и как знак. Предметы «при вхождении в некоторую семиотическую систему (например, ритуал, этикет)... осознаются знаками, при выпадении из системы — вещами» [2 с. 216]. Нож имеет разные знаковые вариации в культурном пространстве в диахронии. «Семиотический статус одной и той же вещи может существенно изменяться во времени, быть различным для разных этнических объединений и изменяться в зависимости от ситуации» [2 с. 217].

Символизм ножа в практической деятельности человека. Вещи, окружающие нас в быту, с давних пор несут определенный символизм, смысловую нагрузку и подтекст, подчас отличающийся у разных групп и меняющий со временем свое значение. Не служит исключением и

древнейший инструмент человека – нож. Его особенностью в современном мире является промежуточное положение – в массовом сознании он одновременно и инструмент, и оружие. В ритуальном тексте его символика очень разнообразна. И на первое место по своим знаковым требованиям в семиотическом облике выделяется нож как оберег «во все времена, у всех народов», в различных историко-культурных формациях, с древности до новейшего времени. При этом, со временем к его знаковости прибавлялись и новые элементы. В старых народных поверьях и обычаях нож предстает верным помощником и другом, который одновременно требовал к себе внимания и уважения. Он служил символом свободного и полноправного человека, а также оберегом от нечистой силы. В Казахстане собравшиеся на праздник *тосек той* («праздник постели») отметить начало беременности молодой женщины, кладут ей под подушку ножичек, чтобы младенец появился на свет полноценным, и здоровым и чтобы уберечь эту семью от порчи и завистливых глаз [4].

В замечательном исследовании А. Л. Топоркова, посвященном семиотическому содержанию и обрядовому значению домашней утвари в славянской ритуалистике, нож представлен в разных символических ипостасях. Его носили с собой, подкладывали под себя, под подушку или на дно колыбели для защиты некрещеного младенца, женщины в предродовой и послеродовой период, жениха и невесты во время свадебного обряда. Архаический характер имеет использование ножей в похоронной обрядности. В древнерусских захоронениях находят ножи и серпы: их втыкали в кострище или в урну, а при ингумации – в дно могилы, как оберег. Для защиты от ведьмы, волков, вихря, града втыкали нож в землю, стену или порог, проводили вокруг себя ножом магический круг, закрещивали ножом окна и двери [см. подробнее: 5].

У туркмен нож совмещал функцию боевого кинжала. Клинки некоторых туркменских ножей изготавливались из дамаскированной стали (*джоухер*). Нож-джоухер обладал магическими свойствами и считался оберегом. Он постоянно находился в доме, передавался от сына к отцу, его клали под подушку, чтобы отогнать плохие сновидения или снять головную боль [3 с. 56].

У народов Евразии есть много примет в повседневной жизни, связанных с ножом. У сибирских охотников до сих пор существует культ личного ножа. Его берегут, его боготворят, ему даже придумывают собственное имя. Отдать нож в чужие руки считается дурной приметой. У казахов не принято дарить симпатизируемому

человеку, а равно родственникам, сватам и союзникам огниво, нож, точило: из-за этого между сторонами начинает искриться недоверие, вспыхивает пожар конфликтов, завязывается «битва сорока ножей» (междоусобица) и скрытые враги науськивают брата на брата [4].

Нож активно участвовал и в различных ритуалах хозяйственного и жизненного цикла, религиозного содержания. Так, в Белоруссии он символизировал труд караванщиков, а в Черниговской губернии после извлечения теста нож втыкался в пустую *дежу* – в деревянную кадучку для приготовления хлеба. В традиционной культуре восточных и западных славян *дежа* – символ достатка и благополучия. У многих народов вручение ножа или кинжала молодому человеку, прошедшему обряд инициации, символизировало новый социальный статус – полноценного члена общины. При похоронах крымские татары клали на тело покойника нож, а во многих древних культурах отмечено и захоронение ножа вместе с его владельцем. И конечно нож в руках жреца – это фактор, движущая сила жертвенного обряда [4].

Таким образом, играя активную роль в жизни человека, нож сопровождал его с момента рождения до последнего вздоха, воспринимался как часть и материального и духовного мира.

Из личного опыта. Мне самой приходилось наблюдать как во время свадьбы моих друзей, под столешницу был воткнут нож, чтобы не сглазили новобрачных. И в нашей семье есть своя история, связанная с ножом. Бабушка ждала деда со Второй Мировой войны. Он долго не возвращался, так как был в плену на территории Германии. Она уже отчаивалась его дожидаться. И однажды во сне увидела нож и наутро сказала своей дочери (моей маме), что вернется ее отец. И вскорости пришла весть, что дед жив и возвращается после освобождения. Бабушка всегда говорила: нож во сне, что это «к мужчине».

Мистика ножа в андроновском культовой практике. Антропология культуры демонстрирует значение ножа в жизненном цикле человека. Знаковый статус ножа в андроновском погребальном ритуале имеет свой способ выражения. Пока на основании материальных свидетельств из погребений могильников Лисаковской округи можно предположить, что нож-кинжал символизировал следующие ситуации в жизни андроновского социума:

- нож оберегал погребенного индивида – погребения не потревожены, или потревожены лишь частично;
- нож отражал высокий жизненный статус умершего индивида;

- нож указывает на гендерное равенство мужчины и женщины в ряде ситуаций;
- нож в мужском погребении — это предмет практической деятельности;
- нож в женском погребении — это предмет охраны женской фертильности;
- нож маркирует статус значимых погребений умерших индивидов, расположенных в центре некрополя.

Это только некоторые предварительные выводы относительно символического значения ножа в андроновском погребальном обряде, который по некоторым своим морфологическим признакам может считаться ножом-кинжалом. Возможно, подобный нож-кинжал был исключительно культовым предметом в ритуальной практике андроновцев. Неизвестно, использовался ли он в повседневной жизни и в каких практических целях? Если использовался, то видимо, его профанная функция в мужском поведении была отличной от женского. При этом присутствие ножа в женской и мужской могиле указывает на относительное гендерное равенство в социальном положении представителей определенного статуса, которые предположительно относились к вождеству, к управленческой элите сообщества.

С появлением новых материальных свидетельств по андроновской ритуалистике будет открываться знаковое содержание и мистическая сущность ножа, за которым стоит собственная космологическая схема эпохи бронзы. Кто знает, может именно у андроновцев впервые появилась широко распространенная сегодня народная примета – находка ножа сулит удачу.

Литература

1. *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племён эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.
2. *Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология (Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVII, Л.: Наука, 1981. С. 215-226.
3. *Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р.* Холодное оружие туркмен // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа (Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XLIII). Л.: Наука, 1989. С. 49-60.

4. *Марьянко А.* Символизм ножа. Раздел книги Интернет-ресурс: <https://on-tattoo.ru/history/nozh-mistika-i-simvol/>. Дата обращения: 03.10.2019.

5. *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнографические традиции русского сельского населения XIX - XX вв. Вып. 2. М., 1990. С. 61-135.

6. *Усманова Э.Р.* Женщина эпохи бронзы: мать, жрица, ткачиха (по материалам андроновских погребений памятников Лисаковской округи) // Мужской и женский мир в отражении археологи / Отв. ред. Я.В. Рафикова. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы УФИЦ РАН, 2018. С. 70-78.

Рис. 1. Могильник Новоильиновский II. Курган 3, ящик 1. Погребение мужчины с ножом

Рис. 2. Могильник Новоильиновский II. Курган 4. Погребение женщины с ножом-«заместителем»

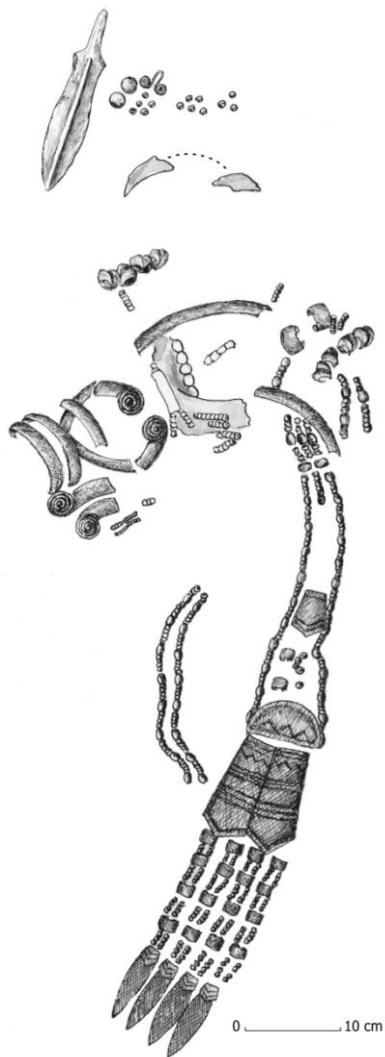

Рис. 3. Лисаковский I. Курган 1, погребение 1. Положение ножа относительно фрагментов черепа и украшений

Персинг у скотоводов бронзового века Восточной Европы

Л.С. Ильюков
*Южный научный центр РАН,
Ростов-на-Дону, Pjukov@ssc-ras.ru*

В переводе с английского piercing – это «прокол». В отверстиях, сделанном посредством прокола, носили украшения. Нередко проколы делали из религиозных или каких-то духовных соображений. Это были проколы края ушной раковины, носовой перегородки, гениталий и т.д.

Проколы носа широко практиковались у многих народов. Они известны на Востоке, в культуре Индии, где зафиксированы у богини Лакшми. У взрослых индийских женщин было распространено ношение украшений обычно в левой ноздре. В ночь, перед тем как выйти замуж, девушке делали прокол в ноздре, для закрепления в нем украшения. Проколы носа были распространены у берберов Африки, у аборигенов Австралии. В Азии они отмечены у племен Новой Гвинеи, которые использовали для украшений этого прокола косточку животного или перья птицы. Народы Америки - ацтеки, мая, инки в проколотые носовые отверстия вставляли кольца [6].

На Северном Кавказе обычай прокалывать носовую перегородку появился на заре бронзового века. Поначалу его применяли для украшения строптивых домашних животных – быков. Для этих целей в пробитое шилом отверстие в носовой перегородке вставляли бронзовый прут, концы которого отгибали в противоположные стороны. Долгое время функциональное назначение бронзовых колец оставалось проблематичным. Количество их увеличивалось [5 с. 86, рис. 83]. Только после открытия в могильнике Марьинская-5 двух бычьих черепов с двумя бронзовыми кольцами, расположенными перед носовой частью черепа, окончательно стало понятно, что оба кольца, у которых концы были разогнуты в противоположные стороны, являлись носовыми кольцами. Их окончания были продеты в отверстия, прорезанные в носовом хряще [4 рис. 35, 41]. Еще в одном погребении в могильнике Новосреднинском I оба бычьих черепа имели по одному

© Ильюков Л.С., 2020

Работа выполнена в рамках проекта (№ 0256-2019-0042) № гр.01201354248 «Изучение мужкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени»

носовому бронзовому кольцу. Прут каждого кольца был продет через носовой хрящ животного и согнут в кольцо, а его концы разогнуты [2 с. 25-26]. Носовые кольца, известные в памятниках майкопской культуры, использовались не только для управления быками, запряженными в повозки, но и для укрощения этих животных при их кастрации и переводе животных в разряд волов, более пригодных для домашних работ. Для хранения носовых колец использовались плоские деревянные футляры (венцы). На Ближнем Востоке изображения таких колец находим в руках богов, вырезанных на печатях [9 рис. 1]. Они являлись символами быка и одновременно знаками верховной власти. Предположение, что наличие в погребении пары носовых колец, является символическим обозначением повозки, запряженной парой тягловых животных, является вполне обоснованным. Даже в Майкопском кургане представлены две пары фигурок быков, одна из них имеет на лбу стилизованное изображение «носового кольца» [3].

В арсенале майкопско-новосвободненских украшений представлена выразительная серия миниатюрных колечек с сомкнутыми концами. Иногда колечко сопровождалось подвеской-бусиной, надетой на проволоку кольца. В могильнике Клады только в двух комплексах отмечены золотые кольца в полтора оборота [7 с. 62].

У скотоводов новотитаровской культуры были широко распространены подвески в 1,5 оборота, выполненные из серебра, реже из бронзы. Концы проволоки были скруглены и расплющены. По А.Н. Гею, этот тип украшений представлен 214 экземплярами. Их находят у височных и затылочных костей, что позволило А.Н. Гею предположить, что они вплетались в волосы, либо являлись украшением головного убора. Их истоки уходят в более раннее время, нежели новотитаровская культура, т.е. в новосвободненское время. По мнению А.Н. Гея, традиция изготовления височных колец складывалась до появления новотитаровской культуры [1 с. 161]. Следовательно, подвески в 1,5 оборота появляются в новосвободненское время, когда кольцо, с прижатыми к нему окончаниями, напоминает хорошо известное в новосвободненских памятниках колечки с почти сомкнутыми окончаниями [7 рис. 135, 3, 9]. Возможно, концы такой подвески могли быть раздвинуты в стороны. Они слабо напоминали носовые кольца животных. По-видимому, этот элемент культуры, распространенный у скотоводов новосвободненского круга, как деталь упряжи, был «привнесен» в костюм пастухов новотитаровского круга. Если в майкопско-новосвободненский период животному прокалывали

ноздрю, и в полученное отверстие вставляли носовое кольцо, то теперь ситуация изменилась. По-видимому, человек «перевоплощается» в тягловых животных – быков или волов. Вероятно, пастух уподоблял себя этим животным. И подобно им он носил носовое кольцо, которое у тягловых животных вдевали в прокол в носовой перегородке. А у людей носовое кольцо становится меньших размеров, не превышает в диаметре 2 см. Его тоже носили на лице, используя прокол, который делали, по-видимому, в носовой перегородке. Форма этих украшений оставалась круглой или овальной. Их выполняли из серебряной, бронзовой и реже золотой проволоки. Эти кольца подвешивали к налобной ленте, либо вставляли в проколы в мочках ушей. В эпоху ранней бронзы мода на них получила широкое распространение. И теперь височными подвесками стали украшать оба виска. В памятниках новотитаровской культуры эти украшения найдены в 100 погребениях. В одной половине этой выборки погребенные имели одно височное кольцо, в другой половине выборки – два кольца. И только в девяти погребениях обнаружено от 6 до 10 колец [1 с. 159]. Нередко концы проволоки были расплющены и скруглены. Этот тип украшений получает широкое распространение в восточнокатакомбных памятниках катакомбной культуры. По-видимому, скотоводы раннего бронзового века, видоизменяя носовые бычьи кольца, стали использовать их в своем costume. Это привело к исчезновению носовых колец в упряжи быков. Однако носовой хрящ быка продолжали прокалывать и протягивать через отверстие ремень, на конце которого находился узел, деревянная или костяная пуговица. В результате получался недоуздок, который использовали при управлении животным, запряженным в повозку. Подобные недоуздки известны в памятниках катакомбной культуры [8]. Прокол в носовой перегородке животного был обязательным при устройстве бычьей узды. Он сохранился вплоть до наших дней [8 с. 268].

Литература

1. Гей А.Н. Новотитаровская культура. М.: ТОО «Старый сад», 2000. 224 с.
2. Гудименко И.В. От Азова до Моздока. Краткие итоги археологических исследований на объектах ПАО «ФСК КЭС» в 2017 – 2018 гг. Ростов-на-Дону: ЗАО «ОКН – проект», 2019. 134 с.

3. *Ильюков Л.С.* Древнейшая форма упряжи по материалам Северного Кавказа (в печати).

4. *Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинская – 5 // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* 2013. Вып. XI. М. С. 71-108.

5. *Корневский С.Н.* Древнейший металл Предкавказья. Типология, историко-культурный аспект. М.: ИА РАН, ТАУС, 2011. 336 с.

6. Персинг носа // <http://wiki-org.ru> (обращение 15.10.2019).

7. *Резенкин А.Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор – История, 2012. 344 с.

8. Рогудеев В.В. Бычья упряжь и проблема колесничества в южнорусских степях // *Revista Arheologica. S.n.* 2012. Vol. VII Ns. 1-2. Chişinău. P. 266-274.

9. *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // *Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР.* 1987. Вып. 192. М. С. 18-24.

Золото в погребениях кочевников раннего железного века: к пересмотру концепций

А.В. Вертиенко

Институт востоковедения НАНУ, Киев, vertana77@gmail.com

Скифологи неоднократно обращались к значению *золота* в мировосприятии номадов, его роли и семантики в погребальном обряде и предполагаемом божественном воплощении, что стояло за этим материалом [5-7; 13; 16-17; 21]. В основном, исследователи видят в этом металле соляную семантику, воплощение иранского концепта 'благодати' / *хварна* (ав. *x^varənah-*), а также связь с образом бога Митры, которого, якобы, воплощали похороненные в богато украшенном золотом наряде представители кочевой элиты. Первые два пункта не вызывают возражений. По иранским представлениям *хварн* даже после смерти обладателя оставался в его захоронении, гарантируя безопасность и стабильность социального организма обществ с хорошо развитым заупокойным культом. Соответственно, грандиозные погребальные комплексы элиты приобретали особое сакральное значение, которое, помимо прочего, обеспечивалось и наличием в них большого количества золотого погребального инвентаря и украшений, которые ассоциировались с концептом *хварна* правителей. Жизнеспособность этого представления у иранцев показывает, например, история, которую рассказывают армянские авторы V в. н. э. Фавстос Бузанд (*История Армении*, V, 24) и Моисей Хоренский (*История Армении*, III, 27), согласно которой иранский полководец после удачного набега на Армению приказал разрыть могилы царей рода Аршакунов (Аршакидов) и забрать их кости в Иран. Эти действия были объяснены иранскими воинами требованиями религии «чтобы слава царей и счастье и храбрость этой страны вместе с останками царей перешли в нашу страну», причем показательно, что царская «слава» передана в этом повествовании как *p^car^c*, что соответствует ср.-перс. *farr-* [17 с. 38; 43 с. 57-58]. Аналогичное представление об особом сакральном статусе царских захоронений предков отражено в известном по описанию Геродота ответе скифского правителя Иданфирса персидскому царю Дарию относительно отчих могил (*Herod.*, IV, 127).

Отметим, что в Авесте значительное число случаев употребления *xvarno*, приходится на *Yum* 15 и связано с божеством Вайу: *xvarənaṅhaca* – ‘благодать’ (*Yum* 15, 5, 21, 24, 57); *xvarənaṅhastəma* – ‘самый благодатный’ (*Yum* 15, 16); *xvarənaṅhuiaṅt* – ‘владеющий благодатью’ (*Yum* 15, 42); *viṅdixvarənə (nəma ahmi)* – ‘Тот, кто приобретает благодать’ (имя мое) (*Yum* 15, 45) [37 р. 74, 78 (9), 111 (IV)]; *xvarənā (nəma ahmi)* – ‘благодатный’ (имя мое) (*Yum* 15, 48) [37 р. 75, 85 (41), 111 (IV)]; *aibi.xvarənā^o (nəma ahmi)* – ‘всеблагодатный’ (имя мое) (*Yum* 15, 48) [37 р. 75, 85 (42), 111 (IV)]. Если связь Вайу с *xvarno* прослеживается, то имеет ли это божество какое-либо отношение к золоту? Лексико-статистический анализ Авесты показал, что максимальное количество употребления лексемы *zaraniia*- «золото» [23 Kol. 1678; 2 с. 303–304; 24 р. 268–270] демонстрирует только *Yum* 15, где она встречается **сорок** раз, тогда как в других текстах Авесты – от одного до девяти случаев употребления [28 р. 300–301]. Такая, выбивающаяся из общего числа, частота употребления вынуждает более подробно остановиться на содержании *Yum* 15. Этот текст посвящен божеству Вайу, который воплощает природный феномен – воздух и атмосферу [30]. Вайу также является покровителем воинов [44; 46; 47 р. 322, 333; 37 р. 110 (II); 40 р. 141, 142, 144; 42 р. 132; 34] и бога смерти [1 с. 111–115; 2 с. 69–70; 3 с. 105–106; 20 с. 171–172]. Описание Вайу, как божества смерти и северного ветра представлено в произведении *Aogəmandāēčā* [44 р. 96ff; 31]. Показательно, что даже Йима обращается к Вайу с просьбой о бессмертии (*Yum* 15, 15–16), а незамужние женщины просят его помочь найти мужа и родить ребенка (*Yum* 15, 39–40). Это указывает, что Вайу имеет власть над жизнью (рождением) и смертью, то есть определенным образом управляет времени [46 р. 149–150; 42 р. 132], что придает ему дополнительную темпоральную контаминацию. В современных зороастрийских ритуалах *Yum* 15 используется при свадебном обряде [25 р. 238–239; 40 р. 141], который, как известно, семантически близок к погребальному [8 с. 64–99; 15 с. 184–188].

Несмотря на наличие ряда переводов на европейские языки [27 р. 519–527; 26 р. 249–264; 45 р. 267–274; 33 р. 150–154; 44 р. 1–12; 34 р. 98–102; 32 р. 545–557], отсутствие переводов *Yum* 15 на славянские языки определяет актуальность исследования этого текста. В данном случае мы не ставим целью перевод и анализ всего текста *Yum* 15, но сосредоточим внимание на строфе 57, поскольку именно здесь концентрируется наибольшее количество употреблений лексемы

«золото» и этот фрагмент содержит яркое описание Вайу. Для перевода *Яута* 15, 57 мы использовали бомбейскую рукопись В7 (Bombay University Library, Mumbai, 1813). Этот номер рукописи присвоил М. А. Андрес-Толедо в 2010 г. для базы данных *Avestan Digital Archive*. Рукопись В7 им была разделена на две условные части, где часть с *Яутом* 13 получила кодификацию В7, а с *Яутом* 15 – В7а. Исследователь предположил, что сочетание этих *Яутов* в одной рукописи не было случайным и могло иметь отношение к погребальным церемониям [22 p. 37].

Яум 15, 57

(В7а, fol. 13v-14r, по *Avestan Digital Archive*)

Транслитерация

fol. 13v-14r [...] vaiiō. uruuā. yazō vaiiō. taxma. yazō vaem. aruuaranam. aruuō.təməm. yazō vaem. taxmanam. taxmō.təməm. yazō vaem. zaraniīō.хаодэм. yazō vaem. zaraniīō.pušəm. Yōazō vaem. zaraniīō.minəm. yazō vaem. zaraniīō.vāšəm. yazō vaem. zaraniīō.ciixrəmyazō vaem. zaraniīō.zəmyazō vaem. zaraniīō.vastrəm. yazō vaem. zaraniīō.aōθrəm. yazō vaem. zaraniīō.aβīiāñh^{an}əm. yazō [...]

Перевод

Вайу стремительного чтим, Вайу отважного чтим, Вайу среди стремительных самого стремительного чтим, Вайу среди отважных самого отважного чтим, Вайу злато-шапочного чтим, Вайу злато-коронного чтим, Вайу злато-гривневого чтим, Вайу злато-колесничного чтим, Вайу злато-колёсного чтим, Вайу злато-вооружённого чтим, Вайу злато-одетого чтим, Вайу злато-обутого чтим, Вайу злато-опоясанного чтим [...]

Комментарии (см. развернуто [12 с. 67–70])

Прилагательное *auruuā-* (в рукописи оно выписано с пропуском первой буквы) мы понимаем как «стремительный» (другие варианты перевода: ‘rapide’ [27 p. 527; 32 p. 556], ‘great’ [26 p. 262], ‘schnell; tapfer’ [23 p. Kol. 200], ‘schneller’ [45 p. 274], ‘schnellen’ [33 p. 154; 44 p. 12], ‘swift’ [34 p. 102]). Это слово является одним из имен-эпитетов Вайу по 46 строфе *Яута* 15 [37 p. 78]. Прилагательное *auruuā-* употребляется еще в трех *Яутах* (5, 54, 57; 10, 14; 19, 72) [23 Kol. 200]. Глагол *yazamaide* «чтим» [23 Kol. 1274–1279] имеет в рукописи сокращенную форму *yazō*. Для стемы *taxma-* Хр. Бартоломе было предложено значительное количество вариантов перевода: ‘fortis, tapfer, tüchtig, energisch, heldenhaf’ [23 Kol. 626–627] (другие варианты перевода: ‘fort’ [27 p. 527], ‘strong’ [26 p. 262], ‘tapferer’ [45 p. 274], ‘starken’ [33 p. 154;

44 р. 12], ‘fleet’ [34 р. 102], ‘brave’ [32 р. 556]). Как и предыдущее прилагательное, оно является эпитетом Вайу [37 р. 78]. Мы уже обращались к этой лексеме при переводе *Яуты* 14, 15, который посвящен богу войны и победы Веретрагне, где этим прилагательным охарактеризовано пятое его воплощение – *Вепрь* [9 с. 37, 45 прим. 82]. Прилагательные «самый стремительный» *auruuḍ.tama-* и «самый отважный» *taxmḍ.tama-* также входят в список имен-эпитетов божества Вайу по *Яуты* 15, 46 [37 р. 78].

Этимологически слово *хаода-* выводят от др.-иран. **(s)kaud-*, индоев. **(s)keudh-* ‘to cover’ [34 р. 272]. Хр. Бартоломе для этого слова приводит следующие переводы: ‘Hut, Kappe; Helm’ [23 Kol. 531]. С. Викандер предлагает понимать под ним головной убор – ‘Kopfschmuck’ не находя веских оснований переводить это слово как «шлем» [44 р. 12]. Кроме уже указанного общего определения *головной убор* ученый приводит и другие возможные варианты толкования: «диадема», «головная повязка» [44 р. 95]. Термин *хаода-* также выступает компаундом в прилагательном *urvi.хаода-* в *Яуте* 9, 30, где это слово переводят как «остроконечная шапка» [23 Kol. 1546], которая принадлежит Виштаспе. С. Викандер сопоставляет его с этнонимом *Sakā tigraḥaudā* – «саки в остроконечных шапках» в Бехистунской надписи Дария I [44 р. 198-199]. Таким образом, в *Яуте* 15, 57 идет речь о *золотом* головном уборе. В европейских переводах авестийские двусложные прилагательные передаются через прилагательное и существительное (варианты перевода: ‘casque d’or’ [27 р. 527; 32 р. 557], ‘the golden helm’ [26 р. 262], ‘mit goldenem Helm (bedeckt)’ [23 Kol. 1678; 45 р. 274; 33 р. 154], ‘helmet is golden’ [34 р. 102], ‘goldenen Kopfschmuck’ [44 р. 12]). Нормы русского языка позволяют перевести компаундное прилагательное *zaraniīḍ.хаода-* одним словом – «златошапочный». В литературе можно встретить ошибочное утверждение, что Митра по *Яуты* 13, 45 носит шлем [6 с. 125; 160, прим. 40], однако, во-первых, в этом фрагменте идет речь о шлемах божеств-хранителей или духов (воинов) – *фраваши*, а не Митры [10 с. 110; 114, прим. 2]. Во-вторых, в *aiiḍ.хаода*^о дано уточнение материала: *aiiah-*, которое обычно переводят как «железо, металл», а иногда как «бронза» [11 с. 108-116].

Если *zaraniīḍ.хаода-* является *hapaḥ* в корпусе Авесты и характеризует только Вайу, то компаундное прилагательное *zaraniīḍ.puṣā-* употребляется еще в *Яуте* 19, 41, где для него И. М. Стеблин-Каменский предложил перевод «златой венец» (Хитаспы) [19 с. 160; 4 с. 387]. Похожий, но более изысканный головной убор имеет

Ардви Сура по *Яуму* 5, 128, где соответствующий предмет и материал выражены не двухкомпонентным прилагательным, а существительным и прилагательным: *pusqm ... zaranaēnim* – «диадему ... златую» [19 с.50; 4 с. 197-198]. Мы понимаем *zaraniīō.pusā-* в *Яуме* 15, 57 как «злато-коронный» (ср.: ‘the golden crown’ [26 p. 262], ‘goldener Krone’ [33 p. 154]. Варианты перевода: ‘bandeau d’or’ [27 p. 527], ‘goldenem Diadem’ [23 Kol. 1679; 45 p. 274; 44 p. 12], ‘diadème d’or’ [32 p. 557]). Прилагательное *zaraniīō.minəm* (*hapaх*) переведено как «злато-гривневый», то есть «с золотой гривной (нашейное украшение)» (предлагались и другие варианты: ‘collier d’or’ [27 p. 527; 32 p. 557], ‘the golden necklace’ [26 p. 262], ‘goldenen Halsschmuck’ [23 Kol. 1679; 45 p. 274; 44 p. 12], ‘goldener Halskette’ [33 p. 154], ‘cape (?) is golden’ [34 p. 102]).

Существительное *vāša-* «колесница» [23 Kol. 1418 (‘Wagen’)], вероятно, происходит от глагола *vaz-* ‘двигаться’ [23 Kol. 1386–1389 (‘fahren’)]. Это вид транспорта как Митры (*Яум* 10, 52, 68, 124, 136, 143), так и других божеств. Мы переводим *zaraniīō.vāšəm* (*hapaх*) как «злато-колесничий», а прилагательное *zaraniīō.caxrəm* (*hapaх*) – как «злато-колёсный». Иная ситуация складывается с колесницей Митры, у которой «одно колесо золотое» – *āišua saxra zaranaēna* (*Яум* 10, 136) [29 p. 140-143; 281–282 (1361)], в чем просматривается солярная импликация.

Прилагательное *zaraniīō.zaiia-* (*hapaх*) «злато-вооружённый» указывает, что божество Вайу имеет золотое оружие, но не конкретизируется какое именно [34 p. 286-287]. Только косвенно, основываясь на списке имен-эпитетов божества по *Яуму* 15, 48 можно утверждать, что Вайу имеет отношение к такому виду оружия, как копье, поскольку четыре его имени связаны с ним. Оружие, декорированное золотом, но не золотое, имеет Митра (‘золочёная булава’ – *Яум* 10, 96, 132, и ‘стрелы златоустые’ – *Яум* 10, 129) и Веретрагна в инкарнации *Воина* (‘золото-украшенный кинжал’ – *Яум* 14, 27).

Мы толкуем *zaraniīō.vastra-* как «злато-одетый» (ср.: [23 Kol. 1679] (Adj. ‘mit goldenem Gewand bekleidet’); [27 p. 527] (‘roue d’or’); [26 p. 262] (‘the golden garment’); [45 p. 274] (‘goldenem Wagenrädern’); [33 p. 154] (‘goldener Rad’); [44 p. 12] (‘goldenem Gewand’); [34 p. 102] (‘clothes are golden’); [32 p. 557] (‘vêtements d’or’)). Золотой наряд и оснащение Вайу С. Викандер сравнивает с похожим оснащением у ведических божеств ветра Марут (золотое оружие, доспехи, золотые колесницы и

т.д.) [44 p. 34]. Что касается других божеств, которые имели золотое убранство, то у Митры в *Яуте* 10, 112 золотыми названы предположительно его доспехи – *zaraniīō vārəθmanəm* [19 с. 105; 4 с. 300]. (Варианты переводов: ‘cuirass’ [26 p. 148], ‘Wehr, Brustwehr’ [23 Kol. 1412], ‘Brustwehr’ [45 p. 216], ‘щит’ [18 с. 323], ‘armour’ [29 p. 129], ‘армог (?)’ [34 p. 72], ‘cuirasse’ [38 p. 147; 32 p. 451]). Прилагательное *zaraniīō.aōθrəm*, которое переводится как «злато-обутый» [23 Kol. 1678] (Adj. ‘mit goldenem Schuhwerk angetan’). Среди божеств золотую обувь также имеет Ардвиг Сура по *Яуте* 5, 78 [44 p. 30-31]. Прилагательное *zaraniīō.aiβiiāñhanəm* (*hapaχ*) понимается нами как «злато-опоясанный». Под словом *aiβiiāñhan* вряд ли следует понимать боевой пояс, название которого известно по *Видевдату* 14, 9 (*zaēnu, kamarā*). Возможно *aiβiiāñhan* (ср.: *Ясна* 9, 26; *Яут* 1, 17) – это пояс *кусти* (пехл. *kustīg-*), который сплетен из 72-х нитей (по количеству глав *Ясны*) и является неотъемлемым атрибутом зороастрийца [4 p. 150, прим 3; 25].

Дискуссия. Фигура рассмотренного «золотого» бога Вайу приводит нас к необходимости вернуться к интерпретации семантики «золотых людей» из захоронений ираноязычных кочевников Евразии, среди которых, пожалуй, самым известным является женщина-воительница (по определению антрополога Е.П. Китова) из кургана Иссык [41 S. 175 (cat. 467)]. Проведенный анализ образа Вайу по *Яуте* 15, 57 показывает, что это божество, как никакое другое в иранском пантеоне, оснащено золотыми вещами, одеждой и оружием. Следует также подчеркнуть, что чествование и жертвоприношения этому богу обязательно осуществляются в окружении золотого антуража (*Яут* 15, 2, 7, 11, 15, 19, 23, 27, 31, 35, 39). Приведенные наблюдения, на наш взгляд, ставят под сомнение распространенное в скифологии представление об ассоциации «золотых людей» с «солярным» Митрой и кругом митраистических представлений, якобы присущих обществу ранних кочевников Евразии. Индоиранский бог Вайу, который отвечает за сферу смерти, является покровителем воинов, связан с концептом *хварна* и имеет наиболее мощную ассоциацию с *золотом* в корпусе Авесты, выпал из поля зрения исследователей при интерпретации богатых захоронений скифов и саков. Наличие культа Вайу в среде ираноязычных номадов Евразии является дискуссионным [39 p. 158], что равным образом справедливо и по отношению к культу Митры. Но при этом, мы хотим отметить определенное сходство иконографии Вайу (*Оадо / Оеџо*) на кушанских монетах [39 p. 333, fig. 145] (рис. 1) с изображением головы, вероятно, божества на перстне из кургана Иссык

(рис. 2) и образом юноши в позе т. н. «коленипреклоненного бега» на скифских золотых бляшках из ряда курганов V–IV вв. до н. э. (рис. 3). Таким образом, несмотря на существующий скепсис, мы считаем перспективным пересмотр интерпретации образа «золотых людей» элитных захоронений скифо-сакского мира, как и ряда изобразительных сюжетов эллино-скифской торевтики, через призму иранских представлений о Вайу.

Литература

1. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.
2. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. М.: Наука, 1989.
3. *Абаев В.И.* Дохристианская религия алан // Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 102–114.
4. Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост. И. В. Рака. СПб.: Журнал «Нева»; РКХГИ, 1997.
5. *Акишев А.К.* Костюм «золотого человека» и проблема катафрактрия // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Под ред. Ю.С. Худякова. Новосибирск: Наука, 1981. С. 54–64.
6. *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
7. *Акишев К.А., Акишев А.К.* К интерпретации символики иссыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма / Под ред. М.А. Итиной. М.: Наука, 1981. С. 144–153.
8. *Байбурын А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд / Под ред. Вяч. Вс. Иванова. М: Наука, 1990. С. 64–99.
9. *Вертієнко Г.В.* Священні втілення Веретрагни в Яшті 14 // *Polyrphonia Orientis: мова, література, історія, релігія. До ювілею В.С. Рибалкіна* // Под ред. О.В. Бубенок. Київ: Інститут сходознавства НАН України, 2013. С. 33–51.
10. *Вертієнко Г.В.* Зброя духів Потойбіччя в Яшті 13, 45–46. Східний світ. 2015. № 2. С. 110–116.
11. *Вертієнко Г.В.* До питання про метал в Авесті. Стародавнє Причорномор'я. 2018. Вип. XII. Одеса. С. 108–116.

12. *Вертієнко Г.В.* Золото в Яштах: до семантики образу Вайу. Східний світ. 2019. № 2. С. 63–80.

13. *Гуляев В.И.* Золото в погребальном искусстве скифов и их восточных соседей // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. В.Д. Кубарев. М.: Таус, 2010. С. 107–128.

14. *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. I–II. СПб.: Коло, 2010.

15. *Крюкова В.Ю.* Таджикский свадебный обряд как воспроизведение древнейшего индоиранского мифа и ритуала // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2007. С. 184–188.

16. *Лелеков Л.А.* О символизме погребальных облачений (“золотые люди” скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / Под ред. А.И. Мартынова, В.И. Молодина. Новосибирск: Наука, 1987. С. 25–31.

17. *Литвинский Б.А.* «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 34–44.

18. *Соколова В.С.* Авеста. Опыт морфологической транскрипции. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 544 с.

19. *Стеблин-Каменский И.М.* (пер.). Авеста. Избранные гимны из «Ведивдата». М.: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясави, 1992.

20. *Стеблин-Каменский И.М.* (пер. и ком.). Гаты Заратуштры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 192 с.

21. *Чугунов К.В.* Цари и боги Азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2) // Археология і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 25–34.

22. *Andrés-Toledo M.Á.* Ceremonies in the Xorde Avesta Manuscripts: the Drōn Frawardīn Yašt // Estudios Iranios y Turanios. atçit̄ bā nēmō haomāi Homenaje a Éric Pirart en su 65° aniversario / Ed. A. Cantera A., J. Ferrer-Losilla. Girona, 2015. P. 29–42.

23. *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: K.J. Trübner, 1904. 2000 S.

24. *Blažek V.* Indo-European «Gold» in Time and Space // Journal of Indo-European Studies. 2017. Vol. 45, Ns. 3-4. P. 267–311.

25. *Choksy J.K., Kotwal E.M.* Praise and Piety: Niyayisns and Yasts in the history of Zoroastrian praxis // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2005. Vol. 68. P. 215–252.

26. *Darmesteter J.* The Zend-Avesta. Part II: The Sîrôzahs, Yasts, and Nyâyis. Oxford: Clarendon Press, 1883. 384 p.
27. *d'Harlez C.* Avesta. Livre Secr  du Zoroastrisme (Biblioth que Orientale. T. V). Paris: Maisonneuve & Cie, Libraires- diteurs, 1881.
28. *Doctor R.* The Avest : A Lexico-Statistical Analysis (Direct and Reverse Indexes, Hapax Legomena and Frequency Counts) (Acta Iranica. T. 41). Leuven: Peeters, 2004. 115 p.
29. *Gershevitch I.* The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. 356 p.
30. *Hintze A.* «Yašt». Encyclop dia Iranica. Online edition. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/yashts> (дата обращения: 11.09.2019).
31. *Jamaspasa K.M.* Aog manda c : A Zoroastrian Liturgy. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 1982.
32. *Lecoq P.* Les livres de l'Avesta. Les textes sacr s des Zoroastriens. Paris:  ditions du Cerf, 2016. 1366 p.
33. *Lommel H.* Die Y st's des Awesta,  bersetzt und Eingelitet. G ttingen; Leipzig: Vandenhoeck & Ruprecht, 1927.
34. *Malandra W.W.* A glossary of terms for weapons and armor in Old Iranian // Indo-Iranian Journal. 1973. Vol. 15. No. 4. P. 264–288.
35. *Malandra W.W.* An Introduction to Ancient Iranian Religion. Readings from the Avesta and Achaemenid Inscriptions. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983. 209 p.
36. *Malandra W.W.* «V yu». Encyclop dia Iranica, online edition, 2014. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/vayu> (дата обращения: 11.09.2019).
37. *Panaino A.* The Lisits of Names of Ahura Mazd  (Yašt I) and Vayu (Yašt XV). Roma: Is.I.A.O, 2002.
38. *Pirart  .* Guerriers d'Iran. Traductions annot es des textes avestiques du culte zoroastrien rendu aux dieux Tistriya, Mi ra et Vr ragna. Paris: l'Harmattan, 2006. 202 p.
39. *Shenkar M.* Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography of Deities in the Pre-Islamic Iranian World (Magical and Religious Literature of Late Antiquity. Vol. 4). Leiden; Boston: Brill, 2014.
40. *Stewart S.* Worship according to the Yašt // Iran. 2007. Vol. 45. P. 137–151.
41. *St llner T., Samasev Z.* (eds.) Unbekanntes Kasachstan: Arch ologie im Herzen Asiens; Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bd. I–II. Bochum: Dt. Bergbau-Museum. 2013.

42. *Vevaina Y.S.-D.* «Enumerating the Dēn»: Textual Taxonomies, Cosmological Deixis, and Numerological Speculations in Zoroastrianism // *History of Religions*. 2010. Vol. 50. No. 2. P. 111–143.

43. *Widengren G.* Stand und Aufgaben der Iranischen Religionsgeschichte *Numen*. 1954. Vol. I. Fasc. 1. S. 16–83.

44. *Wikander S.* *Vayu*. Texte und Untersuchungen zur Indo-Iranischen Religionsgeschichte. T. I. Uppsala; Leipzig: Lundenquitska Bokhandeln and Harrassowitz, 1941. 168 p.

45. *Wolff Fr.* *Avesta*. Die Heiligen Bücher der Parsen. Strassburg: Trübner, 1910. 460 S.

46. *Zaehner R.C.* *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1961. 371 p.

47. *Zaehner R.C.* *Zurvan. A Zoroastrian Dilemma*. New York: Biblio and Tannen, 1972. 496 p.

Рис. 1. Кушанская монета с изображением бога ОАДО (Вайу), Канишка I, 128–150 гг., London BM1894,0506.1423; © Trustees of British Museum

Рис. 2. Золотой перстень из кургана Иссык (Казахстан), IV–III вв. до н. э. (по [Stöllner, Samasev 2013: 175 (cat. 467)])

Рис. 3. Скифская золотая бляшка с изображением юноши в позе т. н. “коленипреклонного бега”, Куль-Оба, IV в. до н. э.(по [Дюбрюкс 2010: II, 123, рис. 306])

Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы

М.Е. Килуновская

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия, kilunmar@mail.ru*

Я.В. Фролов

*Музей археологии и этнографии Алтая при Алтайском
государственном университете, г. Барнаул, Россия, frolov_jar@mail.ru*

Пояс является очень важным атрибутом культуры древних кочевников. О его символическом значении писали многие исследователи [3; 19; 25 и др.]. В зороастрийских обрядах пояс-kusti являлся показателем ритуальной чистоты, что соответствует его значению в Авесте [12 с. 3-13]. Главным в его предназначении, кроме прагматических целей, были апотропеические свойства и функции оберега; он также всегда служил указателем общественного ранга. Для этого использовали различные украшения в виде бляшек, пряжек, подвесок и т.д., которые в скифо-сибирском мире украшались изображениями животных или их репрезентативных частей – клювов или головок орлов или грифонов, головок оленей и верблюдов, копыт и т.д. В кочевых сообществах скифского времени пояс, безусловно, был воинским атрибутом. Ярким воплощением важного символического значения пояса является его изображение на оленных камнях – монументах предскифского и раннескифского времени, распространенных по всей степной полосе Евразии. В основе оленного камня лежит идея божественного «Первопредка» - героизированного воина, носителя «непреходящей славы». Трехчленное деление оленного камня отражает представление о космосе: верхний мир маркируется тремя косыми линиями и кругами-серьгами и отделяется от среднего «ожерельем» или гривной/пекторалью; в среднем мире обитают звери – олени, козлы, архары, а также хищники, стилизованные изображения

© Килуновская М.Е., Фролов Я.В., 2020

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: № 0184-2019-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н. э. – I тысячелетие до н. э.)»

которых представлены в средней зоне камня; она подчеркивается линией-поясом, к которому пририсовывается оружие, уводящее нас в нижний мир [6 с. 130-145].

Главным для кочевника была способность правильно обращаться с поясом, правильно опоясываться. Об этом пишет Геродот приводя миф о Геракле, который оставил своим сыновьям лук, который нужно натянуть, и пояс, который нужно одеть [1 IV, 9, 10]. В основном «украшенные» пояса находятся в мужских погребениях вместе с оружием, хотя есть исключения и для женщин, так называемых воительниц, которые также погребались с оружием [23 с. 27]. Благодаря этим символическим свойствам в поясной фурнитуре и конструкции пояса четко отражаются те культурно-исторические процессы, которые происходят в обществе кочевников, он является своего рода очень ярким хронологическим индикатором. Начиная со раннескифского времени (с VIII до н.э.) и вплоть до позднего средневековья широкое распространение получили наборные пояса, в которых на кожаную основу надевались различные металлические и костяные украшения и к ней подвешивались необходимые предметы и оружие [3]. Однако конструкция пояса, способ его застегивание, одевания периодически видоизменялся. Возможно, это было связано с изменением одежды, с модой, распространявшейся в ходе интенсивных контактов, характерных для кочевого мира.

Во второй половине VI в. до н.э. в Саяно-Алтайском регионе происходит формирование новых культурных традиций и на смену археологическим культурам раннескифского времени приходят культуры скифо-сакского облика: в Горном Алтае формируется раннепазырыкская культура, сменившая бийкенскую [14 с. 271-290]; в лесостепном Алтае в Барнаульском Приобье на смену большереченской приходит староалейская, а затем каменная [16 с. 167-174, 181-182]; в Туве алды-бельская культура сменяется уюкско-саглынской и т.д. Смена не была такой четкой и резкой, так например в ранних уюкско-саглыньских памятниках прослеживаются алды-бельские традиции и, наоборот, в поздних алды-бельских захоронениях мы наблюдаем влияние «пришельцев». Эталонным памятником раннего этапа уюкско-саглыньской культуры является могильник Догээ-Баары 2, исследованный и опубликованный К.В.Чугуновым [21 с. 123-144]. В процессе наших раскопок по трассе проектируемой железной дороги Кызыл-Курагино в 2012-2016 гг. было исследовано более сотни погребальных памятников скифского времени [4 с. 123-190]. Особенно

интересны памятники в долине р. Ээрбек в Центральной Туве. С Догээ-Баары здесь соотносятся могильник Саускен 7 и некоторые курганы на могильнике Саускен 3. Это захоронения в трех-пятивенцовых срубках, поставленных в глубокие ямы и перекрытых бревнами. Но под каменной насыпью есть еще сопроводительные детские погребения в ямах и колодах, а в могилах нет керамики. К позднему этапу алды-беской культуры можно отнести погребальные комплексы могильников Эки-Оттуг 1 и 2, которые представляют удлиненные каменные наброски, перекрывающие примыкающие друг к другу в широтном направлении отдельные коллективные захоронения (от двух до шести человек) в глубоких могильных ямах и сопровождающие их погребения (в основном детские) в небольших ямах, каменных ящиках и колодах. На дне глубоких ямах прослеживаются деревянные рамы из уложенных по периметру в один-два бревен, дно выложено тонкими досками. В нескольких случаях прослежено перекрытие из тонких бревен или досок, положенных параллельно полу. В этих курганах Эки-Оттуга представлены и другие компоненты, составляющие алды-бельскую культуру – «клады» конского снаряжения, оленьи камни, пекторали, серьги с конической подвеской и др.

В «переходных» памятниках с середины VI в. до н.э. появляется новый тип поясов, который отличается конструкцией и фурнитурой (он существует и в IV в. до н.э.). На смену цельным или раздвоенным поясам раннескифского времени (иногда они состоят из 3-5 параллельных ремешков), на которые надевались бронзовые обоймы, приходит пояс с использованием срединных ремешков, на который крепились украшения [23 с. 27-40]. Самыми распространенными из украшений таких поясов были «бабочковидные» бляшки-обоймы, различающиеся в незначительных деталях и по втулкам и петлям для протаскивания ремешков, что свидетельствует о том, что они отливались в разных формах (рис. 1). Такие бляхи называют также «бантообразными» [15 с. 88]. Ареал их распространения достаточно широк: от Верхнего Приобья до Ордоса [9 с. 19-20, рис. 23-26]. При раскопках могильника Холаш в Монгун-Тайге такая бляшка была найдена *in-situ*, притороченной к кожаному поясу. Керамические сосуды саглынской культуры, поставленные в погребение в каменном ящике, позволяют датировать его не ранее IV вв. до н.э. Подобные бляшки-обоймы были обнаружены на кожаном поясе, прикрепленными при помощи дополнительного ремешка, в могильнике Догээ-Баары 2 в кургане 17 (V-IV вв. до н.э.) [21 с. 131, ил.13, 1].

Бляхи отличаются по декору. Можно их разделить на три основные группы в виде стилизованных головок грифона: где клюв выделен каплевидной прорезью; с реберчатым орнаментом по поверхности голов; головок с хохолком.

В Ордосе этот тип поясных украшений появляется в период «Весен и Осеней» и существует вплоть до «Сражающихся царств». На территории Тувы наблюдается та же ситуация. На алды-бельском могильнике Сыпучий Яр (VI в. до н.э.) в могиле 2, где был похоронен подросток, на портупейном ремне с помощью двух кнопок-шпеньков было прикреплено семь накладных S-овидных блях, на трех из которых были вертикальные петли на лицевой стороне [10 с. 167-172]. Две накладные бляхи со шпеньком из могилы 1 имеют изображение двух вертикально развернутых головок грифонов. Все они крепились на поясе другой конструкции, но в них уже нашла свое отражение мода на украшение пояса в виде бабочковидных блях. Интересна также фигурка кабана с петлей на оборотной стороне из могилы 2, подобная обнаруженным на Ээрбеке (см. ниже).

Бабочковидные поясные бляшки-обоймы были, по-видимому, престижными вещами (или апотропеями). Большое число бабочковидных блях (в том числе плакированных золотом) обнаружено в курганах уюкской культуры 1 и 2 на могильнике Кош-Пей I, датируемых по 14C 2579±35 (Le 5399), калибровочные значения которых укладываются в VIII – первую половину VI в. до н.э. Согласно перекрестному датированию на основании хронологических индикаторов эти курганы сооружались скорее всего на рубеже VI и V вв. до н.э. [11 с. 241-246]. В этом случае можно сделать предположение, что Кош-пейские курганы в Уюкской котловине оставлены племенной знатью одновременной культуры, тогда как в долине реки Ээрбек по другую сторону Уюкского хребта обитали рядовые группы социума, сохранявшего во многом традиции своих предшественников (или предков), носителей алды-бельской культуры. Точно такие же курганы были раскопаны и в долине реки Туран С.А. Теплоуховым, которая отделена от долины Уюка невысоким пограничным хребтом. Бабочковидные бляхи происходят и с могильника, исследованного А.М. Мандельштамом у села Малиновка в верховьях Уюка и из могильника Бегреда, раскопанного К.С. Лагоцким. Такие бляшки-обоймы также известны в Забайкалье, Монголии и на юге Сибири, что не удивительно, так как эти изделия распространяются из северных провинций Китая вплоть до Верхнего Приобья и среднего течения реки Томь [9 с. 19]. В

Приобье они известны в памятниках Староалейка II, Обские Плесы II, Фирсово XIV [16 рис. 69, 74, 77, 118, 119, 133, 136]. Вполне возможно, что они могли копироваться в местных бронзолитейных центрах. В могильниках Маоцингоу и Таохонгбала в Ордосе бабочковидные бляшки встречаются *in situ* на поясах, где их количество достигает нескольких десятков. С.-К. Псаррас построена схема развития этого предмета инвентаря [26]. В начале типологического ряда стоят бляшки с S-овидно развернутыми головками лошадей или грифонов, в конце сильно стилизованные с прорезью-запятой. Нам кажется, что именно они служили прототипами для широко распространившихся через Монголию в Забайкалье и в Туву бабочковидных бляшек, а не X-овидные поясные обоймы, как предположил П.И. Шульга, а вслед за ним К.В. Чугунов [23 с. 36-37; 22 с. 339]. Уж очень сильно отличаются изобразительная традиция и способ их крепления. В связи с этим важным является комплекс 3, могильника Овоотын узуур 1 на северном побережье озера Хубсугул (Ханх сомон), исследованный А.В. Харинским. Этот исследователь любезно ознакомил меня с данным комплексом на конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» в Пекине в октябре 2019 г. Здесь в комплексе с бабочковидными пряжками находится бляха с диаметрально развернутыми головками грифонов абсолютно аналогичная находкам из могилы 1 на кургане 1 могильника Эки-Оттуга 2 в Туве и могилы 178 могильника в Фирсово XIV Барнаульском Приобье (рис. 1, 1-2). Эти бляхи можно отнести к шедеврам звериного стиля, настолько они хорошо проработаны и очень лаконичны. Они настолько похожи, что создается впечатление, что сделаны в одной мастерской – сильно загнутый клюв, большие выпуклые глаза, ухо передано завитком, шеи их переплетаются, образуя S-видную фигуру. На могильнике Фирсово XIV есть еще две бляшки с развернутыми головами грифонов, но другого вида (рис. 1, 3-4). В центре их находится полусфера [16 рис. 136, 1, 5].

На связь с Барнаульским Приобьем указывает также и обнаруженная в могильнике Эки-Оттуг серия бронзовых блях со щитком прямоугольной формы из совмещенных попарно или по три дисковидных выпуклостей – от четырех до шести, которые также являются деталями пояса (рис. 2). В Туве этот тип изделий был нам неизвестен. Наиболее вероятный их источник Ордос и Внутренняя Монголия. В Барнаульском Приобье они известны на могильниках Староалейка II и Обские Плесы II [16 с. 160]. Эти «секционные» бляхи

вместе с бабочковидными широко представлены в погребениях Забайкалья [18 рис. 6]. Также как и диаметрально развернутые бабочковидные бляшки они могли производиться в местных мастерских по известным шаблонам. Есть они и в Ордосе, откуда, по-видимому, и распространились на север.

На ремешок пояса надевались также бляхи с изображением животных, которые усиливали апотропеическую функцию предмета. На могильнике Саускен 3 вместе с частью кожаного ремешка, на который были нанизаны шесть овальных обойм, являлась деталями колчанной портупеи (4 бронзовые и 3 железные) была обнаружена фигурка кабана (рис. 3, 1). Фигурка кабана находит близкие аналогии в материалах могильника Обские Плёсы II [15 с. 89, рис. 19, 5] (рис. 3, 2). Это пряжка в виде профильного изображения кабана с низко опущенной головой, так что «пяточок» на рыльце и копыта расположены в одну линию. На голове показан загривок, овальное ухо и овальным выступом намечен глаз. Спина животного округло выгнутая, так что нет столь характерной для изображения животных в скифском зверином стиле выемки, очерчивающей бедро. При этом передняя нога прямая, а задняя с выделенным коленным суставом. Сзади показан небольшой приостренный хвостик. В принципе для этой фигуры характерно отсутствие излишней детализации. Она отличается особой лаконичностью. С обратной стороны пряжки припаяна вертикальная петля для крепления ее к ремню. Она аналогична бляшки из алдыбельского комплекса Сыпучий Яр. В подобном стиле сделаны бляшки в виде фигурок коня из сруба 4 на могильнике Саускен 3 и козла из кургана 6 на могильнике Эки-Оттуг 2 (рис. 3, 3-4).

С Барнаульским Приобьем Туву объединяют поясные бляшки с изображением кошачьего хищника с головой развернутой на спину (рис. 3, 5-7). В кургане 3 на Эки-Оттуге 2, который датируется второй половиной VI в. до н.э. было найдено два таких предмета. У них показаны лапы с когтями и задранный на спину хвост. У одного морда в виде клюва хищной птицы, у второго раскрытая пасть и на теле S-овидный завиток. Манера передачи второго зверя аналогична экземпляру из могильника Фирсово XIV, а также бляхам из Ордоса. Животные показаны припавшими на передние лапы. Бляхи с кошачьими хищниками с повернутыми на спину голова есть в материалах Дырестуйского могильника эпохи хунну, но они переданы идущими [2 рис. 2, 5-6].

Еще одна деталь пояса находит соответствия в обоих рассматриваемых нами регионах – наконечник ремня в виде стилизованных головок грифонов или даже их клювов. В Туве он обнаружен в кургане 2 на могильнике Саускен 7 (рис. 3, 10), а в Приобье в могиле 184 на могильнике Фирсово XIV (рис. 3, 8-9). На оборотной стороне они имеют петлю для крепления к ремешку и шпенок для застегивания пояса.

Можно говорить о других соответствиях в материалах могильников Тувы и Верхнего Приобья. В первую очередь это изображение хищников на кинжале с бабочковидным перекрестием из кургана 5 могильника Эки-Оттуг 2 [5 с. 42-46]. Его навершие декорировано головками волков, развернутых пастями вверх. Ближайшие к нему аналогии это ножи с такой же головкой из Чинге 2 (Тува) и в мог. 296 Фирсово XIV (Верхнее Приобье) [17 с. 219-226, рис. 1].

Следующая серия находок, выполненных в зверином стиле, представлена колчанными крюками. На могильнике Саускен 3 было зафиксировано 4 случая, когда колчанные крюки были воткнуты в западную стенку сруба (т.е. над головами погребенных) – объекты 3, 4, 5 и 6, в двух случае под ними находились остатки колчана с костяными бронзовыми наконечниками стрел, в двух других портупей с бронзовыми бляхами и обоймами [13 с. 393-423]. Ближайшую аналогию данному обычаю мы находим на могильнике Догээ-Баары, где зафиксировано также три случая подвешивания пояса с колчаном (и с чашей) на стену сруба за головой погребенных [21 с. 129-130]. На Саускене представлен крюк на котором показано как из пасти хищника вырастает голова грифона, крюк в виде стилизованной головкой козла, простые «неукрашенные» изделия. Наши регионы сближает крюки в виде головки хищной птицы из кургана 5 на Эки-Оттуге 2 и Обские Плесы II (в Барнаульском Приобье) [16 рис. 133, 3] (рис. 3, 11-12). Здесь бронзовый крюк выполнен в виде головы хищной птицы с большим загнутым клювом, который и служит самим крюком. На голове птицы показаны большие выпуклые овальные глаза, а также сделано боковое отверстие для подвешивания.

Отметим еще категорию вещей, которые не имеют отношения к поясу, но являются очень важными хронологическими и культурными маркерами: это золотые серьги. В курганах скифского времени в Ээрбекской долине и в Приобье представлены серьги, состоящие из золотых цепочек, которые сверху крепились к тонкому кольцу, а

нижнюю их часть украшали золотые подвески. В одних случаях это плоские листовидные подвески из фольги, в других подвески имеют стреловидную форму и четыре или три лопасти. Подобные серьги обнаружены в детском погребении кургана 3 на могильнике Кош-Пей 1. Ограничимся перечислением могильников, где такие вещи были найдены: могильник 1 комплекса Малый Гоньбийский Кордон I захоронение 34 [16 с. 326, 328, рис. 95, 1-2, 34; 36, рис. 97], Обские Плесы II [16 с. 348, рис. 117, 1, 5-8].

При определенной схожести инвентаря, а именно поясной фурнитуры и других предметов мы наблюдаем существенные различия в погребальном обряде обоих исследуемых нами регионах. Это свидетельствует о том, что контакты между Тувой и лесостепным Алтаем в I тысячелетии до н.э. осуществлялись на уровне обмена или диффузии престижных вещей, источником которых являлся, видимо Китай. П.И. Шульга писал о том, что «мы имеем дело с «модными» формами и образами в поясной фурнитуре, распространившимися в ходе опосредованных контактов на обширной территории от Оби до Хуанхэ» [24 с. 372]. К.В.Чугунов, рассматривая контакты между Алтаем, Верхним Приобьем и Тувой, говорит о некоем коридоре, по которому осуществлялось продвижение племен из Центрального и Восточного Казахстана, через Верхнее Приобье и Горный Алтай в Туву [20 с. 177], но это не касается таких знаковых предметов как бабочковидные и секционные полусферические бляшки, которые указывают на восточные аналогии и связи с Северным Китаем. Перемещение населения, которое приносило новые традиции погребальной обрядности и участвовало в формировании новых культур, могло происходить в одном направлении, а пути появления престижных вещей – таких как детали поясного набора в другом. Здесь нет противоречий, так как любая археологическая культура является многокомпонентным явлением.

Литература

1. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 600 с.
2. *Давыдова А.В., Миняев С.С.* Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Советская археология. 1988. № 4. С. 230-233.
3. *Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.

4. Соловьева Н.Ф., Александров С.А., Боковенко Н.А., Горлов К.В., Городилов А.Ю., Килуновская М.Е. Курганов Н.С., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Садыков Т.Р., Семенов Вл.А., Смирнов Н.Ю., Шапиро С.Б. Дорога длиной в тысячелетия... СПб.: Любавич, 2015. 196 с.

5. Килуновская М.Е. Памятники декоративно-прикладного искусства из могильников скифского времени в долине р.Ээрбек (Тыва) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центра, периферия и модели культурных взаимодействий / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб., 2015. С. 42-46.

6. Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (часть 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 130-145.

7. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха горного Алтая. Часть III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 234 с.

8. Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С.А. Теплоухова) // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1966. Вып. 8. С. 78-102.

9. Семенов Вл.А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994-1995 гг.). СПб.: ИИЦ РАН, 1997. 48 с.

10. Семенов Вл.А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры а Туве // Евразия сквозь века. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2001. С. 167-172.

11. Семенов Вл.А. Кош-Пейские курганы в тувинской долине царей (VI-V в.в. до н.э.) // Древние культуры Евразии. Материалы конференции посвященной 100-летию А.Н. Бернштама / Под ред. В.А. Алекшина. СПб.: Инфо ол, 2010. С. 241-246.

12. Семенов Вл.А. Фрагменты ближневосточного гобелена из Пятого Пазырыкского кургана // Проблемы развития зарубежного искусства. 2019. Вып. 49. С. 3-14.

13. Семенов Вл.А. Килуновская М.Е. Могильник скифского времени Саускен 3 в долине реки Ээрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: Арт-Экспресс, 2014. С. 393-422.

14. Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica». Материалы международного симпозиума / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2011. С. 273-290.

15. *Троицкая Т.Н., Бородавский А.П.* Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
16. *Фролов Я.В.* Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 480 с.
17. *Фролов Я.В., Шамшин А.Б.* Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Под ред. Ю.Ф.Кирюшина и А.А.Тишкина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С.219-226.
18. *Харинский А.В.* Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тысячелетия до н.э. — начале I тысячелетия н.э. (по материалам могильника Байкальское XXXI) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности: Сборник научных трудов / Под ред. А.Д. Цыбиктарова. Вып.2. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. С. 134-150.
19. *Черемисин Д.В.* Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 136 с.
20. *Чугунов К.В.* Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2001. С. 167-172.
21. *Чугунов К.В.* Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990-1998 гг.) // А.В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова / Под ред. С.В. Хаврина. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С.123-144.
22. *Чугунов К.В.* Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу Евразийских древностей / ред. А.П.Деревянко, В.И.Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336-356.
23. *Шульга П.И.* О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территорий // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 27-40.
24. *Шульга П.И.* О контактах населения верхней Оби и Горного Алтая с Синьцзяном и Северным Китаем в VIII-III в.в. до н.э. // «Terra Scythica» / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 370-378.

25. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.

26. Psarras S.-K. Redating Xiongun Culture // The international academies conference of archeological culture of the Northern Cine ancient nations. Nuh-Hoto, 1992.

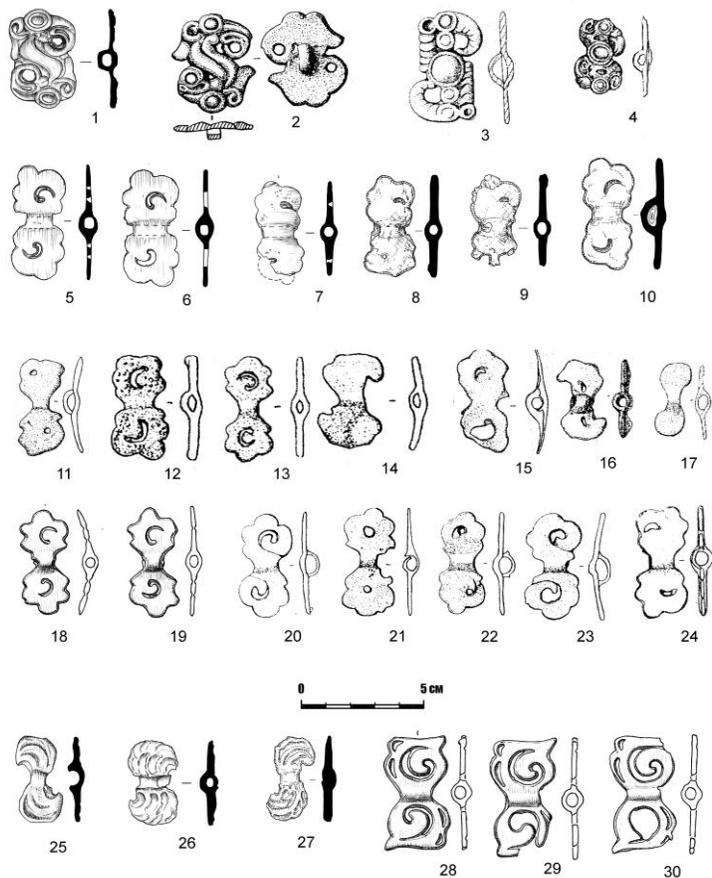

Рис. 1. Бабочковидные бляшки из Тувы (1, 5–10, 18, 19, 25–30) и Барнаульского Приобья (2–4; 11–17, 20–24)

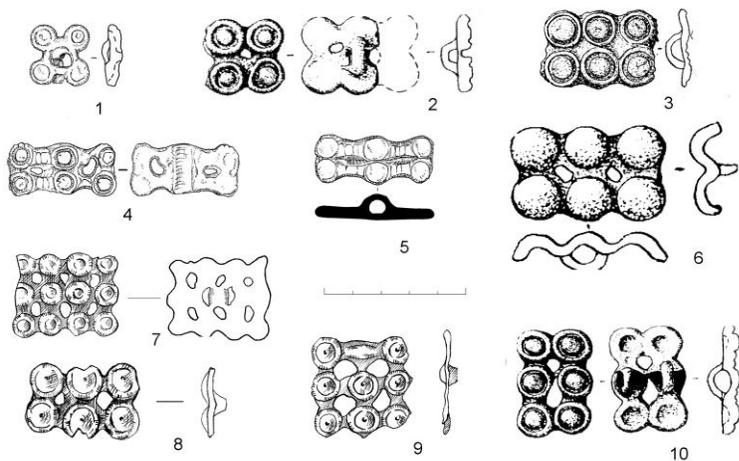

Рис. 2. Секционные полусферические бляхи из Тувы (1, 4, 5, 7-9) и Барнаульского Приобья (2, 3, 6, 10)

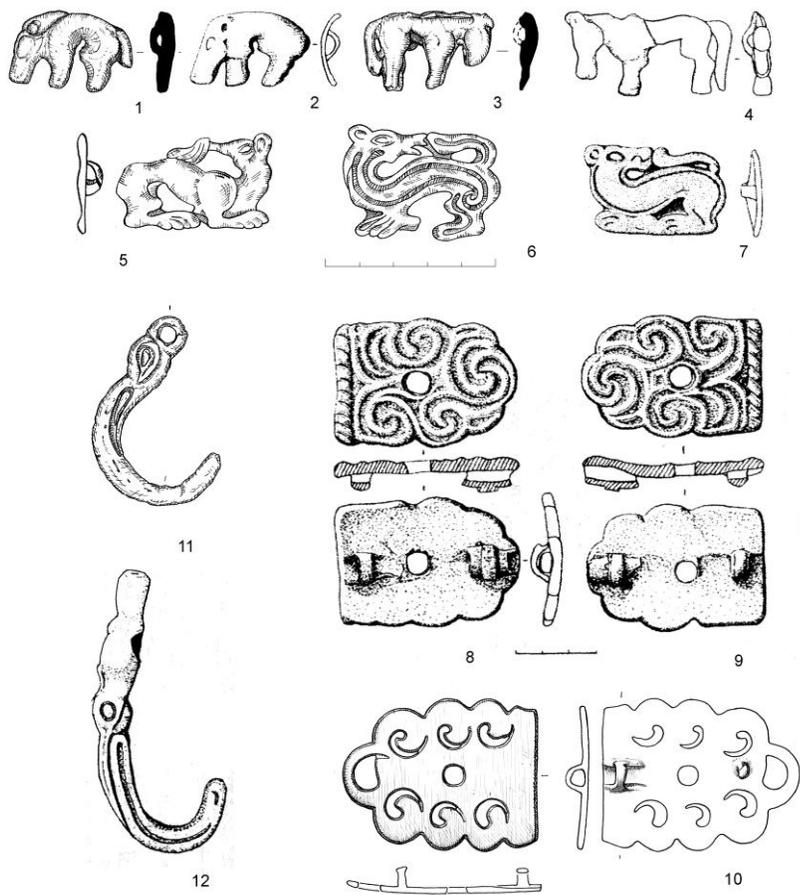

Рис. 3. Бронзовые украшения пояса из Тувы (1, 3, 5, 6, 10, 11) и Барнаульского Приобья (2, 4, 7, 8, 9, 12)

Конь и его снаряжение
в кобанском и аланском могильниках
у с. Лезгор в Горной Дигории

А.П. Мошинский

Государственный исторический музей, Москва, tarkos@mail.ru

Экспедиция Государственного исторического музея с 1987 г. производит раскопки в окрестностях с. Лезгор в Горной Дигории (Северная Осетия). В число основных изучаемых объектов входят позднекобанский (VII-IV вв. до н.э.) могильник Гастон Уота и могильник Кари Цагат, большинство комплексов которого относятся к аланскому времени (IX-XII вв.) В обоих могильниках присутствуют погребения коней и конское снаряжение. Материалы, соответствующие теме данной статьи, отражены в работах автора [1-4] и А.А. Кадиевой [5]. Могильники располагаются в 200 м друг от друга (с перепадом по высоте в 150 м), топографически расположены по отношению к поселениям, где жили похороненные на них люди, по одному принципу – через небольшую горную речку Каридон. Склеповый могильник с. Лезгор расположен точно также.

Позднекобанский могильник Гастон Уота был изучен экспедицией в 1987-1998 гг. Могильник располагается на крутом склоне под высоким скальным обрывом. Общая площадь могильника – 540 кв. м. Могильник раскапывался сплошной площадью вручную. Балласт (осыпные породы, натекшие сверху) составляет до 2,5 м.

На памятнике было исследовано 23 погребальных комплекса и 2 жертвенных площадки с погребениями лошадей. Погребения лошадей были обнаружены в погребальном комплексе-жертвеннике и погребении 21. Все эти комплексы могут быть датированы позднейшим этапом существования могильника IV в. до н.э.

В погребальном комплексе-жертвеннике сгоревшие остатки двух лошадей были найдены в слое золы на специально выложенных глиняных подставках (аналогичных гончарным подставкам) внутри погребальной камеры, три костяка лошадей были найдены в прокаленном слое между стенами камеры и бортами погребальной ямы. Во рту одной из них были обнаружены удила.

Ритуал, совершенный в этом погребальном комплексе можно реконструировать следующим образом: в отрытой в склоне подпрямоугольной яме была построена деревянная камера. Между ее стенами и бортами ямы были уложены кони. Один из коней был взнуздан. Рядом с головой коня 3 была уложена собака. Затем на специальных подставках были сожжены еще два коня. Весьма вероятно, что на этом костре вместе с лошадьё было сожжено тело ее хозяина. Останки его потом были собраны, положены рядом с костром и прикрыты тканью, расшитой мелкими золотыми бляшками. Рядом поставили большой сосуд - корчагу и положили две пары железных предметов, напоминающих своей формой шпоры. Лишь после этого все сооружение было подожжено. Когда огонь уже догорал, в могилу бросили два наконечника культовых жезлов (вероятно, использованных во время погребальной церемонии). Затем могила была засыпана.

В коллективном погребении 21 костяк лошади располагался в пространстве, между бортом погребальной ямы и плахой, ограничивающей собственно погребение. Лошадь была уложена на спину с подогнутыми ногами. Грудная клетка лошади была подмазана глиной. Погребение лошади было ограничено деревянными плахами со всех сторон. Предметов упряжи у этого коня не было. По остеологическому определению, выполненному Н.Н. Спасской, костяк принадлежал ездовому жеребцу 15–16 лет. Под костяком этой лошади были найдены разрозненные остатки еще двух-трех лошадей.

На юго-западной окраине могильника была обнаружена жертвенная площадка. Площадка была перекрыта каменным закладом размерами 1,35 x 2,3 м. Под закладом были обнаружены лошадиные кости, часть из которых лежала в анатомическом порядке: три фрагмента позвоночных столбов с остатками грудных клеток и одна нога от колена до копыта. Вероятно, что останки лошадей были потревожены в древности. Здесь же были обнаружены три лошадиных черепа в различной степени сохранности. По остеологическому определению, выполненному Н.Н. Спасской, здесь находились остатки восьми лошадей. Три особи были захоронены в виде полной туши, от остальных сохранились остатки черепов и нижние части конечностей. Наиболее вероятная дата площадки - первая половина IV в. до н.э.

На северной окраине могильника на участке, примыкающем с запада к погребению 21 (первая половина IV в. до н.э.), была обнаружена каменная площадка неправильной подтреугольной формы.

Размеры площадки составляли 1,80 x 1,05 м. На ее поверхности был найден разрушенный лошадиный череп.

В закладе погребения 10 (V в. до н.э.) были обнаружены остатки не менее 2 лошадей, в закладе погребения 12 (V в. до н.э.) – остатки черепа одной лошади, в закладе погребения 15 (конец V-начало IV в. до н.э.) – кости одной лошади, в закладе погребения 16 (первая половина IV в. до н.э.) – кости одной лошади, в закладе погребения 20 (первая половина IV в. до н.э.) – кости двух лошадей (вместе с костями двух зайцев и костями овцы/козы).

Уздечные наборы и их части были обнаружены в трех погребальных комплексах. В погребении 15, датированном концом V-началом IV в. до н.э. в перемещенном состоянии был обнаружен уздечный комплект (удила, псалии, бляшки). В погребении 17, датированном IV в. до н.э. – удила. В погребении 19 в комплексе, датированном концом V - началом IV в. до н.э. полная уздечка *in situ*, включающая в себя удила, псалии, бляшки и колокольчики.

Итак, в позднекобанском могильнике Гастан Уота целые костяки лошадей были обнаружены в комплексах первой половины IV в. до н.э. Почти все они (кроме одного) были найдены без уздечных принадлежностей. Часть этих костяков были выявлены на специальной жертвенной площадке, часть в погребальном комплексе-жертвеннике и погребении 21. Наряду с целыми костяками в закладах погребений и на жертвенных площадках V – IV вв. до н.э. были обнаружены части туш и черепа коней – остатки чучел и жертвоприношений. Уздечные принадлежности были найдены отдельно от останков коней в трех погребениях конца V – первой половины IV вв. до н.э.

Могильник Кари Цагат изучается экспедицией с 1993 года. За это время было исследовано 28 погребальных и 12 культовых комплексов, а также 10 погребений коней. 2 погребальных комплекса относятся к дигорской культуре (II тыс. до н.э.), 2 погребальных комплекса (безинвентарных), вероятно, относятся к сарматскому времени (III-II вв. до н.э.) – отдельные предметы этой эпохи найдены на могильнике вне комплексов. По погребальному обряду эти два погребения резко выделяются. Остальные 24 погребения и все культовые комплексы относятся к аланской эпохе (IX-XII вв. н.э.). Исходя из схожего обряда погребения коней, их расположения на могильнике и инвентарю, присутствующему в части из них, все они могут быть датированы аланской эпохой и имели непосредственное отношение к погребенным на могильнике людям.

Могильник, как и могильник Гастон Уота располагается на крутом склоне под высоким скальным обрывом, расположенном с юга от памятника. С северной стороны могильник подрезан дорогой, ведущей к селам Донифарс и Лезгор, непосредственно за которой начинается уже совсем крутой, переходящий в обрывы склон к реке Урух. За все время раскопок на могильнике Кари Цагат было исследовано около 800 кв. м. Могильник раскапывается сплошной площадью вручную. Балласт (осыпные породы, натекшие сверху) составляет до 3,5 м.

Все открытые на сегодняшний день конские погребения располагаются в западной части исследованной площади. Размеры основного скопления конских погребений, включающего в себя 8 могил, составляет 15 на 9 м, 135 кв.м. Погребение коня 3 находится в 10 м к востоку от основного скопления, а погребение коня 10 – в 7 м к югу. Тем не менее, надо учесть, что между основным скоплением и указанными двумя погребениями присутствуют нераскопанные квадраты, на которых могут оказаться могилы, которые объединят все конские погребения в одно скопление общей площадью до 250 кв. м. Возможно и расширение границ скопления в западную и южную стороны. В любом случае мы имеем дело с площадкой, на которой централизованно располагались погребения коней. Те погребения, которые содержат материал, пригодный для датирования, указывают на дату в пределах IX-X вв.

С северо-востока к площадке примыкает культовый объект – гигантский белый камень, обложенный каменной выкладкой. Под камень уходит яма, заполненная костями лошадей и крупного рогатого скота, а также фрагментами керамики. В каменной выкладке были обнаружены железные удила. Аналогичный культовый объект примыкает с юга к находящемуся на сегодняшний день обособленно самому восточному из конских погребений. Еще один гигантский белый камень примыкает с юга к последнему упомянутому (нет на плане, виден в борту раскопа).

Площадка, как и весь могильник, расположенная на крутом склоне, содержит не только погребения коней, но и находящиеся между ними 2 катакомбы. С запада к площадке примыкают 5 жертвенных ям, заполненных костяками мелкого рогатого скота и 2 катакомбы. С юга – располагаются исключительно катакомбы. С севера, располагается площадка, на которой отсутствуют какие-либо объекты.

Кони размещались в отдельных ямах, отрытых специально для них и по их размеру. Ямы имели глубину до 1 м. Верхние части ям, отрытых

в суглинке осыпного происхождения и им же заполненных, к сожалению, как правило, не прослеживаются. Границы ям визуально можно проследить только в профиле после полного его высыхания. В большинстве случаев ямы выявлялись по наличию в них каменного заклада. Стены ям прослеживались по плотности. Таким образом, большинство ям было прослежено только в нижней части на глубину до 0,4 м.

Каменный заклад из камней среднего размера размещался внутри ямы поверх незначительной засыпки костяка коня. Отдельные камни, иногда крупные встречались в заполнении ямы поверх основного заклада. В погребении коня 7 над его головой лежал камень черного цвета, над остальной частью костяка были уложены камни белого цвета. Пространство, не занятое костяком, занимал уплощенный рваный камень также белого цвета. Над закладом в верхней части ямы у ее торцов были уложены два крупных камня, возвышавшихся над поверхностью ямы (белый - над крупом, черный – над головой). В погребении 10 яма по низу вокруг костяка коня была обложена некрупными черными камнями. При этом некоторые камни лежали поверх костей коня.

Шесть погребений были ориентированы с запада на восток, два (погребения коней 5 и 6, на юго-востоке основного скопления) – с севера на юг, два (погребения коней 3 и 10, не входящие в основное скопление) – на юго-восток. Возможно, направление могильных ям связано с микроуклонами площадки.

Восемь из десяти коней были уложены в ямы на живот (у некоторых - передняя часть туловища была несколько завалена на бок). Два коня лежали на правом боку (в погребениях коней 4 и 9). Ноги коней в ряде случаев лежали плотно прижатыми друг к другу (задние к задним, передние к передним). В одном случае (погребение коня 8) плотно прижаты друг к другу были и задние и передние ноги (метаподии передних ног лежали точно над метаподиями задних). Весьма вероятно, что ноги в этих случаях (особенно в случае погребения коня 8) были связаны. В погребении коня 7 голова коня была уложена на стопку из трех небольших камней, стоящих на костях передней ноги и развернута в сторону крупа. Важно заметить, что кости данного животного имели прижизненную деформацию: два шейных позвонка срослись между собой, один из метаподиев задней ноги имел значительный костный нарост, сильно изменивший его длину.

В погребении коня 10 отсутствовала голова. При этом шейные позвонки не были повреждены, то есть голова была не отрублена, а аккуратно отрезана. Отдельное от туловища захоронение конской головы было выявлено в жертвенной яме 1, где она была уложена вместе с тушкой овцы и керамическими сосудами.

9 из 10 погребений коней являлись самостоятельными погребениями, никак не связанными с другими объектами. Погребение коня 1 перпендикулярно примыкает к дромосу погребения 12, но судя по тому, что передние ноги коня частично провалились в дромос, яма конского погребения была открыта после засыпки дромоса и примыкание комплексов друг к другу может быть случайным.

Единственным вероятным исключением из общего правила может быть погребение коня 9 к которому со стороны головы примыкает камера, в которой были обнаружены костяки 3 коз/овец. Возможно, эта камера являлась кенотафом, к которому вел дромос с лежащим в нем конем.

Большая часть коней были похоронены без инвентаря. Только в одном случае (погребение коня 9) была найдена подпружная пряжка в положении, позволяющем предположить, что она располагалась *in situ* на боку лошади. Именно это погребение (предположительно расположенное в дромосе, ведущем в кенотаф) сопровождалось богатой уздечкой, уложенной в специальную ямку рядом с ямой, предназначенной для коня. Уздечка содержала железный удильный комплект, более 70 серебряных бляшек, бронзовый бубенчик, железную пряжку, также сохранилось 37 фрагментов кожаных ремней с бронзовыми заклепками.

В погребении коня 1 на голове коня были обнаружены пара стремян и бронзовые украшения сбруи: круглые и листовидные бляхи и полусферические бубенчики. Вероятно, на голову лошади было уложено либо седло со сбруей, либо просто сбруя, включая стремяна. Рядом с погребением в ямку был уложен кувшин. Между погребениями коней 5 и 6 в ямку были уложены пара стремян, удила, бубенчики, костяная поделка, фрагменты железного предмета (пряжки?). В погребении коня 3 стремя было надето на верхнюю челюсть лошади. Среди камней заклада погребения коня 8 были обнаружены сбруйный распределитель и железная пряжка.

Итак, на могильнике Кари Цагат были обнаружены 10 погребений коней, большая часть из которых располагалась на небольшой площадке. Кони были похоронены по сходному обряду, все они не были

взнузданы и оседланы (исключение составляет один конь, с подпружной пряжкой). Предметы узды и сбруи укладывались либо в специальные ямки рядом с погребениями, либо в погребении коня на его тело, либо в могильную яму на каменный заклад.

Фактически, как в кобанскую эпоху, так и в средневековое время мы видим посвящение коня усопшим, в ряде случаев не привязанном топографически к определенному погребению. В обе эпохи мы наблюдаем захоронение коней без снаряжения и захоронение снаряжения, не надетого на коня. При этом наблюдаются некоторые общие традиции размещения могильников (под высоким скальным обрывом, на крутом склоне, через речку от поселения).

Для того чтобы выяснить, являются ли эти совпадения случайностью или устойчивой горной традицией, необходимо найти и изучить на данной территории (в пределах Дигорского ущелья) могильники эпох между IV в. до н.э. и IX в. н.э.

Литература

1. *Moshinsky A.* // Die Bestattung eines Priestess im Koban-Gräberfeld Gaston Uota. // *Eurasia Antiqua*. 1999. Bd. 5. Berlin. S. 217-231.
2. *Мошинский А.П.* Древности Горной Дигории VII-IV вв. до н.э. Систематизация и хронология // Труды Гос. исторического музея. 2006. Вып. 154. С. 1- 208.
3. *Мошинский А.П.* Кавказ и скифы в V–IV вв. до н. э. (по материалам Горной Дигории). // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников / Отв. ред. Д.В. Журавлев. М.: Гос. исторический музей, 2014. С. 82-93.
4. *Мошинский А.П.* Гастон Уота – кобанский могильник «скифского» времени // Труды Гос. исторического музея. (В печати).
5. *Кадиева А.А.* Погребальный обряд могильника Кари Цагат (Дигорское ущелье, Северная Осетия) // Историко-археологический альманах. 2011. Вып. 10. Армавир-Краснодар-М. С. 80-98.

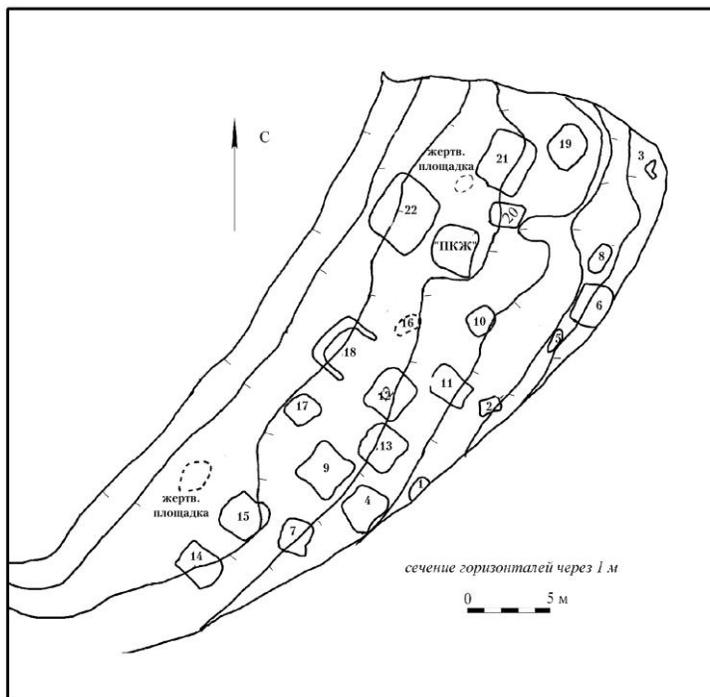

Рис. 1. План могильника Гастон Уота

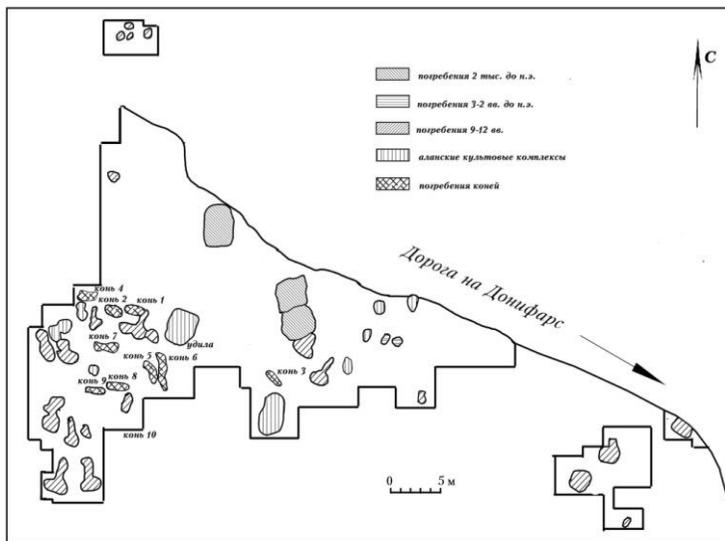

Рис. 2. План могильника Кари Цагат

Лепная керамика в контексте погребального обряда
населения Северного Причерноморья
(к вопросу о греко-скифских связях)

Н.А. Гаврилюк

Институт археологии НАНУ, Киев, gavrylyuk_na@ukr.net

Обращение к вопросу о значении лепной посуды и к такой, казалось бы, незначительной детали погребального обряда кочевников Северного Причерноморья, как положение сосудов в погребении, обусловлено следующими моментами. Многолетнее изучение этой группы артефактов показало, что она эволюционирует очень медленно, и изменение набора посуды отстает от изменений в экономической или политической истории населения, в данном случае – степного региона. Скептически относясь к отождествлению лепной посуды в составе материальной культуры античных центров Северного Причерноморья с варварами, в первую очередь, скифами [13; 16], я соглашаюсь с тем, что керамика является этническим индикатором [5; 6]. А комплексное изучение лепной посуды оседлости почти всегда свидетельствовало о существовании нескольких групп лепной посуды, большинство из которых удавалось связать с определенными этносами [8 с. 289-297; 9; 10]. Однако анализ материалов могильников и их сравнение с материалами скифских погребений в силу ряда причин мной не проводились.

В погребальных памятниках с лепной посудой происходят некоторые изменения, которые позволяют более внимательно отнестись к этой группе артефактов. Во-первых, при участии в погребальном обряде, функция лепных сосудов коренным образом меняется – это уже не кухонная, парадная или столовая посуда, а часть погребального инвентаря. Во-вторых, она превращается в символ, в котором важны не только форма и орнаментация, но и положение в погребальном пространстве. В-третьих, применительно к индоиранцам, к языковой группе которых относятся киммерийцы и скифы, населявшие степи Северного Причерноморья в раннем железном веке, известно что «экстралингвистические аргументы свидетельствуют в пользу их расселения евразийской степной зоне. При ознакомлении с данными древнеиндийскими источниками, посвященными описанию ритуалов,

бросается в глаза, что посуда, изготовленная на гончарном круге не считалась у них ритуально чистой... Так, в Майтраяни-самхите говорится: «он (сосуд) сделан арием с идущими вверх налепами ради единения с божественностью... Именно для степных скотоводческо-земледельческих культур характерна лепная, а не кружальная посуда, которая оставалась для них чуждой, несвойственной предкам и оттого ритуально нечистой» [15 с. 16]. Исходя из сказанного, актуальной кажутся не только задача определения группы местной лепной посуды и положения сосудов этой группы в погребениях, но и изучение соотношения лепной и гончарной посуды в погребальном обряде, как кочевников-скифов, так и греков античных центров Северного Причерноморья. Помня о консервативности источника и необходимости изучить лепную посуду именно индоиранских кочевников, для решения названных проблем мы используем материалы погребений ранних кочевников, обитавших в степной зоне Северного Причерноморья до появления греков из Милета.

Таким образом, цель работы – на примере погребений кочевников предскифского периода IX – первой половины VIII вв. до н.э. степной зоны Северного Причерноморья выделить местную «индоевропейскую» группу лепной керамики и проследить особенности расположения таких лепных сосудов в погребениях более поздних периодов – вплоть до конца IV в. до н.э. Сравнение положения керамики в погребальных памятниках кочевников в Степной Скифии и в греческих могильниках в районе Борисфена и Ольвии второй половины VIII вв. до н.э. - IV вв. до н.э. позволит еще раз привлечь лепную керамику для изучения проблемы взаимоотношений греков и варваров.

В погребальных памятниках IX – первой половины VIII вв. до н.э. степной зоны Северного Причерноморья индоевропейцев-киммерийцев лепная посуда представлена 162 сосудами, положение которых в погребении надежно документировано. Группа эта неоднородна по происхождению и делится на несколько групп, сосуды из которых с определенной долей вероятности могут считаться этноиндикаторами. Если не брать во внимание две группы – «фракийскую» и «лесостепную», это «белозерская» и «степная» группы лепной керамики [8 с. 289-297]. Результаты изучения положения сосудов в погребениях представлены в таблице (табл. 1). Процент сосудов, найденных рядом с погребенными в скорченном положении, составляет 38,13% от общего

количества керамики в погребениях позднейшего предскифского периода.

Различается и набор керамики. Перед лицевыми костями (слева от головы) в скорченных погребениях, уложенных преимущественно на левом боку, стояли горшки с дуговидной в разрезе шейкой (11 экземпляров), сосуды баночной формы (5 экз.) и кубки-чаши с зубчатым орнаментом и без него (4). Реже встречались лощеные кубки (8) и корчаги (9). За головой погребенных, уложенных в скорченной позе найдены только лощеные кубки (2), корчаги (4) и кубки-чаши. У ног скорченных погребенных найдены только четыре сосуда – лощеные корчаги, по одному – кувшины, кубки-чаши и черпак (рис. 1).

Таблица 1. Положение лепных сосудов в погребениях предскифского времени в степной зоне Северного Причерноморья

Положение погребенного	Положение лепного сосуда	К-во (шт.)	%
Скорчен	у лица	41	25,63
скорчен	за головой	10	6,25
Скорченный	У ног	10	6,25
Вытянут	правая рука	1	0,63
Вытянут	У левой руки	4	2,50
Вытянут	у головы, за теменем	40	25,00
	у головы, справа	9	5,56
	у головы. Слева	21	13,13
Вытянут	У ног	9	4,94
Вытянут	На грудной клетке или животе	4	2,50
Вытянут	на перекрытии	5	3,13
входная яма		1	0,63
Насыпь		4	2,50
между детьми		4	2,50
Всего		162	100,00

Рядом с погребенными, уложенными вытянуто на спине, лепных сосудов найдено больше - они составляют 51,84% коллекции лепной керамики предскифского времени. За теменем погребенного (погребенных) стояло 40 сосудов, что составляет 25% изученной коллекции. Простые сосуды – горшки (5 экз.) (рис. 1, 1-3) и баночные (5 экз.) (рис. 1, 4-5) здесь уступают лощеным сосудам-кубкам (15 экз.) и корчагам (9 экз.). Реже встречаются кубки-чаши (3 экз.) (рис. 1, 4-5) и черпаки (2 экз.). 30 сосудов (18,69%) (табл. 1) найдено у головы погребенного – справа – 9; слева – 21. Слева преобладали корчаги (9 экз.) и кубки-чаши (7 экз.), встречались черпаки (4 экз.). Справа от погребенных стояли только лощеные кубки (7 экз.) и 2 корчаги. У ног вытянутых погребенных ставились только корчаги (рис. 1, 10) и корчаговидные сосуды (рис. 1, 8-9). Иногда лепные сосуды (чаши-кубки) ставились на деревянном перекрытии погребения. Во входной яме найден лишь один лощеный сосуд, в насыпи, в остатках тризны – 4 (табл. 1).

Закономерностей положения керамики в погребениях в зависимости от пола или возраста погребенных пока не прослежено, поскольку антропологических определений недостаточно. Замечено лишь, что в детских парных погребениях сосуд, чаще всего лощеный, стоит между костяками.

Случаи «нестандартного положения в погребении» [19 с. 12-17] фиксируются крайне редко. Уверенно можно утверждать, что в погребениях у с. Пришиб и в погребении у с. Спасское сосуды (кубковидные с подобным орнаментом и формой) были умышленно пробиты (рис. 1, 8-9). Расположение сосудов один в другом (маленькой мисочки в большой миске) задокументировано лишь в погребении у с. Суворово [8 с. 138].

Как правило, простые – из грубой формовочной массы и без орнамента, сосуды стоят в районе головы погребенного, независимо от его позы. Если в погребении обнаружено несколько сосудов разного качества, простой сосуд располагается у головы погребенного (наборы сосудов из погребения у с. Суворово или набор керамики из погребения у с. Великая Александровка). Ранее показано, что простые сосуды в предскифских погребениях (горшки с дуговидной в разрезе шейкой,

баночные сосуды и кубки-чаши) связаны по происхождению с керамикой предскифского времени [6; 8]. Они составляют посуду «белозерской» группы, могут быть оценены как посуда предков и иметь особый статус в погребальном пространстве, что подчеркивается их положением у головы погребенного. Лощеная посуда в этот период играет, скорее, «статусную» роль, т.е. подчеркивает положение погребенного в социуме.

Из всего сказанного можно заключить, что лепными сосудами, играющими особую роль в жизни кочевников индоиранцев, являются сосуды, входящие в «белозерскую» керамическую группу, представленную в погребениях степной группы Северного Причерноморья IX-первой половины VII вв. до н.э.

Во второй половине VII – первой половине V вв. до н.э. этнополитическая, экономическая и историко-культурная ситуация в степной зоне Северного Причерноморья изменяется коренным образом. Здесь сталкиваются две цивилизации – развитая античная и «задержанная» кочевническая. В период ранней архаики – во второй половине VII – первой половине VI вв. до н. э. – степи Северного Причерноморья были мало заселены. Особенно это касается времени появления первых поселенцев на острове Березань, археологически представленных здесь материалами поселения и могильника, и появления новой волны иранцев кочевников в северных районах степи, представленных 120 погребениями [17] (рис. 2). В некоторых ранних погребениях в районе головы погребенных встречаются горшки с дуговидной в разрезе шейкой, характерные для степных культур предшествующего периода (рис. 2, 1, 3, 6, 8). Два сосуда имеют аналогии в памятниках Северного Кавказа (рис. 2, 2, 7) [17 с. 14, рис. 2. 4,5] и два сосуда являются лепными имитациями античной сероглиняной керамики (рис. 2, 4-5).

Для определения роли лепной керамики в погребениях первых греческих переселенцев, мы располагаем коллекцией лепной посуды из могильника на о. Березань (рис. 3). Здесь используются керамика из раскопок 1900-1990 Г.Л. Скадовского из Фондов Херсонского областного краеведческого музея. Набор посуды в погребениях Березанского некрополя очень разнообразен. Керамика некрополя представлены баночными сосудами (рис. 3, 1-2), которые, как и сосуды с ручками (рис. 3, 4, 6), и мисочки (рис. 3, 7-8) имеют аналогии в

керамике поселения Большая Черноморка 2, расположенного на левом берегу Березанского лимана [11 с. 79, рис. 2, 2-3; рис. 4] и относятся к группе «фракийской» керамики. Кубки с прочерченным геометрическим орнаментом из материалов некрополя Борисфена (рис. 3, 3, 5, 9) входят в группу «кизил-кобинской» посуды, хорошо известной по материалам поселения. В более поздних архаических некрополях Ольвии и ее окружи находки лепной керамики встречаются крайне редко. В материалы архаического некрополя Ольвии [20] это в основном лепные светильники, повторяющие форму гончарных [19 с. 145, кат. 174], и лепные сосуды баночного типа [14 с. 69, рис. 27]. Редкость использования лепной керамики в греческих некрополях поздней архаики подтверждается и работами последних лет [12].

Таким образом, погребальные памятники периода архаики, в которых обнаружена лепная керамика, демонстрируют скорее этническую непохожесть, чем какие-то этнические связи. Контакты, определяемые по лепной посуде в некрополе Борисфена, указывают больше на взаимодействие с населением Северного Кавказа и Поднестровья-Подунавья, чем с скифским населением степной зоны. Коллекция лепной керамики из немногочисленных скифских погребений этого периода свидетельствует о присутствии какой-то части местного населения в составе номадов.

Только со второй половины V в. до н.э. до конца IV в. до н.э. на основе находок лепной керамики в погребальных памятниках в степи, можно говорить о тесных экономических и культурных контактах греков и скифов, и об их взаимовлиянии.

Для рассмотрения этнических связей используются материалы известных на сегодняшний день степных скифских погребений, в которых встречена лепная керамика и материалы некрополей Ольвии и ее хоры. Если количество погребальных памятников степной Скифии, в которых встречена лепная керамика (мною просмотренных и описанных на сегодняшний день) составляет 225 погребений, то находки лепной керамики в античных некрополях единичны (в некрополе Ольвии – 5 экз.) [14; 18]. Весьма показательно также место лепных сосудов в скифских погребениях (табл. 2). Для таблицы отобраны сосуды, пригодные для классификации и место которых в погребениях не вызывает сомнения.

Значительная группа лепной керамики (98 экз. - 41,77%) происходит из входных ям в погребениях (табл. 2). Увы, большинство фрагментов керамики из заполнения входных ям происходит из ограбленных погребений (28%). Остальная часть, сохранившаяся *in situ*, позволяет судить о месте лепной посуды во входной яме или в дромосе. В могильниках Поднепровья горшки с горлом в виде раструба часто устанавливались во входной яме у входа в погребальную камеру [2 с. 91, рис. 23, 5; 1 с. 88, рис. 36, 2]. Особенностью могильника Глиное в Поднепровье являются частые находки скелетов собаки у входа в погребальную камеру. Перед мордой собаки устанавливали либо лепную миску, либо придонную часть сосуда [21 с. 98-99, 109]. В этом же могильнике перед входом в камеру часто ставили курильницу. Об охранной функции лепной керамики определенного вида свидетельствует заклад из лепных сосудов (курильница, миска, светильник и сероглиняная чашка) у входа в погребении 1 кургана 7 могильника Глиное [21 с. 99]. При наличии дромоса в катакомбе лепные сосуды ставились в дромосе у входа в погребальную камеру [21 с. 103-104]. Из всего сказанного вытекает, что лепная керамика (горшки, курильницы, реже – миски и светильники), поставленные во входную яму у входа в погребение выполняли защитную функцию.

Таблица 2. Положение лепных сосудов в погребениях второй половины V-IV вв. до н.э. степной зоны Северного Причерноморья

Часть погребения	Положение лепного сосуда	Виды сосудов	К-во (шт.)	%
Входная яма	заполнение	Горшки двух типов, курильницы, светильники и их фрагменты	2 1	9 ,33
Дромос	У входа в камеру	Горшки с горлом в виде раструба	5	2 ,22
В закладе		Фрагментированные горшки	4	1 ,78
В камере	У входа	Курильницы, светильники, мисочка, придонная часть сосуда	4	1 ,78
В заполнении		Фрагменты горшков двух типов	6 4	2 8,44
У головы	за теменем	Горшки, мисочки, светильники, курильницы, гутусы	5 5	2 4,44

	справа	Горшки, мисочки, курильницы, светильники	2 1	9 ,33
	Слева	Мисочки, светильники и горшок	7	3 ,11
У рук		Горшки	3	1 ,33
У ног		Миниатюрный горшок, чашка миски, кувшин	5	2 ,22
В тризне		Горшки больших размеров, один гутус	3 6	1 6,00
Всего			2 25	1 00,00

В районе голов погребенных найдено 83 сосуда (36, 88% рассматриваемой коллекции). Здесь преобладали горшки с дуговидной в разрезе шейкой (рис. 4, 1-3). Следует отметить, что для бескурганых могильников, например Михайловского или Скелянского, характерны горшки архаического вида (рис. 4, 1), связь которых с горшками из погребений предыдущего периода не вызывает сомнений. В курганных погребениях появляются горшки с горлом в виде раструба, о происхождении которых от лепной керамики архаических слоев Борисфена и Ольвии я писала ранее (рис. 4, 4-6). Особенностью погребальной керамики классического периода является появление большого количества открытых сосудиков – полусферических (рис. 4, 13) или в виде перевернутого усеченного конуса мисочек (рис. 4, 12, 14-16). Там, где удалось установить, горшки чаще всего ставились справа от головы погребенного, мисочки – слева (табл. 2). Для погребений второй половины IV в. до н.э. замечена некоторая «миниатюризация» лепной керамики – появляются с небольшие сосуды, повторяющие формы горшков с горлом в виде раструба (рис. 4, 7-8) или двуручных сосудов (рис. 4, 9). В детских погребениях иногда ставятся лепные гутусы (рис. 4, 10-11).

Таким образом, лепные сосуды, преимущественно горшки являются значимой частью погребальной обрядности степных скифов. Важно также отметить, что практически всегда лепные сосуды стоят отдельно от других групп инвентаря, чем подчеркивается их особая роль. Возможно, это символ того сосуда, который использовался при совершении жертвоприношений Аресу: «Полив головы пленных вином, они закалывают людей над сосудом и затем поднят его вверх на кучу хвороста, выливают кровь на акинак» (*Herod. IV, 66*).

В некрополях античных центров лепная керамика и в этот период остается редкой находкой. В погребениях степных скифов в второй

половины V-IV вв. до н.э. увеличивается количество чернолаковой посуды для питья вина. В мужских погребениях канфары и килики входят в группу погребального инвентаря связанного с потреблением вина [7 с. 120]. Возможно, в этом отражаются не только бытовые особенности большинства населения степной Скифии, но и изменения культового характера. Здесь уместно вспомнить историю Скила, поплатившегося жизнью за участие в дионисиях в Ольвии (*Herod. IV, 78*) в V в. до н.э. В IV вв. до н.э. уже партии сосудов для вина поступают в степь [7 с. 173] и используются для возлияний в именно погребальных обрядах (в материалах памятников оседлости фрагменты этих сосудов практически не встречаются). Возможно, обряды, предполагающие использование виноградного вина уже внедрились в культовую практику скифов.

Выводы

1. Используя материалы погребений кочевников предскифского периода IX – первой половины VIII вв. до н.э. степной зоны Северного Причерноморья, можно выделить местную «индоевропейскую» группу лепной керамики и проследить особенности расположения таких лепных сосудов в погребениях более поздних периодов – вплоть до конца IV в. до н.э. Замечено, что лепные горшки двух типов – с дуговидной в разрезе шейкой и с горлом в виде раструба играют особую роль в погребальной обрядности степных скифов. Найденные во входных ямах и дромосах, они могут выполнять роль охраны погребенного и погребения в целом. В погребальной камере, занимая отдельную от другого инвентаря зону, они могли быть частью ритуала, связанного с переходом покойника в иной мир.

2. Прослежены особенности расположения в могилах посуды иных видов. Появление в погребениях сосудов, повторяющих формы некоторых видов греческой гончарной керамики (светильников, гутусов) может быть проявлением не только процесса, связанного с явным заимствованием, но и с адаптацией артефактов «под местные условия» [4 с. 129].

3. Отмечена миниатюризация погребальной лепной посуды в погребениях второй половины – IV в. до н.э., которую можно рассматривать как один из видов парциализации погребального инвентаря. Явление это широко распространено в Северо-Западном Причерноморье.

4. Сравнение положения керамики в погребальных памятниках кочевников в Степной Скифии и в могильниках в районе Борисфена и

Ольвии второй половины VIII вв. до н.э. - IV вв. до н.э. позволит еще раз привлечь лепную керамику для изучения проблемы взаимоотношений греков и варваров. Если, рассматривая материалы античных некрополей Северного Причерноморья, мы можем говорить о минимальном использовании в них скифской погребальной обрядности, то в погребальном обряде степных скифов под влиянием античной культуры происходят значительные изменения.

5. В IV вв. до н.э. в погребальном инвентаре степных скифов появляются подлинно инокультурные предметы, имеющие аналогии в погребениях соседних некрополей. Явление это характерно для погребальной практики номадов [4 с. 129]. В это же время в античных некрополях инокультурные «вторжения» отмечаются крайне редко. Исходя сказанного, подчеркну, что культурно-экономической доминантой в Северном Причерноморье в период классики оставалась античная культура.

Литература

1. *Андрух С.И.* Могильник Мамай-Гора. Кн. 2. Запорожье: Изд-во ЗНУ, 2001. 282 с.
2. *Андрух С.И., Тощев Г.Н.* Могильник Мамай-Гора. Кн. 1. Запорожье: Изд-во ЗНУ, 1999. 232 с.
3. *Андрух С.И., Тощев Г.Н., Шахров Г.И.* Великознаменские курганы (№ 14-15). Запорожье: Изд-во ЗНУ, 1995.
4. *Бородовский А.П.* Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Древние некрополи – погребальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2018. С. 123- 132.
5. *Гаврилюк Н.О.* Кераміка степових скіфських поховань IV- III ст. до н.е. // Археологія. 1980. № 34. С. 17-30.
6. *Гаврилюк Н.А.* Лепная керамика Степной Скифии. Автореф. дис. ... канд ист. наук. Киев, 1981. 27 с.
7. *Гаврилюк Н.А.* Чернолаковые килики и канфары из степных скифских погребений. Археологические вести. 2016. №13. С. 151-182.
8. *Гаврилюк Н.А.* Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX-первая половина VII вв. до н.э.). Киев: Олег Филук, 2017. 336 с.

9. *Гаврилюк Н.А., Винокуров Н.И.* Лепная керамика из слоя пожара времени боспоро-римской войны 44/45-49 гг. городища Артезиан // Древности Боспора. 2016. № 20. С. 143-177.

10. *Гаврилюк Н.А., Молев А.Е.* Лепная керамика Китея // Древности Боспора. 2013. Вып. 17. С. 65 – 110.

11. *Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М.* Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка 2 // Древности Степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1982. С. 75-90.

12. *Ивченко А.В.* Постпогребальная обрядность в некрополе Ольвии // Древние некрополи – погребальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополів / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2018. С. 201-206.

13. *Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Боспорских городов. Л.: Наука, 1981. 177 с.

14. *Козуб Ю.И.* Некрополь Ольвии V-IV с. до н.э. Киев: Наукова думка, 1974. 180 с.

15. *Кулланда С.В.* Скифы: язык и этногенез. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2016. 216 с.

16. *Марченко К.К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине 7- первой половине 1 вв. до н.э. Ленинград, 1988.

17. *Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья, Киев: Наукова думка, 1984. 134 с.

18. *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 220 с.

19. *Пеляшенко К.Ю.* Випадки нестандартного покладення ліпленого посуду в поховальний прості // Археологічна керамологія. 2019. № 3. С. 12 -17.

20. *Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л.; Искусство, 1988. 184 с.

21. *Тельнов Н.П., Четвериков В.С., Синика В.С.* Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с.

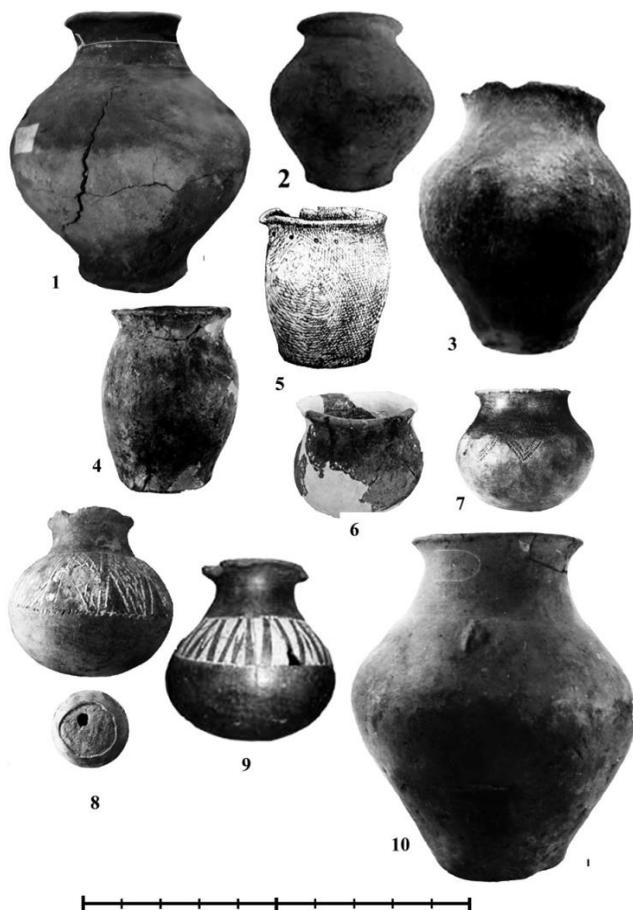

Рис. 1. Керамика из погребений IX – первой половины VII вв. до н.э.: 1 – Аккерман (Новофилипповка), курган 17, погр. 11; 2 – Видножино, курган 1, погр. 3; 3 – Лиманцы, курган 3, погр. 3; 4 – Касперовка, курган 2, погр. 12; 5 – Аккерман (Новофилипповка), курган 19, погр. 5; 6 – Булаховка, курган 4, погр. 1; 7 – Днепрорудный, курган 7, погр. 1; 8 – Пришиб, курган 4, погр. 25; 9 – Спасское 11, курган 3, погр. 3; 10 – Костычево, курган 2, погр. 2

Рис. 2. Лепная посуда из погребений второй половины VII – первой половины V вв. до н.э.: 1,2 – Константиновск, курган 1, погр. 1; 3–5 – Днепрорудный; 6 – Астанино курган 7, погр. 1; 7 – Астанино, курган 5, погр. 1; 8 – Красноперекопск, курган 15, погр. 1

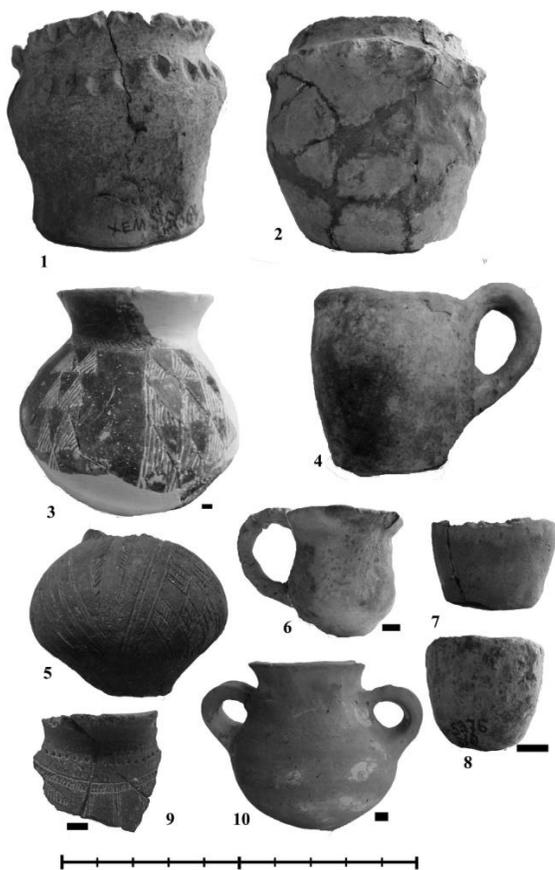

Рис. 3. Некрополь Борисфена (материалы Херсонского областного краеведческого музея, далее – ХКМ): 1-ХКМ-а-5364; 2- ХКМ-а-5367; 3,5- кизил-кобинские сосуды (без №); 4, 6 – фракийские сосуды (экспозиция); 7 – ХКМ-а-5377; 8 – ХКМ-а-5376; 9 – ХКМ-а-13193; 10 –ХКМ-а-5380

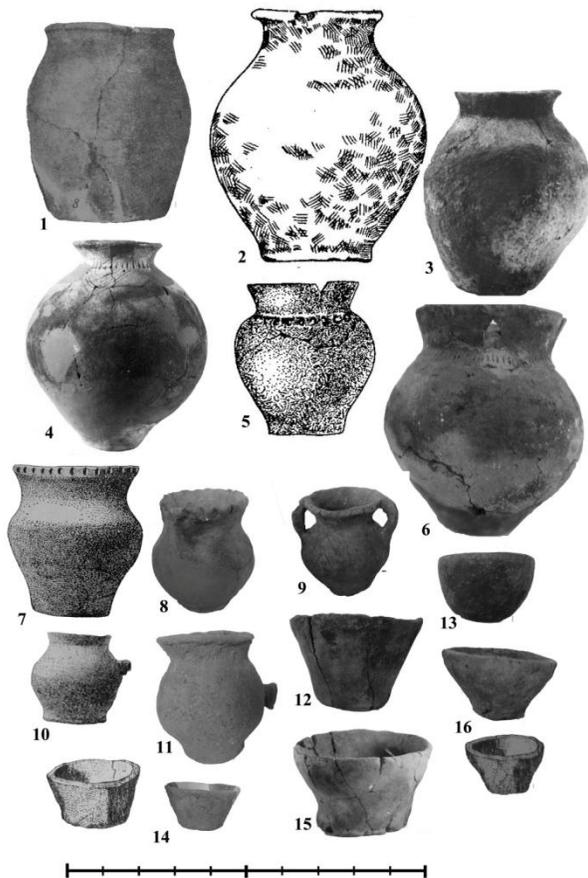

Рис. 4. Лепная посуда из погребений второй половины V–IVвв. до н.э.: 1 – Михайловка, погр. 2; 2 – Вышетарасовка. Курган 21 (насыпь); 3 – Висуньск, курган 4, погр. 1; 4 – группа Солохи, курган 4, погр. 2; 5 – Вышетарасовка. Курган 48, погр. 1; 6 – Новое, курган 3; 7 – группа Лисьих Могил, курган 2, погр. 3; 8 – Акимовка, курган 2, погр. 2; 9 – Акимовка, курган 2, погр. 1; 10 – группа Лисьих Могил, курган 1, погр. 3; 11- Кут, курган 13, погр. 14; 12 – Антоновка, курган 2, погр. 32; 13 – Антоновка, курган 2, погр. 31; 14, 16 – Коминтерн, курган 17, погр. 1; 15 – Бакшала, курган 2, погр. 2

Трикветры в культурах эпохи раннего железа степной полосы Евразии

В.К. Фёдоров

*Институт этнологических исследований Уфимского
федерального исследовательского центра РАН, Уфа, syuri@yandex.ru*

Знак в виде трех исходящих из одной точки изогнутых лучей, называемый трикветр (лат. triquetra), неоднократно встречен в древностях ранних кочевников Евразии.

Наибольшее количество трикветров отмечено в оформлении предметов конского снаряжения, причем они имеются в древностях всех периодов – от раннескифского до позднесарматского и распространены на огромной территории от Черного моря до Тихого океана. Формы их удивительно разнообразны.

К раннескифскому времени относятся ременные бляхи, имеющие округлые плоские навершия с тремя крюкообразными выступами, найденные у коня, погибшего при штурме крепости Кармир-Блур [1 с. 33, рис. 13, 8-9] (рис. 1, 1-2). В кургане 3 могильника Тасмола-5 также раннескифского (раннесакского) времени «вихреобразные» трикветры плакированы золотом на железных круглых бляшках уздечного набора [2 с. 427, рис. 71-72] (рис. 1, 3-6). В могильнике Юйхуанмяо (северный Китай, близ Пекина) (VII-VI вв. до н.э.) на пятнадцати бронзовых бляхах пао (пао) с округлым выпуклым щитком, входящих в состав конского снаряжения, изображены «головы трех драконоподобных существ», образующие трикветр [3 с. 57-58, рис. 63, 15-16] (рис. 1, 7-8).

В более позднее время (V-IV вв. до н.э.) многочисленные трикветры с изображениями голов животных найдены во Фракии, где представлены плоскими уздечными бляхами [4 рис. 11, 2-4, 6, 9-11; 5 с. 138, рис. 5, 1-4, 8; 6 с. 47, cat. 10b; 7 с. 69-70, рис. 1, 5, 6, 8-11; 2, 8, 12] (рис. 1, 9-16). Найденные в Скифии два трикветра этого типа из уздечного набора №6 кургана Огуз сделаны, по всей вероятности фракийскими мастерами [5 с. 143-145, рис. 10] (рис. 1, 17). Больше в древностях европейской части степной зоны в дорубежное время

© Федоров В.К., 2020

Работа выполнена в рамках НИОКТР № АААА-А19-119042300139-1 «Музей археологии и этнографии: коллекционные ресурсы, исследовательская деятельность и новые информационные технологии».

изображений трикветра на предметах конского снаряжения, как кажется, не встречается.

На Южном Урале необычная разновидность трикветра найдена в погребении 7 кургана 16 могильника Лебедевка VII в Западном Казахстане. Это два бронзовых подпружных кольца, в которых трикветр образован тремя головами грифонов, направленных клювами внутрь [8 с. 124, рис. 73, 2-3] (рис. 1, 19-20).

В степной части Евразии известна небольшая серия однотипных в целом блях, у которых ветви трикветра образованы изогнутыми телами хищных животных, головы которых обращены к центру. Это случайная находка в Пвлодарском Прииртышье [9 с. 183-187, рис. 1, табл. I, 4] (рис. 1, 18), две бляхи из погребения 4 кургана 1 могильника Илекшар I в Западном Казахстане [10 с. 77, рис. 4, 1, 4], в лесостепной полосе – фрагментированная бляха, происходящая с площадки Пьяноборского могильника [11 рис. 5, 1].

В пазырьской культуре на деревянном украшении конской упряжи из второго Башадарского кургана вырезан трикветр из трех «запятых», плотно соединенных между собой [12 с. 253, рис. 129п] (рис. 1, 21). На войлочном украшении седельной крышки из второго же Башадарского кургана на круглом теле двух грифонов три обособленные «запятые» из войлока другого цвета также образуют трикветры [12 табл. СХVII, 2] (рис. 1, 22). Трикветр, составленный из трех «запятых», есть на золотой бляхе из Аскыровского клада II-I вв. до н.э. в Минусинской котловине [13 табл. 94, 26] (рис. 1, 25). Другая бляха из этого клада разительно напоминает фракийские украшения конской узды, равно как и тагарская бронзовая пронизь из коллекции И.И. Лопатина (Минусинский округ, случайная находка) [13 табл. 94, 21; 14 с. 72, 74, рис. 38, 1; 15 с. 79, № 221; 7 рис. 2, 3] (рис. 1, 23-24), но едва ли они связаны с ними генетически. Здесь лишь пример конвергентного возникновения схожих форм в разное время и на разных территориях.

В древностях среднесарматского времени на предметах конской упряжи также изображались трикветры. На золотых фаларах из Косики и собрания музея Метрополитен изображены обращенные к центру клювами головы грифонов, в центре же находится треугольник [16 с. 162, рис. 13; 17 с. 60, 66, 137, 164, рис. 22, кат. 55, рис. 49, 2] (рис. 1, 26-27). В Центральном Предкавказье в одном из погребений I – начала II в. н.э. Подкумского могильника найдена литая бронзовая бляха с тремя крюками на плоском щитке, расположенными в виде трикветра [18 с. 147, рис. 57, 49] (рис. 1, 28).

На деталях уздечных наборов поздних сарматов также известны разнообразные трикветры. У ажурно-прорезной выпуклой округлой бляхи из кургана 2 могильника Котлубань в Нижнем Поволжье, неподалеку от г. Волгограда, основу узора составляет трикветр с серповидными лучами [19 с. 173, рис. 1, 3] (рис. 1, 29). Пластинка в виде трикветра с короткими заостренными ветвями приклепана к круглой налобной бляхе коня из погребения 1 кургана 6 могильника Солодовка I в Волгоградской области [20 с. 228, 232-233, 235, 237-238, рис. 4, 1а, рис. 6, рис. 7, 1] (рис. 1, 31). Оригинальны два заключенных в круг трикветра, имеющих вид треугольника с отходящими от углов завитками, из кургана 24 могильника Лебедевка VI в Западно-Казахстанской области [21 с. 248, рис. 3, 9-10] (рис. 1, 30). Эти уздечные бляхи выступают своеобразными «наследниками» драгоценных среднесарматских фаларов с трикветрами [20 рис. 7].

Особое положение среди всех раннекочевнических памятников, где найдены предметы, несущие знак трикветра, занимает могильник Филипповка I на Южном Урале. Изображений трикветров здесь найдено 31, все из золота, с конским снаряжением ни один предмет не связан. В погребении 2 кургана 4 найден железный меч с золотыми инкрустированными изображениями людей и животных. На бедрах двух животных – хищника и оленя нанесен знак трикветра, еще один трикветр находится на свободном поле, его касается рогами другой олень [22 с. 230-231, рис. 3; 5, 11; 8, 44; 7, 30] (рис. 2, 1). Только в Филипповке трикветр встречен в оформлении золотых оковок деревянной посуды – отдельные небольшие оковки в форме трикветра [23 кат. 540, 582-585] (рис. 2, 6), прямоугольная оковка с кругом, в который вписан трикветр [23 кат. 335] (рис. 2, 5), а также ручка деревянного сосуда в виде полый фигуры лошади, на обоих бедрах которой нанесен углубленный знак трикветра [23 кат. 466] (рис. 2, 2). Такой же углубленный знак имеется на нашивных бляшках с изображением фигурок диких баранов (20 штук), он также располагается на их бедрах [23 кат. 785-804] (рис. 2, 3-4).

Нашивные бляшки с знаком трикветра встречаются и в среднесарматское время, так трикветр представлен в Тилля-Тепе на 34 золотых округлых бляшках с тремя бирюзовыми «запатыми» и с треугольником в центре [24 с. 115, рис. 63, cat. 2, 30] (рис. 2, 7). Золотые бляшки в форме трикветра известны в это время и в Прикубанье [25 табл. 54, 6; 26 рис. 11, 72] (рис. 2, 8).

В орнаментации украшений знак трикетра использован не часто. На перстне из Сибирской коллекции Петра I щиток разделен перегородками на три ячейки в форме «запятых» с небольшим треугольником между ними [27 табл. XXI, 47] (рис. 2, 9). В центральном погребении кургана, расположенного на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища (Прикубанье), найдена бронзовая подвеска типа кулона с изображением трикетра [28 с. 52, табл. 6, 16] (рис. 2, 10).

Зеркала с трикетрами имеются в заметном количестве только в тагарских древностях. Трикетры здесь изображены на кнопках зеркал: «орнамент, который оказался почти на половине всех как-либо украшенных кнопок – трехлучевая свастика» [29 с. 85, табл. 21, 1] (рис. 2, 11). Целый ряд таких зеркал найден среди «тагарских бронз» из хуннских кладов [30 с. 128, 131, рис. 3,1; 9, 1; 31 с. 94-95, рис. 5, 2; 6, 17].

Особую группу составляют петроглифы с трикетрами. Все они находятся в Туве. В Куйлуг-Хеме (камни VII и VIII) трикетры своеобразных очертаний с «волнообразными» ветвями располагаются среди многочисленных изображений животных [32 с. 380-384, табл. 4, 3; табл. 5; табл. 6] (рис. 3, 3). Знак трикетра нанесен на плечо одного из четырех оленей группы из пяти петроглифов горы Хербис (рис. 11, 5). Олень с трикетром расположен выше всех, он идет вперед и вверх [33 рис. 7, 4]. На камне 40 у подножия горы Алды-Мозага на верхнем Енисее выразительный трикетр со спирально закрученными ветвями «спроецирован» на фигуру лося-самца, примерно в районе его плеча [34 рис. 197] (рис. 3, 2).

Поискам закономерностей, связанных со знаком трикетра у ранних кочевников степей Евразии, препятствует ряд факторов. Во-первых, удивительное разнообразие форм самого знака, ветви которого имеют спиральную, волнообразную, вихреобразную, крюкообразную конфигурацию, либо представляют собой «запятые», головы или тела животных. Во-вторых, наличие сходных, очень близких и даже идентичных форм в разных культурах на разных территориях и в разные хронологические периоды. Так, трикетры, у которых ветви имеют вид голов животных распространены от Китая до Фракии, во все периоды от раннескифского до среднесарматского. И всё же некоторые общие черты выявить возможно.

Прежде всего, это «бросающаяся в глаза» особенность трикетров – связь ряда из них с образами животных. Их можно разделить на четыре группы:

1) Ветви образованы головами животных, по большей части хищных птиц, но есть и головы млекопитающих – льва (?), лошадей (?). Наибольшая концентрация отмечена во Фракии, отдельные предметы найдены в Скифии (Огуз), на Южном Урале (Лебедевка VII), в Минусинской котловине (Аскыровский клад), северо-восточном Китае (Юйхуанмяо); в среднесарматское время в Нижнем Поволжье (Косика) и Иране (?) (Метрополитен-музей).

2) Ветви образованы телами животных: Южный Урал (Илекшар), Павлодарское Прииртышье, площадка Пьяноборского могильника.

3) Трикветр нанесен на тело животного: Южный Урал (Филипповка I), Тува (гора Хербис).

4) Трикветр касается рогов животного: Южный Урал (Филипповка I), Тува (Куйлуг-Хем).

Поскольку существует устойчивая традиция видеть в изображении трикветра солярный символ, в этих трикветрах можно предполагать воплощения «солнечных» животных, известных в мифологиях многих народов. «Солнечные» орлы, кони, львы, олени известны во многих мифологических традициях [см. статьи «Орел», «Конь», «Лев» в двухтомнике «Мифы народов мира», также: 35]. В петроглифах изображения трикветров, нанесенных или «спроецированных» на тело животного, а также «прицепленных» к его рогам, является, вероятно, иллюстрацией к «солнечным» мифам. Нельзя не удивляться длительному существованию традиции помещать на предметы конской упряжи знаки трикветра, равно как и широчайшему территориальному ее распространению. Для нас важна именно приуроченность большинства из них к предметам конского снаряжения, от сбруйных блях до седельной покрывки. Учитывая солярное содержание изображения трикветра, нельзя не вспомнить о «быстроконном солнце» массагетов (*Herod.* I, 216). Использование подобных знаков в оформлении конского снаряжения, имеет, по-видимому, помимо мифологического, еще и апотропеическое значение.

Можно также выделить группу трикветров – «личных» апотропеев. Это те, что находятся на предметах индивидуального использования – подвеске, перстне.

Не исключено, что имеются и трикветры – чисто декоративные элементы, в изображении которых нет никакого «особенного» смысла. Так, золотые оковки деревянных сосудов, найденные в кургане I Филипповки I (рис. 2, 6), ничем не выделяются среди других небольших овок во множестве найденных в этом кургане и имеющих, в

основном, вид разного рода завитков [36 рис. 13, 5; 14, 5]. Единственную близкую аналогию они имеют в золотых нашивных бляшках в виде трикветров из памятников Прикубанья среднесарматского времени, где они также являются лишь одним из многих типов бляшек (рис. 2, 8). Трикветры-оковки и трикветры-бляшки более соответствуют чисто декоративным элементам, причем генетической связи между ними нет. При этом среди множества разнообразных золотых нашивных бляшек те, что выполнены в виде трикветра, встречаются очень редко.

Выводы. Знак трикветра в степях Евразии раннего железного века распространен достаточно широко, но очень неравномерно. В скифское время в европейской части большинство находок сконцентрировано во Фракии, и лишь одна в собственно Скифии (Огуз). На Южном Урале они известны, фактически, только в одном памятнике (Филипповка I), но в заметном количестве и все из золота (31 штука). В азиатской части есть в северо-восточном Китае, Туве, Минусинской котловине, на Алтае, причем они исключительно разнообразны как по морфологии, так и по материалу изготовления. Только в Туве имеются петроглифы с трикветрами. В средне- и позднесарматское время находки трикветров более характерны для западных областей – Нижнее Поволжье, Бактрия, Северный Кавказ. Во все периоды и на всех территориях встречаются зооморфные трикветры, особенно с ветвями в виде голов животных (преимущественно хищных птиц). Также во все периоды и на всех территориях трикветры часто встречаются в оформлении предметов конского снаряжения. Изображения трикветра имеют, видимо, символическое и мифологическое содержание, им придавались апотропеические свойства. Однако нельзя исключать того, что иногда изображение трикветров играло роль лишь декоративного элемента.

Литература

1. *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001. 324 с.
2. *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.И. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз ССР, 1966. С. 303-433.

3. Шульга П.И. Синьцзян в VIII-III вв. до н.э.: Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 240 с.
4. Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 106-127.
5. Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // Российская археология. 1995. № 1. С. 133-147.
6. Bunker E.C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections. The Metropolitan Museum of Art. New York: Yale University Press, 2002. 234 p.
7. Королькова Е.Ф. Знаковая система, приемы композиции и некоторые устойчивые мотивы в искусстве звериного стиля (зооморфные свастики и вихревые розетки) // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10. С. 64-72.
8. Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 160 с.
9. Акишев А.К. Новые художественные изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1976. С. 183-195.
10. Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) // Российская археология. 2009. №3. С. 72-78.
11. Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль: Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. 2004. Вып. 2. С. 275-297.
12. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
13. Пишеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 224-235.
14. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
15. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее: Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
16. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в.н.э. у с. Косика Астраханской области // Вестник древней истории. 1993. № 3. С. 141-179.

17. *Мордвинцева В.И.* Полихромный золотой стиль. Симферополь: Универсум, 2003. 216 с.
18. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Ин-т археологии РАН, 1993. 240 с.
19. *Скрипкин А.С.* Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // Советская археология. 1989. №4. С. 172-181.
20. *Глухов А.А.* Новые сарматские воинские захоронения II– первой половины III в. н. э. из Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2005. Вып. 7. С. 226-241.
21. *Мошкова М.Г.* Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии волго-донских степей. 2001. Вып. 1. С. 236-249.
22. *Яблонский Л.Т., Рукавишников И.В., Шемаханская М.С.* «Золотой» меч из царского кургана №4 могильника Филипповка I // Вестник древней истории. 2011. № 4. С. 219-250.
23. Коллекция Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. Уфа: Китап, 2018. 400 с.
24. *Sarianidi V.* Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Aurora, 1985. 260 p.
25. *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
26. *Марченко И.И.* Сираки Кубани: По материалам погребений Нижней Кубани. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1996. 336 с.
27. *Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 52 с., XXVII табл.
28. *Раев Б.А., Беспалый Г.Е.* Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006. 110 с.
29. *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
30. *Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В.* Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 126-136.
31. *Бородовский А.П., Оборин Ю.В.* Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т.17. № 7. Археология и этнография. Новосибирск. С. 86-98.

32. *Дэвлет М.А.* Петроглифы Куйлуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: ТОО «Старый сад», 2001. С. 370-438.

33. *Килуновская М.Е.* Наскальные изображения на горе Хербис (Пий-Хемскийкожуун Республики Тыва) // Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 214-237.

34. *Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.* Мифы в камне: мир наскального искусства России. М.: Алетейя, 2005. 472 с

35. *Килуновская М.Е.* Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве (по материалам петроглифов и оленных камней) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 103-107.

36. *Федоров В.К.* Материалы к каталогу неизданных предметов из драгоценных металлов, найденных в кургане 1 Филипповского могильника // Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2012. С. 235-257.

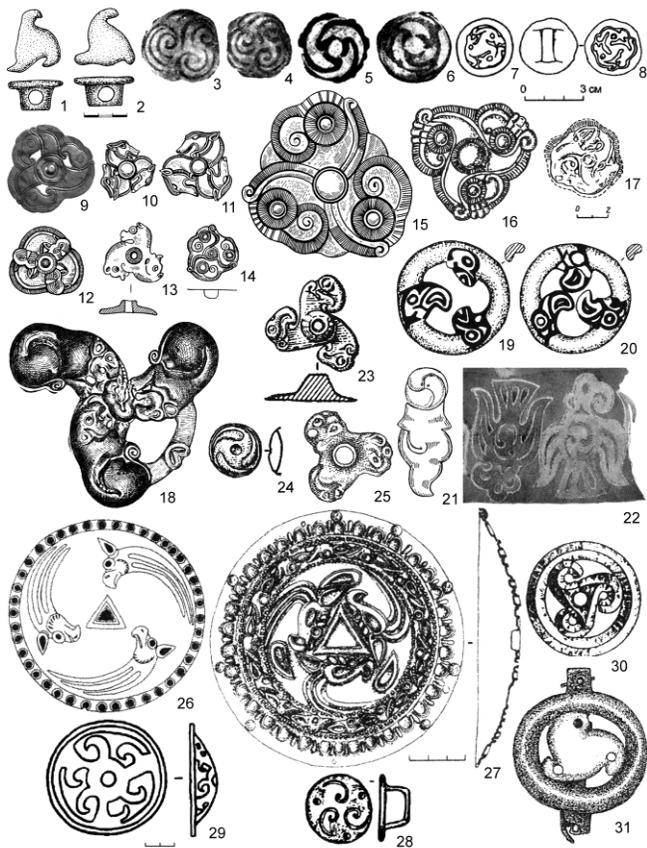

Рис. 1. Трикетры в оформлении предметов конского снаряжения. 1–8 – VII–VI вв. до н.э.; 9–25 – V–I вв. до н.э.; 26–31 – I–IV вв. н.э.: 1 – Кармир-Блур, по [1 рис. 13, 8–9]; 2–6 – Тасмола-5, по [2 рис. 71–72]; 7–8 – Юйхуанмяо, по [3 рис. 63, 15–16]; 9 – коллекция галереи Ariadne, по [6 cat. 10b]; 10–11 – Крайова, 12 – Мезек, 13 – Браничево, 14 – Аджиголь, 15 – Браца, по [4 рис. 11, 2–4, 6, 9–11]; 16 – Летница, 17 – Огуз, по [5 рис. 5, 2; 10]; 18 – Павлодарское Прииртышье, по [9 табл. I, 4]; 19–20 – Лебедевка VII, по [8 рис. 73, 2–3]; 21–22 – второй Башадарский курган, по [12 рис. 129п; табл. CXVII, 2]; 23–24 – Аскыровский клад, по [13 табл. 94, 21, 26]; 25 – Минусинский округ, случайная находка, по [7 рис. 2, 3]; 26 – Метрополитен-музей, [по 17 рис. 49, 2]; 27 – Косика, по [16 рис. 13]; 28 – Подкумский могильник, по [18 рис. 57, 49]; 29 – Котлубань, по [19 рис. 1, 3]; 30 – Лебедевка VI, по [21 рис. 3, 9]; 31 – Солодовка I, по [20 рис. 7, 1]

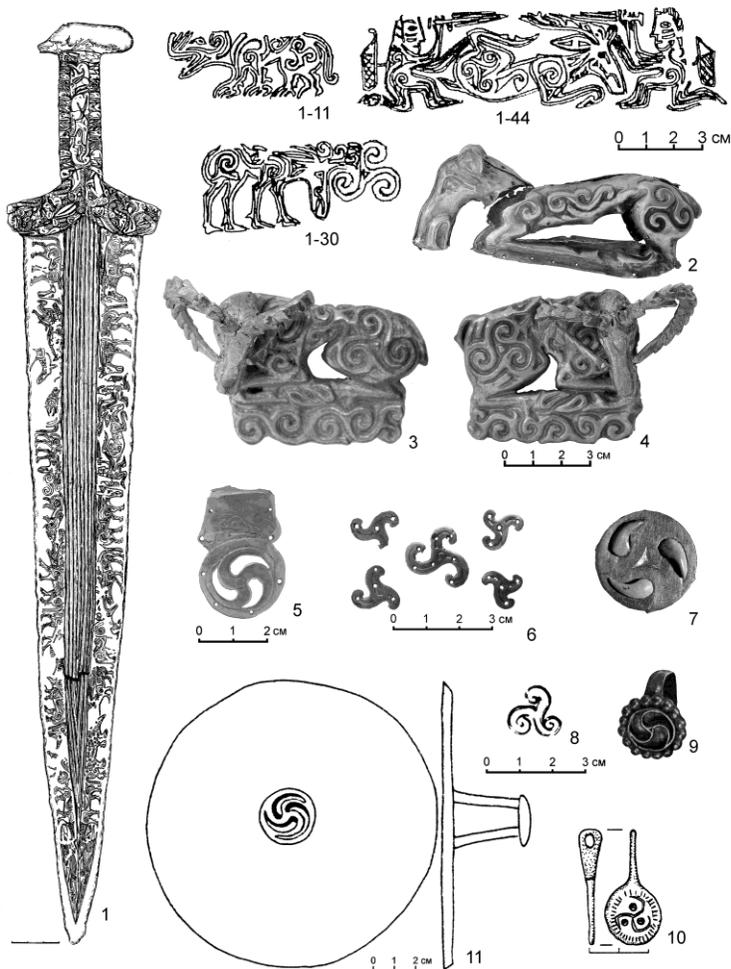

Рис. 2. Трикетры в оформлении предметов вооружения, оковок деревянных чаш, нашивных бляшек, украшений, зеркал: 1 – Филипповка I курган 4 погребение 2, по [22 рис. 3; 5, 11; 8, 44; 7, 30]; 2-6 – Филипповка I курган 1, по [23 кат. 335, 466, 540, 582-585, 785-804]; 7 – Тилля-Тепе, по [24 рис. 63]; 8 – Некрасовская, по [25 табл. 54, 6]; 9 – Сибирская коллекция Петра I, по [27 табл. XXI, 47]; 10 – Новолабинское, курган, по [28 табл. 6, 16]; 11 – с. Тесинское, по [29 табл. 21, 1]

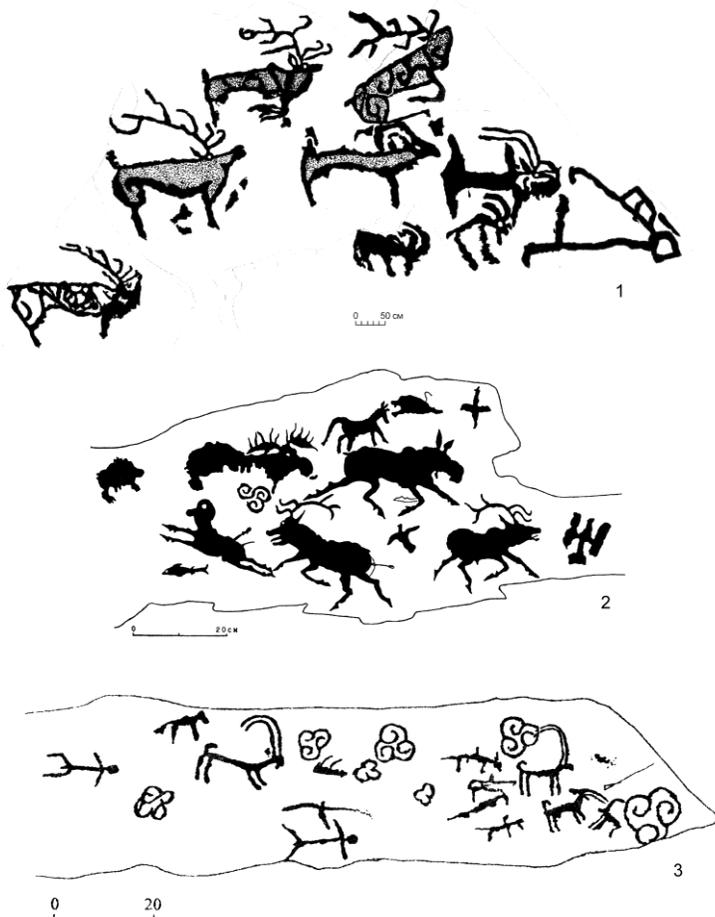

Рис. 3. Трикетры в петроглифах: 1 – гора Хербис, по [33 рис. 7, 4];
 2 – камень 40 у подножия горы Алды-Мозага, по [34 рис. 197];
 3 – Куйлуг-Хем, камень VII, по [32 табл. 4, 3]

Элементы античного культа смерти
в погребальной обрядности населения
Центрального Предкавказья в III–I вв. до н.э.

Ю.А. Прокопенко
*Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, z_proko_15@mail.ru*

В III – начале II в. до н.э. определенное влияние в религиозном смысле на население Центрального Предкавказья оказывала культура античных городов Северного Причерноморья. С этим связано и распространение в Предкавказье каменных гробниц – склепов, характерных для погребальной традиции греков, а также синдов и знати меотов. В некоторых погребальных комплексах Ставропольской возвышенности, района Кавминвод и предгорий Центрального Предкавказья присутствуют вещи, традиционные для античной погребальной обрядности. Это монеты, бляшки с античными сюжетами, медальоны – горгонеины и детали терракотовых ожерелий [11 с. 235-236].

Многочислен материал о монетах, несущих нагрузку «Обола мертвых» («обола Харона»). По античным представлениям, загробное царство бога Аида находилось под землей. Чтобы попасть туда, душа умершего должна была переправиться через подземную реку Стикс, поэтому часто умершему вкладывали монету («обол мертвых»), чтобы ему было чем заплатить за перевоз через Стикс перевозчику теней Харону.

Данный принцип «обола» в некрополях Азиатского Боспора встречается с IV в. до н.э. в первое время лишь в погребениях, совершенных по нормам эллинского ритуала [9 с. 7]. В связи с этим следует отметить погребение в гробнице, раскопанной в начале XX в. в г. Ставрополе. В зубах погребенный держал золотую древнегреческую монету. Аналогичные погребения с монетами известны из раскопок могильника III – II вв. до н.э. у ст. Елизаветинской. А.А. Масленников, указывая на появление «обола Харона» в меотском Прикубанье, все же оговаривается, что возможно, данные могилы принадлежат приезжим грекам [9 с. 71]. С данным предположением согласуются результаты исследований Елизаветинского могильника.

Постепенно этот обряд воспринимают и племена, занимавшие земли Предкавказья восточнее меотозоев. Традиция класть монету в погребение прослеживается в ряде сарматских погребений Центрального Предкавказья. При этом монеты на деле имели разное назначение. Встречаются монеты – украшения (имеющие отверстие для подвешивания). Например, в Чегемском могильнике обнаружены две монеты с пробитыми отверстиями: а) медная монета Пантикапея 375 – 340 гг. до н.э. (погр. 17); б) понтийская медная монета I в. до н.э. (погр. 128) [5 с. 203]. В ряде случаев фиксируется именно «обол мертвых». Из четырех античных монет, поступивших в коллекцию графа Е. Зичи из могильников Чегема и Баксана, только одна является привеской, остальные не имеют отверстий и петелек [20 pl. XXV].

Отголосок обряда «обола Харона» прослеживается в нартовском эпосе. В частности у осетин посмертное путешествие души описывается так: «Умерший, уйдя от родных, вскакивает на лошадь. Вскоре он встречает на своем пути разных дозорных и должен дать им несколько лепешек – из тех, что предусмотрительно были положены в могилу. Затем он подходит к реке, через которую перекинуто бревно. У реки стоит Аминон. Прежде чем пропустить умершего, он допрашивает его...» [4 с. 196]. В данном случае монета заменена лепешками, в целом сюжет аналогичен греческому варианту переправы через подземную реку Стикс.

Кроме античных монет в погребениях нередко находки терракотовых медальонов с изображением Медузы-Горгоны реже – других божеств. Позолоченные медальоны – горгонейоны – типичная находка для многих районов Прикубанья. Картирование находок свидетельствует об их проникновении вглубь материка вдоль речной системы Кубани и далее на восток.

В гробницах склеповых и др. могильников Центрального Предкавказья III – начала II в. до н.э. также наблюдается значительное количество таких изделий античного производства. Это медальоны, обнаруженные в верховьях Кубани (Дружбинское городище) [1 с. 66], в склепах № 1, 3, 4 и 5 могильника № 2 Татарского городища (южные окрестности г. Ставрополя) [7 с. 68-72], в Чегемском могильнике [10 табл. XXVI, 99] (рис. 1, 21), в долине Чегема и Баксана – коллекция Е. Зичи (2 экз.) [20 pl. XXV, 14] (рис. 1, 17-18), на правом берегу Баксана у впадения речки Кисанти (коллекция Н.А. Вырубова) [11 рис. 34-35] (рис. 1, 34-35). Отличается от перечисленных медальоны с изображением богини Деметры и образом Афины (?) в шлеме из

могильника Камунта (территория Северной Осетии) [17 с. 317, рис. 250] (рис. 1, 28).

А.А. Малышев согласен с утвердившимся мнением, что керамические украшения с позолотой изготавливались специально для погребальных церемоний [8 с. 50]. По мнению исследователя, образ Медузы был чрезвычайно популярен у племен, населявших Северное Причерноморье во второй пол. I тыс. до н.э. По предположению Д.С. Раевского, греческая семантика сама по себе не могла обеспечить такой популярности горгонейонов у скифов. Как отметил автор, мотив наложился на местный хтонический образ богини – прародительницы [14 с. 174-175].

Ассоциация Медузы со смертью не удивительна, не только из-за ее окаменяющего взгляда, но также учитывая ее смертность; она воплощает в себе хтоническую истину о том, что смерть – неизбежный аспект жизни [19 р. 13]. Важно отметить, что наиболее яркие черты Медузы Горгоны (которая представлялась некогда владычицей всех стихий) – хтонизм, связь с водой и конями – не менее характерны и для змееной богини-прародительницы. И тот и другой образы равно связаны со змеями (змееносность или змееволосость, а также змеиный пояс у Горгоны) и с грифонами [18 с. 98-99]. Образ Медузы Горгоны использовался в качестве декорирования погребального костюма. Например, в скифском Большом Рыжановском кургане второй пол. IV в. до н.э. края накидки на калафе умершей был украшен рядами золотых бляшек с такими изображениями [15 с. 287, рис. 146 и 188].

В памятниках Центрального Предкавказья известны три варианта изображений Медузы Горгоны на горгонейонах: 1) красивое женское лицо с прямыми чертами, открытым лбом, большими глазами и полуоткрытым ртом в ореоле (по окружности) волос-змей (долина Чегема – коллекция Е. Зичи) (рис. 1, 13); 2) женское лицо с прямыми чертами, закрытой лобной частью и высунутым языком в ореоле кудрявовидных волос-змей (Дружбинское городище; правый берег Баксана у впадения речки Кисанти) (рис. 1, 12, 16-17); 3) детское лицо с пухлыми щеками, открытым лбом и высунутым языком. Волосы-змеи показаны рудиментарно (долина Чегема и Баксана – коллекция Е. Зичи; Чегемский могильник) (рис. 1, 14-15).

Скорее всего, древнее население связывало образ Медузы Горгоны с могущественными подземными силами, имеющими непосредственное отношение к погребальному культу. Змеевидные волосы Горгоны, изображенные на бронзовых доспехах, судя по всему, были значимым

элементом изображения для их обладателя. Горгонейон в глазах древних обитателей Прикубанья, а возможно и Центрального Предкавказья, имел магическую защищающую (так как ими украшали жизненно важные части тела – голова, грудь), и может быть, очищающую силу. Об этом свидетельствует сам факт присутствия их в погребениях, а также находка одного из них в амфоре из погребального комплекса [8 с. 53-54]. Помимо смысловой нагрузки этого образа, известную роль могла сыграть престижность, мода на эти украшения.

Одновременно с горгонейонами распространялись ожерелья из терракотовых подвесок, а также пальметок (см. реконструкцию А.В. Пьянкова – рис. 1, 33). Следует отметить подвеску в виде женской головки из гробницы кургана у х. Раздольный, пронизь-пальметку прямоугольной формы из склепа № 2 могильника № 1 Татарского городища (рис. 1, 25), серию сосульковидных терракотовых подвесок, пальметок, а также подвеску в виде головки молодой женщины из Чегемского могильника (рис. 1, 1, 10-11, 22-23), две антропоморфные подвески, сосульковидные подвески и пальметки из долины Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи) (рис. 1, 2, 4-7, 9, 21, 26-32), терракотовую позолоченную гилянду и подвеску в виде женской головки из могильника Камунта (рис. 1, 3, 20), сосульковидную подвеску из склепа Коба-Баши [11 с. 236-237, рис. 215] (рис. 1, 8). У большинства терракотовых привесок есть прототипы, выполненные в золоте. Видимо, они являлись дешевыми заменителями золотых погребальных украшений.

Все перечисленные терракотовые антропоморфные подвески представляют собой рельефное изображение статуарной женской головки. Лицо – классическое, обрамленное двумя косами с проработанными прядями. На голове – головной убор в виде антефикса. По краю стрельчатый венец имеет невысокий рельефный бортик, внизу разомкнутый. Оба конца валика образуют волуны. Внутри венца просматривается рельефная пальметка. В верхней части находятся два продольных параллельных сквозных отверстия для подвешивания. Скорее всего, такие подвески являлись центральным украшением одноярусного набора деталей ожерелья [13 с. 8-10].

От перечисленных антропоморфных подвесок отличается своими пропорциями одна женская головка из коллекции графа Е. Зичи. Она меньше по размерам, имеет высокую прическу, завершающуюся невысоким стрельчатым венцом. В верхней части фиксируется только одно отверстие (рис. 1, 4).

По мнению А.В. Пьянкова, одвески в виде головки молодой женщины могут изображать богиню, связанную с культом мертвых, например, Деметру или Кору-Персефону. В качестве доказательства автор приводит факт находки в Ольвии терракоты атрибутированной как изображение Кору-Персефоны и датированной эллинистическим временем [13 с. 8-10].

В эллинистическое и римское время в Центральное Предкавказье поступали и другие образцы античного искусства (металлические статуэтки, бюсты, маски и др.) [11 с. 57, рис. 30, 1]. Возможно, импортные статуэтки в сарматское время наделялись теми же магическими свойствами, какие были характерны для местной культовой пластики предскифского и скифского времени. Их также могли использовать в действиях, связанных с культом плодородия или с культом мертвых (предметы выявленные в погребальных сооружениях).

Особо отметим два фрагмента антропоморфных глиняных изделий (видимо, от одного изображения), найденные в квадрате VIII «В» Грушевского городища – юго-западные окрестности г. Ставрополя (раскопки А.В. Гадло) (рис. 2, 1). Первый представляет собой левую часть изображения человеческого лица. Видны левая часть носа, верхняя и часть нижней губы, часть подбородка и щека. В технике низкого рельефа проработан глаз. Форма глаза миндалевидная, в центре – овальный зрачок. Другое изделие, скорее всего - правая часть того же изображения. Сохранился фрагмент правой стороны выступа, к которому примыкает углообразный налеп брови. Глаз и зрачок по форме и технике проработки аналогичны глазу на первом фрагменте (Архив Ин-та археологии РАН, ф. Р – 1, д. 7045в, л. 11; 16) (рис. 2, 1). Это реалистическое изображение человеческого лица уникально. Обратим внимание на сходство техники рельефа на этом керамическом изделии и античных терракотах.

Подобные изделия в виде маски Медузы Горгоны использовались в период античности в погребальной практике. Отмеченный предмет может быть терракотовым украшением античного деревянного саркофага, аналогичным изображениям Медузы Горгоны, найденным на некрополе Фанагории (склепы 145/2010 и 224/2014) [2 с. 74, рис. 17] (рис. 2, 2-3). А.М. Новичихин допускает, что кроме Медузы Горгоны следует предполагать еще один возможный вариант интерпретации для Грушевского. Это изображение может быть и лицом богини, связанной с культом мертвых – Кору-Персефоны; в нашем случае это важно,

поскольку верхняя часть изображения утеряна (любезная консультация А.М. Новичихина).

Но подобные маски (?) находят и в жилых комплексах поселений (например, на Грушевском городище). Считается, что они могли служить украшением стен жилищ и мебели. Несколько подобных плоских керамических изображений хранится в фондах Анапского археологического музея и Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Интерпретация персонажей разная. Среди них, по сведениям А.М. Новичихина, образ Медузы Горгоны.

Значительно реже в памятниках местного населения Центрального Предкавказья встречаются другие античные изображения, предположительно связанные с культом смерти.

В погребении 24 кургана 1 могильника у с. Комарово (республика Северная Осетия-Алания) погребальный полог или костюм умершей был украшен большим количеством разнообразных золотых бляшек [3]. В их число входили изображения грифона: 1) грифон, стоящий на панцире черепахи (рис. 1, 37); 2) грифон с подогнутыми ногами и повернутой назад головой (рис. 1, 38); 3) сильно стилизованное изображение грифоноподобного зверя. Известно, что грифоны были подчинены власти подземного Владыки. Вазы с образами грифонов, обнаруженные в античных погребениях, также связаны с богом мертвых [18 с. 400]. Изображения грифонов в IV – III вв. до н.э. являются распространенным вариантом декорирования погребального головного убора знатных скифянок. Например, ряды крупных прямоугольной формы бляшек с грифонами (в комплексе с бляшками с изображением Кору) украшали края накидки на калафе погребенной из кургана 8 курганной группы «Пять братьев» у ст. Елизаветинской [16 с. 80, цветная вкладка 1].

В склепе «Каменная могила» (окрестности г. Железноводска) были обнаружены 3 крупные прямоугольные штампованные бляшки квадратной формы из золотой фольги. Размеры: 31 x 31, 31 x 31 (сохранилась частично) и 24 x 24. Скорее всего, предметы являются деталями декора погребального костюма (головного убора) – калафа или клобука.

На бляшках в квадратной рамке из псевдозерни изображена морская нимфа nereida верхом на гиппокампе (морское чудовище – конь с рыбьим хвостом). У нимфы лицо обращено к зрителю, сидит она боком. Изображение очень схематично. Овал вокруг лица (капюшон?),

поперечные складки на поясе и в нижней части ног, возможно, подчеркивают изгибы широкой туники. В левой руке нимфа держит лук, в правой опирается на круп чудовища, изображенного в профиль. Так же схематично оформлена голова гиппокампа: туловище подпрямоугольной формы с выемками на месте рта и глаза. Передние конечности чудовища (показаны редуцированно) загнуты, упираются в левую перекладину рамки. Его хвост, закрученный в кольцо, поднят вертикально (касается правой перекладины рамки) [11 с. 247] (рис. 1, 10).

Можно предположить, что речь идет об античном сюжете, связанном с морской нимфой Фетидой. Она рождает прославленного героя Ахилла. Когда тот теряет доспехи, Гефест, по просьбе Фетиды, изготавливает новые, и Фетида доставляет их сыну... [6 с. 293-307].

Ахилл – божество, связанное как с морем, так и со смертью. Изображения nereиды также связаны с нею. Они отмечены в погребальном костюме умерших и в качестве декоративной детали саркофагов. Сопоставляя этот сюжет с аналогичными ему изображениями везущих оружие Ахиллу nereид на височных подвесках и бляшках из погребений Большой Близницы (склеп № 1 – височная подвеска, склеп IV - бляшка), а также на деревянных украшениях анапского саркофага, можно предположить семантическую связь всех этих изображений с представлениями о морском путешествии умершего в страну мертвых [18 с. 388].

Интересно, что в случае с бляшками из Каменной могилы Фетида везет вместо доспехов лук. Видимо, это связано с более поздней (III в. до н.э.) варварской трактовкой античного мифа. Причинно-следственные связи сюжета размываются.

Как уже отмечалось, изображения Медузы Горгоны и грифонов декорировали края накидок на погребальные калафы. Вероятно, и ряды из бляшек с образом Фетиды на гиппокампе также располагались вдоль краев накидки головного убора. При этом сюжеты: Медуза Горгона, Кора-Персефона и Фетида на гиппокампе характерны и для украшений античных саркофагов. Итак, все отмеченные изображения, открытые в гробницах склеповых могильников и в сарматских погребениях Центрального Предкавказья III – I вв. до н.э., связаны с культом мертвых.

Зона распространения античных монет, бляшек с античными сюжетами, керамических горгонейонов и терракотовых ожерелий с

позолотой в Предкавказье маркирует регион, население которого в то время выделялось сходством своих культурно-религиозных традиций.

Литература

1. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. 355 с.
2. *Ворошилова О.М.* О склепах Фанагории 1 – 5 вв. // Материалы по археологии и истории Фанагории. 2018. Т. 7. Вып. 4. М.: Ин-т археологии РАН. С. 56–77.
3. *Гиджратли Н.И., Наглер А.О.* Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СОАССР // Античность и варварский мир Под ред. В.А. Кузнецова. Орджоникидзе: Ир, 1985.
4. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 227 с.
5. *Керешов Б.Н.* Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972 – 1979 гг. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 167-187.
6. *Кинжалов Р.В.* Грустная Нерейда // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1998. Вып. 12. СПб.. С. 293–307.
7. *Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Черкасов В.А.* Исследование кургана № 5 на втором могильнике Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Материалы Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа / Под ред. М.П. Мохначева. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. С. 68–72.
8. *Мальшев А.А.* Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 г. М.: МГУ, 1993. 96 с.
9. *Масленников А.А.* Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н.э. // Советская археология. 1985. № 1. С. 61-72.
10. *Миллер В.Ф.* Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. 1988. Вып. 1. М. С. 1-99.
11. *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. 725 с.
12. *Прокопенко Ю.А.* Элементы античных культов в погребальной обрядности населения – носителей культуры склеповых захоронений Центрального Предкавказья III –II вв. до н.э. // XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кавказ в системе

культурных связей Евразии в древности и средневековье. Карачаевск: КЧГУ, 2018. С. 247–250.

13. *Пьянков А.В.* Керамические украшения с позолотой с северного берега Краснодарского водохранилища // Древности Кубани. 1998. Вып. 6. Краснодар. С. 8–10.

14. *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.

15. *Скорый С., Хохоровски Я.* Большой Рыжановский курган. Киев: Олег Филук, 2018. 432 с.

16. *Скрипник Т.А.* Головной убор скифянки из Елизаветовского курганного могильника // Донская археология. 1999. № 2. С. 76–84.

17. *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа. (Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII). М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1900. 381 с.

18. *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 483 с.

19. *Karoglou K.* Dangerous Beauty. Medusa in Classical Art (The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Winter 2018). New York. 47 p.

20. *Zichy J.* Kaukasusies közepzai Utazasai comte eu gene die Zichy Vogages au Caucase et en Asie Centrale. T. II. Budapest, 1897.

Рис. 1. Привески, плакетки, гирлянды, медальоны и бляшки с памятников Центрального Предкавказья III – начала II в. до н. э.: 1–11 – привески; 12–19 – медальоны-горгонеоны; 20–32 – бусы; 33 – реконструкция ожерелья (по А.В. Пьянкову); 34–36 – бляшки с изображением нереды на гиппокампе; 37 – бляшка с грифоном на пенцире черепахи; 38 – бляшка, изображающая грифона с подогнутыми ногами; 1, 10–11, 15, 22–23 – Чегемский могильник (по В.Ф. Миллеру); 2, 4–7, 9, 13–14, 21, 24, 26–32 – долины рек Чегем и Баксан (по Е. Зичи); 3, 15–20 – могильник Комунта (по П.С. Уваровой); 8 – склеп Коба-Баши; 12 – Дружбинское городище (по Е.П. Алексеевой); правый берег Баксана (коллекция Д.А. Вырубова); 25 – некрополь 1 Татарского городища, склеп 2 (по А.А. Кудрявцеву и др.); 33 – по А.В. Пьянкову; 34–36 – склеп Каменная Могила; 37–38 – кург. 24, погр. 21 у с. Комарово (по Н.И. Гиджарти, А.О. Наглеру); 1–17, 19–33 – терракота, 19–33 – кость (?), 34–38 – золото

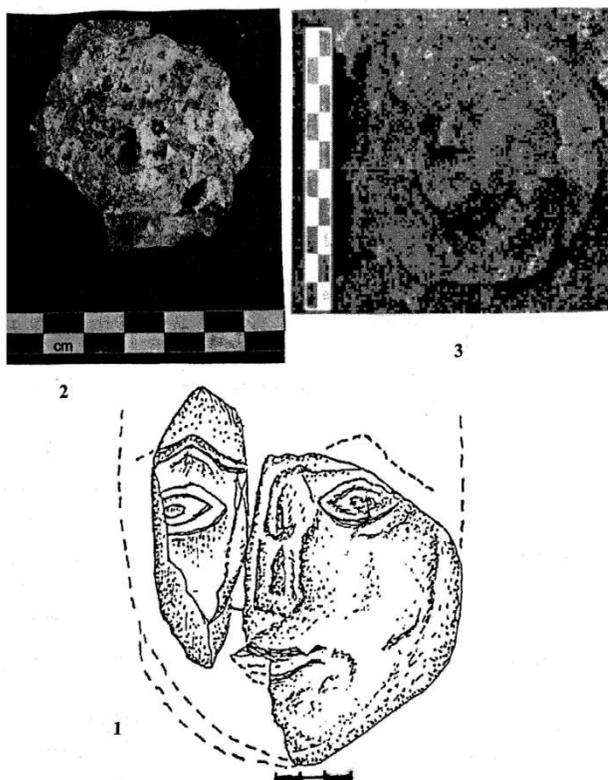

Рис. 2. Терракотовое изображение Медузы Горгоны (?) из Грушевского городища и аналогии ему в склепах Фанагории: 1 – Грушевское городище; 2 – склеп 145 2010 г. в Фанагории: 1 – керамика; 2 – аппликация из сырцово́й глины; 3 – терракотовая аппликация [2].

Сарматские женские погребения с топорами
I–III вв. н. э.

С.А. Яценко

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, sergey_yatsenko@mail.ru

В числе предполагаемых предметов вооружения, которые известны в женских могилах кочевых сарматов европейской степей в I – середине III в. н. э., особое место занимают *топоры*. Они встречаются в социально выделенных могилах [1 с. 201-203; 2 с. 210; 3 с. 61], где обычно у женщин топор был *единственным* оружием, помещенным с умершей. Для сравнения у *скифских* женщин за много веков известны только три (!) достоверных могилы с топорами, причем на периферии скифского мира и только в самых ранних и самых поздних памятниках. Это кург. 7 в Новозаведенном на Кубани рубежа VII–VI вв. до н.э. и в кург. 14 и 31 в Глином у Днестра III–II вв. до н.э. [7 с. 403]. В ряде случаев для таких дам документировано участие в военных конфликтах (так, знаменитая княгиня конца I в. н. э. из кургана 10 в Кобяково погибла, видимо, от попавшей в голову стрелы). Исследователи сарматов считают такой редкий у этих групп кочевников в римское время предмет, как топор, одним из атрибутов статуса или власти [4 с. 51] и предполагают его ритуальные функции [5 с. 229]. Показательна серия *фрагментов* каменных топоров эпохи бронзы («громовых»), попавших в элитные женские могилы с рубежа н.э. [6 с. 60-61], целые из Писаревки под Винницей и из Усть-Лабинской на Кубани [7 с. 405] (у частично ограбленной предполагаемой воительницы из кург. 43 у Усть-Лабинской были и железный топор и древний каменный).

Весьма яркие проявления культового восприятия боевых топоров и чеканов документированы для скифов. Такие изделия оплетали золотой фольгой (курганы Талаевский и у с. Волковцы), покрывали золотыми пластинами с мифологическими сценами (Келермес), оформляли в виде скульптурной головы грифона (Кичкас, кург. 25). Они встречаются как единственный атрибут у мифопоэтических персонажей на ряде изображений (достоверные случаи: поясные пластины из с. Аксютинцы

и монеты г. Керкинтиды в Крыму III в. до н.э. со скифским персонажем) [7 с. 414, рис. 5, 13].

Совершенно иную картину мы наблюдаем у сарматов, сменивших в европейских степях скифов. В сарматском и греко-сарматском искусстве топоры вообще не изображались. Для мужчин-сарматов топор как оружие не упоминается писателями античности, а среди сарматских трофеев в римском искусстве он представлен лишь однажды - у основания колонны императора Траяна в Риме (два однотипных экземпляра из взятой у дунайских роксоланов добычи).

Тем интереснее *серия из 12 находок железных топоров в могилах взрослых женщин* римского времени: на Южном Урале (Новоорский II, кург. 2; Лебедевка, кург. 2), у днепровских порогов (Усть-Каменка, кург. 69), вероятно - на Средней Кубани (кург. 43 у ст. Усть-Лабинской 1902 г.), *но прежде всего (2/3 находок) – в бассейне Нижнего Дона и его притоков* с I по середину III вв. н.э. (Перегрузное I, кург. 38; Новый, кург. 71 и 96: в двух последних могилах топор был типа кельта; он встречен в Новом и в мужских могилах (иногда – в комплекте со стрелами); Алитуб, кург. 26; Кобяково, кург. 10; Валовый I, кург. 9; Высочино V кург. 18; Чугуно-Крепинка, кург. 2) [1 с. 201; 3 с. 58-60, рис. 8-9, 11; 7 с. 404]. Последнее не удивительно, т.к. только у низовий Дона в римское время по ряду причин концентрируются некрополи с женщин-воительниц [3 с. 65, рис. 5]. К сожалению, большинство известных в сарматских могилах топоров – плохой сохранности, особенно их лезвия, на которых могли бы сохраниться следы использования. Единственный топор сложной, необычной формы найден в Донбассе (кург. 2 у с. Чугуно-Крепинка): на нем в пять рядов размещались пятнадцать выступов-шишичек (рис. 2, 4), напоминая некоторые парадные топоры Луристана X–VII вв. до н.э. Иногда топор образовывал набор с боевым ножом (Чугуно-Крепинка; Новый, кург. 71) или с таким бытовым (?) инструментом, как пешня (Перегрузное I и, вероятно, Новый, кург. 71). Топор у женщин могли положить в специальную нишу вместе с пешней в стенке могилы (Перегрузное I), у ларца римской работы (Кобяково). Обычно он помещался ближе к голове. Видимо, в эпоху эллинизма образы античного искусства, связанные с мифическими амазонками (в частности, их важнейший атрибут со времен поздней архаики – двулезвийная секира) отразились в декоре костюма реальных воительниц (золотые бляшки) юэчжей Бактрии (Тилля-тепе, могила 2) и сарматов Нижнего Дона (Высочино V, кург. 18) [8 p. 13, fig. 16, 3-4].

Даже в самых бедных из названных некрополей женщины с топорами занимали особое, не вполне рядовое место. Так, в Усть-Каменке у дамы в кургане 69 лицо было покрыто розовой краской (редчайший случай), она размещалась в своеобразном саркофаге, а в насыпи кургана имелись четыре жертвенных ямы. Обе могилы в Новом принадлежали к одному из типов (простые ямы) и отличались редкими здесь аксессуарами костюма (золотые нашивные бляшки, серебряный перстень). А комплексы в Кобяково и Валовом I, с обилием драгоценных аксессуаров из золота и серебра, относились к кочевой аристократии.

Имеются ли в науке сведения об особой роли топора в различных ритуалах женщин родственных сарматам иранских и индоиранских народов? Да, такая информация, хотя и скудная, к счастью, сохранилась, особенно в природных изолятах высокогорья. Так, у кафиров Гиндукуша перед их исламизацией в конце XIX в. существовал важный ритуал, призванный обеспечить победу мужчин во время войны и набегов. Жены их устраивали особые танцы, наряжаясь в одежду своих мужей и используя при этом их боевые топоры (в этих районах института женщин-воительниц не было). Неоднократные устраительницы таких танцев получали почетный в женской субкультуре ранг '*mir*' и ряд привилегий [9 p. 621-626, fig. on p. 622]. У кафиров были особые топоры для ритуальных танцев [10 с. 141]; нередко их получали по наследству. Кстати, женщины Северного Кафиристана, участвовавшие в разноплановом продвижении мужчин по лестнице рангов заслуг, законно претендовали на атрибуты мужчин [10 с. 126]. У дардов, говоривших на языке шина, шаманы '*dayal*' еще недавно были обычно именно женщинами, а их главным атрибутом являлся *топор* (он, как считалось, чудесным образом появлялся «из ниоткуда» при посвящении шаманки, а после ее смерти сразу же бесследно исчезал) [10 с. 293-294].

Иными словами, можно допустить, что топоры (в том числе – каменные) нередко были полифункциональны: они использовались и как реальное оружие, и как ритуальные атрибуты для особых обрядов (возможно, включавших танцы и ритуалы, типологически близкие шаманским, документированным у осетин еще в XIX в. [ср. 6; 11]).

Литература

1. *Яценко С.А.* Сарматский могильник 2-й половины I - начала II вв. н.э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // Старожитності степового Причорномор'я і Криму 2016. Т. XIX. Запорожье. С. 196–212.

2. *Яценко С.А.* Женщины-воительницы у ранних кочевников: социальный статус, экипировка и костюм // Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции / Отв. ред. Я.В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. - С. 203-213.

3. *Яценко С.А.* Женщины-воительницы ранних кочевников в больших и малых некрополях (к анализу планиграфии и уточнению статуса) // Сходнознавство. 2018. № 82. Київ. С. 47–84.

4. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. Москва: Наука, 1971. 172 с.

5. *Шевченко О.Б.* Ритуальна функція використання предметів озброєння у жіночих похованнях сарматів – списи, мечі, сокири // Археологія, етнологія та охорона культурної спадщини Південно-Східної Європи / Відп. ред. О.В. Смиртина. Одеса: ОНУ, 2018, с. 224–231.

6. *Яценко С.А.* О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н.э. – II в. н.э.) // Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1. / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2007: Изд-во АлтГУ. С. 58–66.

7. *Никаноров В.П.* Культ боевых топоров у древних ираноязычных народов: скифы Северного Причерноморья // Академическое востоковедение в России и странах ближнего Зарубежья (2007-2015). / Под ред. В.П. Никанорова, В.А. Алекшина. СПб.: Контраст, 2005. С. 395–424.

8. *Yatsenko S.A.* On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors // Global Journal of Archaeology & Anthropology. 2019. Vol 8. Issue 4. No 555742. New York. P. 1–15.

9. *Robertson J.S.* The Kafirs of Hindukush. London: Lowrence and Bullen Ltd., 1896. 658 p.

10. *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.

11. *Яценко С.А.* О шаманстве у алано-осетин // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа / Отв. ред. В.А. Шаповалов. Ставрополь: СГУ, 2001. С. 73-75.

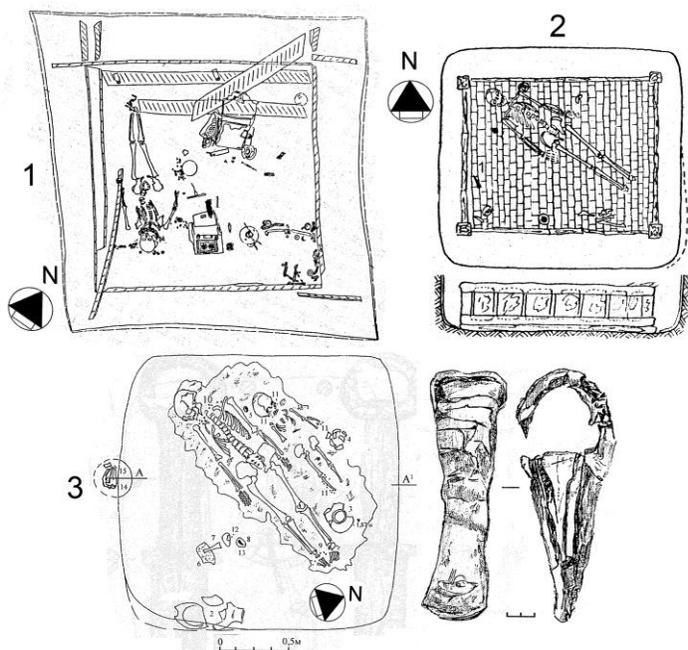

Рис. 1. Образцы женских погребений с топорами среднесарматской культуры: 1 – Кобяково, кург. 10; 2 – Усть-Каменка, кург. 69; 3 – Перегрузное I, кург. 38 [3 рис. 9 и 11]

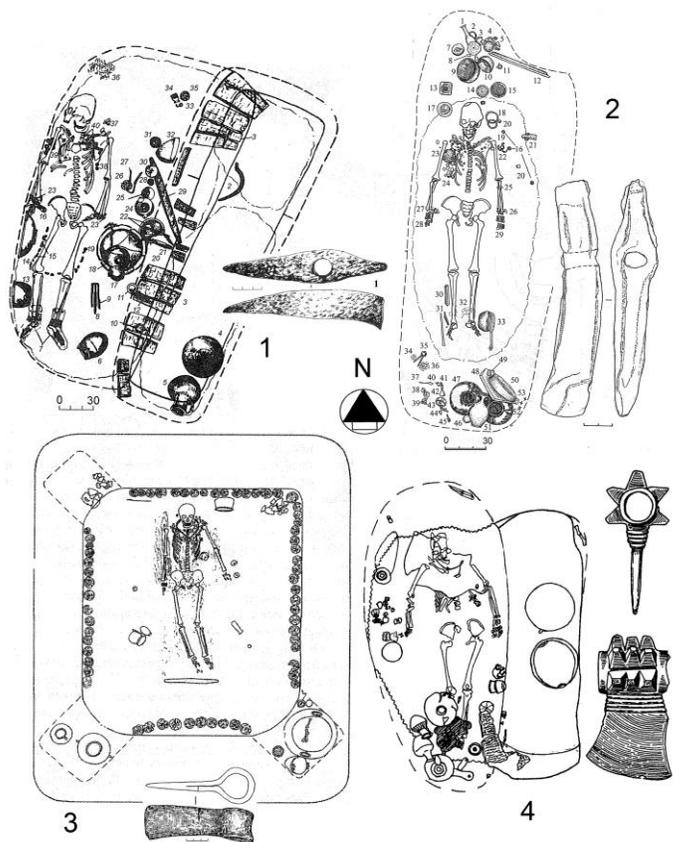

Рис. 2. Образцы женских погребений с топорами позднесарматской культуры: 1 – Высочино V, кург. 18; 2 – Вальный I, кург. 9; 3 – Лебедевка, кург. 2; 4 – Чугуно-Крепинка, кург. 2 [3 рис. 9 и 11]

Погребение с Золотой маской из Керчи:
детерминация пола
в контексте погребального обряда и инвентаря

О.В. Шаров

Институт археологии РАН, Москва, olegsharov@mail.ru

Самым ярким элитным комплексом Боспора позднеримской эпохи является знаменитая могила «царицы с маской», открытая А. Б. Ашиком в 1837 г. на Глинище в Керчи [1 с. 140-142; 2 с. 10-14. Табл. I]. С момента первых публикаций самые яркие находки из этого комплекса стали широко иллюстрировать в отечественной и западноевропейской литературе очерки по позднеантичному Боспору [3 S. 8; 4 p. 111, 113, 124; 5 p. 433-435; 6 S. 336-337; 7 с. 317-318; 8 p. 40-41]. Данный комплекс вошел в науку под разными названиями: «Погребение царицы с Золотой маской», «Погребение царя Рискупорида II», «царская гробница жены Рискупорида II», «погребение с Золотой маской 1837 года», «комплекс Глинище 1837 года», «Grab mit goldene Maske, Jahre 1837» [9 S. 426. Abb. 7; 10 S. 46-48. Abb. 16A; 11 p. 93-98; 12 с. 74-76; 13 с. 28] и т.д. Кратко коснемся истории его открытия [2 с. 10-14; 13 с. 26-27].

В большом кургане высотой 9,6 м в окрестностях татарской деревни Глинище, на глубине 4,27 м от древней дневной поверхности был найден мраморный саркофаг, имевший форму параллелепипеда с треугольной крышей и коническими фигурами по углам, напоминающими рога [1 с. 141]. В нем лежал скелет в полном убранстве с большим количеством драгоценных находок (рис. 1). Помимо золотой маски на лице (рис. 2) [14 №1] и золотого венка-диадемы с центральной пластиной, украшенной по краям четырьмя гранатами в оправках [14 № 2], на костяке были найдены золотые серьги, украшенные гранатами, золотая гривна, два золотых браслета, два золотых перстня с вставками камней и золотое кольцо [14 № 3, 5-10]. По сторонам тела лежали фрагмент золотой фибулы (ось ее с частью пружины и иглой: см. [14 № 12]), деревянное веретено, покрытое золотой фольгой [14 № 11], кожаный кошелек [14 № 49], бронзовая фибула (не поступала в

хранение Гос. Эрмитажа, но см.: [20. С. 54]), золотой флакон, украшенный гранатами, несколько оправленных в золотую оправу гранатов [14 № 4, 14], монета с монограммой «BAE» (в Эрмитаж не поступала), 560 золотых бляшек, которыми была усеяна одежда [14 № 15–31]. Остальные вещи лежали без точного указания, частично в самом саркофаге, частью в могильной яме.

Я не буду касаться в данной работе проблематики хронологии комплекса (он датируется второй половиной III - началом IV вв. н.э. [13 с. 38-42]), т.к. она подробно разобрана в целом ряде работ. Остановимся на интерпретации уникального керченского погребения.

Интерпретация этого комплекса как погребения царицы Боспора была принята в большинстве ведущих научных работ XIX – первой трети XX в. [13 с. 27–33; 15 с. 97–100]. Эта точка зрения долгое время была преобладающей, и в большинстве обобщающих трудов, посвященных археологии позднеантичного Боспора, об этом комплексе писалось, как о «погребении Царицы в Золотой маске», «погребении жены» или «супруги царя Рескупорида» [16 р. 220, 227; 17 с. 252–253; 3 S. 8. Taf. II; 5 р. 433–435; 6 S. 336–337; 18 с. 12–13, 19 с. 48].

Но существовала, начиная с середины XIX века, и иная точка зрения, не замеченная большинством исследователей Боспора. Впервые, мысль о том, что в этом кургане может быть похоронен сам царь Рескупорид, была высказана блестящим знатоком античности – академиком Л. Э. Стефани. В «Путеводителе по античному отделению Эрмитажа» он пишет: «Черты лица маски носят, очевидно, *более мужской*, чем женский характер. Изображение всадника на венце также говорит в пользу предположения *мужского покойника*. Вероятнее всего, что в гробнице были похоронены муж и жена вместе, и что маска и венок, находившийся в гробнице непосредственно над маской, принадлежали *мужу*. Надпись серебряной чаши, там же найденной, делает вероятным, что *покойник был одним из боспорских царей, носящих имя Рескупорида*» [21 с. 74]. Этот вариант атрибуции данного комплекса, несмотря на очень высокий авторитет Л. Э. Стефани, не получил широкого научного признания и оказался в XIX–XXI вв. прочно забытым.

В 20-х гг. прошлого столетия появилась точка зрения о том, что серебряное блюдо могло быть подарком Каракаллы царю Рескупориду, и этот комплекс мог быть погребением самого царя Рескупорида II/III. Она была высказана М.И. Ростовцевым [22 р. 103–105], и именно ее подхватили ведущие отечественные специалисты [23 с. 421–424; 24; 25;

26 с. 27, 87. № 739; 27 S. 443–444]. Один из авторов этой концепции, В. Ф. Гайдукевич писал следующее: «В 1837 году в одном из курганов, расположенных за Керченским предместьем Глинище, была раскопана гробница, в которой оказался мраморный саркофаг с останками царя Рескупорида III или одного из членов его семьи» [23 с. 421–424; 27 S. 443–444]. Несмотря на эту почти официальную точку зрения, часть ученых все же склонялась к точке зрения А.Б. Ашика – Ф.А. Жилия, что это погребение жены или наложницы царя Рескупорида III [1 с. 140–142; 2, с. 12, 14].

Известнейший антрополог И.И. Гохман в 2004 г. по моей просьбе осмотрел Золотую маску на предмет определения, с какого лица она могла быть изготовлена – с мужского или с женского? Им был проведен детальный антропологический анализ керченской маски и обработаны метрические результаты. По заключению И.И. Гохмана, золотая маска реалистически копирует или изображает лицо мужчины возраста 30–35 лет, европеоидного облика [13 с. 31] (к сожалению, наша совместная с И.И. Гохманом статья о Золотой маске так и не была закончена из-за болезни и последовавшей за этим смерти глубокоуважаемого соавтора). Это подтвердило старую точку зрения Л.Э. Стефани, но осталось непонятным, почему по многим деталям костюма, включая бусы, серьги, флакончик, веретено, сотни бляшек, усыпавших одежду, вуали-накидке на голове – это погребение можно в большей степени считать женским? Также смущали размеры костяка, которые были указаны А.Б. Ашиком в отчетах – около 150 см. Не увязываются с этим ростом и размеры Золотой маски: ее высота 22,5 см, при обрезанной верхней части, так как вверху маски крепилась золотая диадема и, соответственно, маска должна была по всем правилам золотого сечения принадлежать человеку совсем иного роста – не менее 170–175 см. По остальным деталям [оружие – два бронзовых меча, две парадных конских упряжи, тип диадемы (аналогичные встречены только в мужских комплексах Керчи: Аджимушкой, 1841 г. и погребение 1910 года у садов Ф. Пери [10 Abb. 9, 11, 23; 11 Fig. 80. 92])] комплекс может считаться мужским, что и подтвердил антропологический анализ маски.

Итак, предварительно можно высказать на сегодняшний день как минимум три варианта объяснения этого необычного факта: либо это было одновременное захоронение мужчины и женщины, как предполагал в 1856 г. Л.Э. Стефани, совершенное по «особому» обряду, и тогда вся информация А.Б. Ашика об открытии комплекса может быть подвергнута сомнению; либо это захоронение, возможно, царицы, но с

мужской золотой маской на лице; либо мужчины, похороненного по особому обряду в «женском» или же в «ритуальном/сакральном» одеянии.

Фантастичны все версии, и, несомненно, самым уязвимым моментом является наличие в данном комплексе золотой маски. Все ее описания сходятся в одном, что маска сделана по гипсовому посмертному слепку [28 с. 23-25]. Это оказалось общим заблуждением, так как, по мнению Р.С. Минасяна и Е.Р. Шаблавиной, гипсовый слепок при работе чеканом обязательно бы разбился, и работа с золотым листом толщиной до 0.5 мм могла вестись только по деревянной резной модели. Об этом свидетельствует как отсутствие следов обработки внутренней поверхности маски, так и отсутствие царапин, которые появились бы при работе с более твердым материалом [29 с. 78-80]. Я нашел подтверждение этим выводам в результате экспертизы трасологической лаборатории Музея искусств и ремесел в Гамбурге [Museum für Kunst und Gewerbe im Hamburg]. По заключению специалистов, золотая маска, происходящая из раскопок городского некрополя Сидона I-II вв., была изготовлена чеканом по деревянной резной модели, обернутой тонкой кожей [30 S. 30-32]. Отмечу, что отпечатки материи также хорошо читались на оборотной стороне керченской маски. В римское время золотые погребальные маски были известны на периферии античного мира - на восточных окраинах Великой Римской империи: в Сирии, Ливане, Саудовской Аравии, Израиле и Ираке [31 S. 299-302]. Они в основном происходят из грабительских раскопок. В тех случаях, когда известны условия их размещения в могилах, они также всегда лежат на лице. Дитер Кваст выделил все находки римской эпохи в группу римско-парфянских масок и указал на максимальное скопление находок золотых масок на территориях современной Сирии и Ливана [31 S. 275, Abb. 9]. Эти маски передают индивидуальные черты лица, т.е. развитие традиции шло по линии создания портрета, но эти маски очень грубой работы и изготовлены из тонкой золотой фольги. Их вес колеблется от 35 до 70 г [30 Fig.1, 2; 31 S. 267, 299-302: Abb. 8, 14-16,19]. В этом же «восточном» стиле изготовлена золотая маска из Ольвии, которая также грубо передает индивидуальные черты лица: прямой, широкий нос, узкое лицо и длинные вислые усы [10 Taf. 17a-b]. Вероятно, при работе с тонкой золотой пластинкой можно было обойтись и без деревянной резной основы и работать только с гипсовым слепком, но это совершенно невозможно было сделать при работе с керченской маской весом 254 грамма.

По стилю исполнения (мастерство резчика по дереву и последующей работы чеканщика) керченская золотая маска явно очень близка к прекрасным образцам античных бронз и скульптур (рис. 2), чего нельзя сказать об остальных известных на сегодня золотых масках [14 № 52, 56; 31]. Очень близки по иконографии к портретным чертам керченской маски некоторые черты лица известного эрмитажного бронзового бюста, приписываемого Динамии – тот же тяжелый подбородок, опущенные складки рта, полные губы, припухлость над верхней губой, одутловатое лицо, сильная асимметрия лица [10 с. 75–76; 15 с. 98–100]. Может быть, эти общие иконографические детали говорят нам о неких традициях портрета боспорской школы торевтов? Так кому же принадлежала золотая маска? Царю, царице или члену их рода?

Я склоняюсь к мнению, что золотая маска – мужская и принадлежала, с большой долей вероятности, царю Боспора, но это не исключает и других самых разнообразных версий. Если мы принимаем первую точку зрения – о двух погребенных сразу, то возникает вопрос: можно ли разделить погребальный инвентарь на мужской и женский при условии описания этого комплекса автором раскопок как единого (рис. 1)? Условно – да: к мужскому погребению можно отнести диадему, маску, оружие, две конские упряжи, вероятно, весь серебряный сервиз, включая серебряное блюдо и бронзовую посуду, но при этом варианте в погребении практически нет вещей, которые можно было бы отнести к «мужскому костюму» (к мужскому костюму, равно как и к женскому, можно отнести лишь две фибулы: бронзовую и золотую). Зато в изобилии представлены предметы, относящиеся к «женскому» костюму: золотые бляшки, вуаль, две низки бус, серьги, браслеты, туалетный флакон, серебряная пиксида с амурами, бронзовое зеркало и т.д. Это деление на два условных погребения вполне возможно, но при большом допущении, так как я исхожу из презумпции доверия к автору раскопок. Если мы склонны доверять сведениям А.Б. Ашика [1 с. 140–142], то, скорее всего, нужно рассматривать, как минимум, еще два варианта: *второй вариант*: речь может идти об особом обряде погребения, ритуале, по которому на лик женщины возложили мужскую золотую маску, надели царскую корону, а рядом положили царские регалии [скипетр\жезл, золотая узда с царской тамгой, серебряное блюдо-поднос с царской монограммой]; *третий вариант* – когда мужчина в золотой маске был одет в особые, возможно, не столько женские, сколько в «*сакральные*» или

«*ритуальные*» одежды. Я больше склоняюсь ко *второму* варианту, хотя аргументов для этого очень немного. Один из них связан с находками начала XIX века в Месопотамии. Речь идет о находках двух золотых мужских масок из некрополя Ниневии, одна из которых была обнаружена с монетой Максимиана Фракийца (235-238 гг.) в каменном саркофаге, а во втором погребении золотая маска, изображающая пожилого мужчину с длинной бородой, лежала, по сведениям О. Бенндорфа, на лице женщины [3 Taf. XIV, 1, 2]. Мы не знаем с какими обрядами или культами связаны эти действия. Отмечу, что и у керченской и у ниневийской маски широко открыты глаза (у погребальных масок издревле глаза закрыты часто, в частности, у маски «Агамемнона» и ряда других [31 Abb. 2, 16 und 19, 2]) и четко оформлен разрез рта, что сближает их по этим признакам с египетскими масками саркофагов [31 Abb. 17: S. 284-286] и с ритуалом «отверзания уст и очей». Для сравнения, у египтян маска саркофага — это запечатленный образ Ка умершего, или его «двойника», который пребывает в гробнице. Кроме того, маска, изображающая умершего вечно молодым и совершенным — это врата, сквозь которые вылетает из тела «душа» — птица Ба, для того чтобы вернуться в том случае, если будет оправдательным решение суда богов. Ба, согласно древнеегипетским текстам, покидает тело через *рот*, возвращается — *через глаза*. Именно для того, чтобы открыть душе «ворота» тела, над маской саркофага перед погребением совершалась знаменитая церемония «Отверзания уст и очей», позволяющая умершему видеть, ощущать, двигаться, и, наконец, покидать земное тело, которое было лишь временным пристанищем для его души. Египтяне полагали, что именно тогда маска выполняет свою главную функцию: она помогает Ба «опознать» свое тело. Как правило, маска несет индивидуальные черты покойного и становится ориентиром для вернувшейся праведной души (Ба). Когда Ба возвращается в тело, а это происходит через *глаза* погребальной маски, наступает его воскрешение.

Возможно, причина положения на лицо мужской золотой маски кроется не только в сакральной сфере, а в самой системе погребальной обрядности, отражающей смену гендерных ролей² в реальном или потустороннем мире, но это всего лишь гипотеза, не объясняющая множество других факторов, которые повлияли на появление золотой

² Например, при престолонаследии на Боспоре / Риме, где всегда царями/императорами были мужчины, хотя монеты от имени жен / императриц периодически выпускались.

мужской маски в погребальном ритуале. В.В. Иванов пишет о многочисленных функциях погребальных масок в потустороннем мире: «Она может сама охранять покойного в этом новом мире, может служить знаком этого мира, где она заменяет прежнее лицо человека, наконец, она может символизировать одного из постоянных обитателей этого мира. Выбор из этих возможностей следует делать на основе других данных о заупокойном культе [32 с. 335-336], которые нам в случае с керченской маской пока неизвестны.

Таким образом, керченская золотая маска продолжает хранить свои секреты, и ответы на вопросы: почему рост погребенной/погребенного не соответствовал по пропорциям размерам маски? почему могли положить мужскую золотую маску на лик женщины? пока остаются открытыми для дискуссии.

Литература

1. *Ашик А.Б.* Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса: Тип. А. Брауна, 1850. 197 с.

2. ДБК. Древности Боспора Киммерийского / Под ред. Ф. А. Жилия. СПб: Имп. Академия Наук, 1854. Т. I -279 с.; Т. II- 339 с.; Т. III: 86 табл., 7 л. чертежей и планов.

3. *Benndorf O.* Antike Sepulcralmasken und Gesichthelme// Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Phil.-histor. Classe. Bd. 28/ Hrsg. von Otto Benndorf. Wien, 1878. S. 301–375.

4. *Linus de Ch.* Les origines de l' orfèvrerie cloisonnée, Т. II. Paris: Eduard Didron, Charles Klincksieck, 1878. 510 p.

5. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge: Univ. Press, 1913. 720 p.

6. *Ebert M.* Südrussland in Altertum// Bücherei der Kultur und Geschichte. Bd.12. Bonn-Lepzig: Schroeder, 1921. 430 S.

7. *Кондаков Н.П., Толстой И.И.* Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб: Имп. Академия Наук, 1890. 192 с.

8. *Reinach S.* Antiquites du Bosphore Cimmerien. Paris: Firmin-Didot, 1892. 213 p.

9. *Šarov O.* Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen

Jahrhunderten / Hrsg.: Cl. von Carnap-Bornheim. Marburg: Wachholtz Verlag, 1994. S. 417–428.

10. *Šarov O.* Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospor // Kontakt-Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. nach Christus / Hrsg.: Cl. von Carnap-Bornheim. Marburg: Wachholtz Verlag, 2003. S. 35–64.

11. *Sharov O., Kazanski M.* Les Rois au Masque D'Or // Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les Goths aux Huns. Le nord de la mer noire au Bas-empire et a l'epocue des grandes migration. Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe [400–1000A.D.]. BAR. № 1535. Oxford: John and Erica Hedges, 2006. P. 93–100.

12. *Шаров О.В.* Золотая Маска из Керчи // Древний Мир / Отв. ред. И. Ладюков. Киев: Виол-Принт, 2006. С. 74–76.

13. *Шаров О.В.* Погребение с Золотой маской // Тайна Золотой маски: каталог выставки Государственного Эрмитажа / Отв. ред. А.М. Бутягин. СПб: Гос. Эрмитаж, 2009. С. 17–42.

14. Тайна Золотой маски: каталог выставки Государственного Эрмитажа / Отв. ред. А.М. Бутягин. СПб: Гос. Эрмитаж, 2009. 204 с.

15. *Шаров О.В.* Золотая маска из Керчи // Российская археология. 2009. № 3. С. 96–100.

16. *Gille F.* Musee de l'Ermitage Imperiale: Notice sur la formation de ce Musee et description de diverses collections qu'il renferme avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. SPb.: L'Аkademie Imperiale des Science, 1860. 382 p.

17. *Жиль Ф.А.* Музей Императорского Эрмитажа. Описание различных собраний, составляющих музей с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и образовании музея нового Эрмитажа. СПб: Императорская Академия Наук, 1861. 409 с.

18. *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь: Гос. Керченский арх. музей, 1926А. 96 с.

19. *Марти Ю.Ю.* Путеводитель по керченским древностям. Керчь: Гос. Керченский арх. музей, 1926Б. 60 с.

20. *Амброс А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР (Свод археологических источников. Вып. Д1–30). М.: Наука, 1966. 126 с.

21. *Стефани Л.Э.* Путеводитель по античному отделению Эрмитажа // Пропилеи. Кн. V / Под ред. П. Леонтьева. М.: Университ. Тип, 1856. С. 257–336.

22. *Rostovtzeff M.* Une trouvaille de l' époque Greco-Sarmate de Kerch // *Momumente et Memoriam.* 2003. Т. XXVI. Paris: E. Leroux, 1923. P. 99–163.
23. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: АН СССР, 1949. 624 с.
24. *Иванова А.П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л.: Изд-во ЛГУ, 1953. 192 с.
25. *Скалон К.М.* О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время // *Археологический сборник Гос. Эрмитажа.* 1961. Вып. 2. Л. С. 114–140.
26. *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе. (Свод археологических источников. Вып. Д1–27). М.: Наука, 1970. 280 с.
27. *Gaidukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1971. 604 S.
28. *Кузнецов С.К.* Погребальные маски, их употребление и значение. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1906. 44 с.
29. *Минасян Р.С., Шаблавина Е.А.* Техника изготовления вещей из погребения Рескупорида // *Тайна Золотой маски. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже / Под ред. А.М. Бутягина.* СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 77–96.
30. *Rieth A.* Goldene Masken // *Antike Welt.* 1973. 4/1. Berlin. S. 28–34.
31. *Quast D.* Goldener Sepulkral schmuck der Römerzeit aus Tartūs / Antarados (Syr) // *Honesta Missione. Festschrift für Barbara Pferdehirt.* Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2014. S. 265–311.
32. *Иванов В.В.* Маска как элемент культуры // *Избранные труды по семиотике и истории культуры.* 2007. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 333–344.

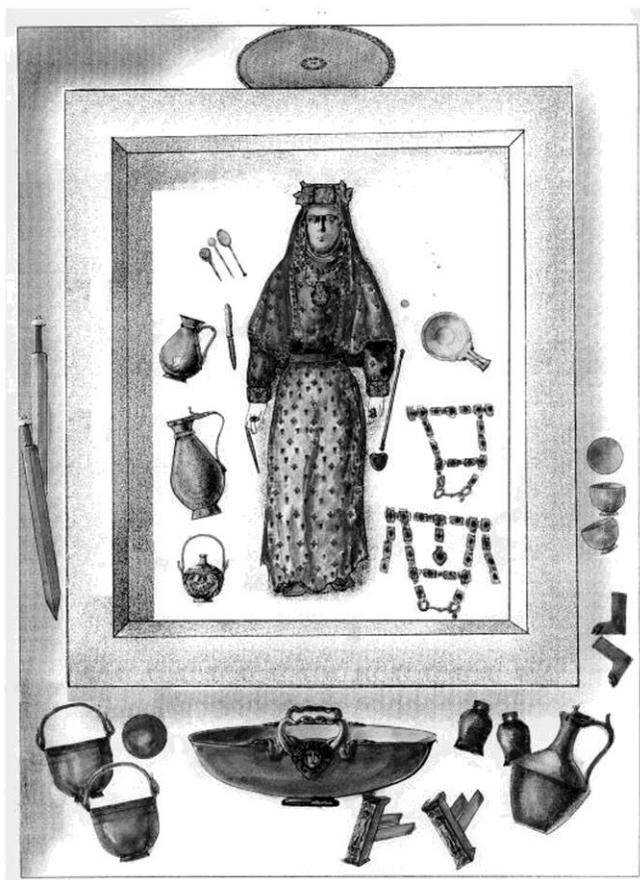

Рис. 1. Реконструкция расположения погребального инвентаря комплекса могилы с Золотой маской, Керчь, 1837 г. [12 рис. 1]

Рис. 2. Золотая погребальная маска из погребения. Керчь, 1837 г.
[14 № 1]

Наконечники стрел в погребениях
Боярского («Арай») могильника III–V вв.
в Среднем Прикамье

Е.М. Черных

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, etch59@mail.ru*

О.Ф. Хайруллина

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, olenbka93@bk.ru*

В течение семи лет (2002-2005, 2007-2009) отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета под руководством Е.М. Черных, Т.А. Лаптевой, С.Е. Перевощикова и О.А. Карпушкиной проводились раскопки могильника эпохи великого переселения народов вблизи деревни Боярка Каракулинского района Удмуртской Республики. Обстоятельства выявления нового памятника и его изучение диктовались варварским разрушением могильника (с применением тяжелой техники) «черными копателями». Всего на могильнике изучено 183 погребения по обряду ингумации в ямах и более 200 костяков (здесь учтены и все кости, собранные после масштабных разрушений некрополя «черными копателями»). Могильник включен в круг памятников мазунинского типа пьяноборской культурно-исторической общности (мазунинской культуры, по Т.И. Останиной) и датирован второй половиной III – рубежом IV-V вв. н.э. [1 с. 95]. В сопроводительном инвентаре погребенных достаточно хорошо вычленяются «мужские» и «женские» комплекты, что коррелируется с антропологией. Анализ выполнен последней И.Г. Ширококовым (МАЭ имени Петра Великого, г. Санкт-Петербург). Им же были замечены некоторые физические особенности мужской части погребенных, инвентарные наборы которых включали наконечники стрел (далее – НС). Ниже авторы предпринимают попытку дать детальный анализ этой группы захоронений.

Всего в Боярском могильнике зафиксировано 25 погребений (13,7% от 183 изученных), в сопроводительном инвентаре которых имелись НС, с 27 костяками (14,1% от 192 костяков, обнаруженных в

погребениях) мужского пола в возрасте от 16 до 55 и старше лет: 22, 23А, 33А и 33Б, 40, 59, 63, 66Б, 72, 78, 82, 97, 98, 106, 107, 110, 111, 115А и 115Б, 119, 145Б, 146, 151, 153, 155, 156, 183 (рис. 1, 2). Для захоронений использовались могильные ямы прямоугольной формы с вертикальными стенками и плоским дном, размерами: длина в интервалах 211-240 см (12 погребений) и 241-270 см (6 погр.), ширина – 71-90 см (12 погребений) и свыше 90 см (9 погребений), глубина – 61-80 см (8 погребений) и 81-100 см (10 погребений). Ориентировка могил, как и в целом на могильнике, СВ-ЮЗ (10 погребений) и близкие к ней ВСВ-ЗЮЗ (7 погребений), В-З (6 погребений) и ССВ-ЮЮЗ (2 погребения), что обусловлено, вероятнее всего, связью с р. Камой, протекающей в 5 км к югу от памятника.

Большинство погребений с НС следует рассматривать как индивидуальные (20 погребений). Коллективные захоронения включали по два (погр. 33, 66, 145), три (погр. 23) или пять (погр. 115) костяков. Стрелы в таких могилах располагались либо рядом с каждым костяком (погр. 33), либо принадлежали только одному из умерших (погр. 23, 66, 115, 145). В таких «семейных» усыпальницах были захоронены совместно только мужчины (погр. 33, 145), либо мужчины, женщины и дети (погр. 23, 66, 115).

В 17 погребениях (у 19 костяков) зафиксированы деревянные погребальные конструкции. Условно выделены ящики (7 погребений), ящики «с ручками» (1 погребение), настилы (4 погребения), а также носилки «с ручками» (1 погребение). В коллективных захоронениях для каждого умершего использовались отдельные погребальные конструкции (погр. 23, 115, 145).

Поза умерших обычна для мазунинского погребального обряда: вытянуто на спине (26 случаев), руки уложены вдоль тела (16 случаев), ноги вытянуты (25 случаев). Небольшие вариации наблюдались для верхних конечностей: руки согнуты в локтях, кисти рук на тазу (погр. 22, 97; рис. 2А), вдоль тела, кисти рук на тазу (погр. 98, 111), одна из рук уложена вдоль тела, другая согнута в локте, кисть на тазу (погр. 107).

Отклонений в ориентировке захоронений с НС от «общей нормы» на могильнике также не выявлено. Все укладывались головой на ЮЗ (10 случаев), или З (7 случаев), ЗЮЗ (6 случаев), ЮЮЗ (4 случая). Решающее значение в этом, по-видимому, также играла речная ориентация [2 с. 24].

Одна из особенностей могильника – высокая доля захоронений с нарушением анатомической схемы скелета (41 случай), то есть в каждом четвертом погребении [1 с. 88-90]. В анализируемой группе эта доля выше (8 случаев из 27). Костяк 115А вошел в группу отклонений с «максимальным» нарушением анатомического порядка, при котором кости были разбросаны по всей площади могильной ямы. В одной могиле с ним находились еще 4 захоронения с обычным порядком скелетов (что является, скорее всего, неслучайным и свидетельствует об избирательности ритуальных практик социума, оставившего Боярский могильник). У остальных отмечены лишь разрушения отдельных частей скелета. Так, в погр. 78 отсутствовал череп (выявлены следы расчленения), в погр. 40 – левая верхняя конечность; в четырех погребениях разрушения связаны с грудной клеткой (№№ 23А, 106, 146 и 183). В погр. 155 зафиксировано отчленение костей голени, которые затем были уложены на бедренные кости умершего. Большинство описанных случаев в Боярском могильнике несут в себе элементы особой ритуальной практики (обряда обезвреживания, по В.С. Флерову [3 с. 12]). Но некоторые, вероятно, можно объяснить военными конфликтами (косвенно об этом свидетельствует застрывший в тазовой кости наконечник стрелы в погр. 78), либо иными причинами, связанными с подзахоронениями (погр. 155).

Самой массовой категорией инвентаря в мужских погребениях являются *стрелы*. Всего обнаружено 105 экземпляров (рис. 1). Еще 3 наконечника происходят из разграбленных могил. По 1 экземпляру стрелы встречены в шести захоронениях, по 2 – в трех, по 3 – в пяти захоронениях, по 4 – в шести захоронениях, по 5 – в трех захоронениях. По одному случаю они зафиксированы в количестве 7, 8, 11 и 13 экземпляров.

В погребениях, где количество НС более двух, они лежали, как правило, кучкой, острием вниз, в области стоп (15 случаев; рис. 2А); в единичных случаях стрелы найдены у левой голени (погр. 66Б), между коленями (погр. 115Б), слева у черепа (погр. 107). По одному экземпляру огни фиксировались с левой (голова, плечо, бедро – погр. 33Б, 156, 23А, 33А) или с правой (стопа – погр. 40) стороны костяка. В могилах с разрушенными костяками стрелы либо хаотично разбросаны (погр. 115А), либо лежали вблизи друг друга, но повернуты острием в противоположную сторону (погр. 155, 183).

Все костяные наконечники – черешковые, с трехгранным (82 экз.: рис. 1, 1-6, 11-18, 26), четырехгранным (6 экз.: рис. 1, 19-21),

трапециевидно-выемчатым (9 экз.: рис. 1, 7-10) и треугольно-выемчатым (2 экз.: рис. 1, 24, 25) сечением пера; редкими можно считать сегментовидное (рис. 1, 23), круглое (рис. 1, 27) и линзовидное (рис. 1, 28) сечения ударных частей (по 1 экз.). По форме пера выделены следующие типы стрел: треугольные (или вытянуто-треугольные: рис. 1, 1-2, 4-8, 18, 24, 28), листовидные (в т.ч. иволлистные, рис. 1, 3, 9-17, 20-21, 23, 25), ромбовидные (рис. 1, 19). Они, в свою очередь, подразделяются на подтипы по наличию / отсутствию упора при переходе от пера к черешку. Особняком среди описанных выше типов стоят наконечник из погр. 153 с пером ромбовидной формы с вогнутыми краями (рис. 1, 26), а также наконечник с короткой конусовидной головкой и длинной вытянутой шейкой (погр. 22; рис. 1, 27).

Практически все перечисленные типы костяных НС характерны для мазунинских могильников; в них видят продолжение ананьинско-пьяноборских традиций [2 с. 77]. Однако В.А. Иванов считает, что костяные черешковые стрелы более типичны для караабызской культуры Средней Белой (69,5%), нежели для чегандинцев (всего 5%) [4 с. 12, 14]. Б.Б. Агеевым для чегандинских памятников было учтено 985 втульчатых и всего 63 черешковых НС [5 с. 45]. «Боярские» стрелы характеризуются плавным переходом от пера к черешку (69,5%, 73 экз.; рис. 1, 7-12, 19-21, 25). Реже встречается оформление нижней части пера в виде уступа или шипов (20%, 21 экз.; рис. 1, 1-6, 24, 28), что, по мнению В.А. Иванова, типично для азелинских памятников пьяноборской КИО [4 с. 23]. Уникальны для мазунинских могильников стрелы с выемчатым (треугольным или трапециевидным) сечением пера (подобные им ананьинские стрелы изготовлены из плюсовых костей северного оленя [6 с. 31, рис. 15–16]), а также круглый в сечении наконечник с короткой конусовидной головкой и длинной вытянутой шейкой (п. 22: рис. 1, 27). Аналогии ему известны в материалах гляденовской культуры [7 с. 74, рис. 51, 93-95]. Еще один наконечник ромбовидной формы с вогнутыми краями (п. 153: рис. 1, 26) находит прототипы среди ранних ананьинских образцов [6 с. 28, 125, 127, рис. 4, 9; 6, 3].

Имеются в Боярском могильнике и железные наконечники стрел (2 экз., погр. 115Б: рис. 1, 22, 30): черешковые двушипные с плоским треугольным пером. В сравнении с подобными находками из Тураевского и Тарасовского [8 с. 234, табл. 232, 5; 9 с. 136, табл. 239, 8] или азелинских Ошкинского, Рождественского [10 с. 71, табл. 48, 20-22;

11 с. 318, 319, табл. 2, 17-23] могильников они выглядят миниатюрно. Круг аналогий таким стрелам в памятниках последних веков I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. достаточно широк: это, прежде всего, памятники писеральско-андреевского круга (Андреевский курган, Писеральские курганы, городище Пичке-Сорче), Кошибеевский могильник, дяковские, а также гляденовские (Гляденовское костыше), постзарубинецкие, пшеворские, латенские древности [12 с. 21, 46-47].

Есть и довольно любопытная находка (погр. 82). Это обломок черешковой части стрелы бронзового века, выполненный из яшмовидной гальки и покрытый сплошной двусторонней ретушью (рис. 1, 29), возможно, служил апотропеем. Он найден в области таза погребенного, с левой стороны, как и прочие наконечники стрел, острием к ногам.

Состав находок в рассматриваемой группе мужских погребений не отличается особым разнообразием: в него вошли 17 категорий вещей (всего на могильнике выделена 31 категория). Помимо наконечников стрел, это простые пояса с железными пряжками (18 случаев), фиксируемые в области таза / бедер (рис. 2А, Б-3) или расправленные вдоль тела, железные ножи и крупные бусы в области таза / бедер (17 и 6 случаев соответственно) (рис. 2А, Б-4), железные колчаные крючки (5 случаев). Сюда можно добавить достаточно редкие находки пицетов (погр. 22, 107, 151), бляшек-накладок (погр. 40, 115Б), каменных оселков (погр. 106, 115Б), пряслиц (погр. 78, 115Б), обломки керамических сосудов (погр. 63, 136А). В единственном экземпляре обнаружены: железный наконечник дротика с коротким пером листовидной формы (погр. 119), биметаллическая фибула (тип не определен; погр. 115Б), бронзовая подвеска с секировидным расширением в нижней части (погр. 119), железная пряжка-кольцо (погр. 145Б), стерляжья кость (погр. 156), а также бронзовые поясные накладки в форме сдвоенных овалов с насечками (близки типу Останина-4 [2 с. 58, рис. 11, 30]) в составе наборного пояса (погр. 23А).

Для сравнительного анализа нами учтено 123 погребения со 118 костяками «лучников», происходящих из 11 некрополей III-V вв. Среднего Прикамья: 8 из них располагаются в правобережье удмуртского течения р. Камы (Тарасовский, Тураевский I, Ижевский, Покровский, Дубровский, Чепанихинский, Мазунинский, Усть-Сарапульский), два – в низовьях р. Белой Республики Башкортостан (Старо-Муштинский и Старо-Кабановский), еще один – на территории Пермского Прикамья (Сайгатский) [8; 9; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21;

22]. Анализ мазунинских наконечников стрел представлен в работах В.А. Иванова [4 с. 22-25] и Т.И. Останиной [2 с. 30, 75-77], внимание которых было сосредоточено, главным образом, на разработке классификации данных предметов вооружения. В нашей статье акцент сделан, в первую очередь, на обрядности мазунинских могильников III-V вв. н.э., в погребальных наборах которых отмечена рассматриваемая категория артефактов.

В целом морфометрические признаки могил данной выборки близки между собой. На общем фоне выделяется погребение 1705 Тарасовского могильника с ямой пятиугольной формы и расширенными ко дну торцевыми стенками с едва выраженными ступеньками. Отклонением от «общих» мазунинских погребальных стандартов, по-видимому, следует также считать облицовку стенок вертикальными известняковыми плитами в погр. 56 Мазунинского могильника, а также крупные камни известняка в засыпке погр. 57 и 199 Дубровского могильника.

Погребальные конструкции зафиксированы в 1/3 погребений (45 погребений, 36,6%). Имели вид деревянных настилов или ящиков. В погр. 12 Старо-Кабановского могильника умерший был завернут в кору; ее куски найдены также в погр. 111. Кроме того, в погребениях с НС авторами раскопок отмечаются следы обожженных могильных конструкций (Тарасово 1705, 1846) и костей домашних животных (Ижевск 135), угольков в засыпке (Старая Мушта кк. 2/1, 20/6), а также использование меловой подсыпки или отдельных кусочков мела (Тураево погр. 258; Ст. Мушта кк. 2/1, 20/6; Тарасово погр. 1846).

Поза костяков в исследуемой выборке установлена для 114 индивидов, и она также не выходит за рамки мазунинского погребального обряда – вытянуто на спине, верхние и нижние конечности вдоль тела (90 случаев, 78,9%). Менее чем у трети костяков (24 случая, 21,1%) отмечены вариации в размещении рук: они фиксировались согнутыми в локтях (Тураево 36; Ижевск 80А), кисти покоились на тазу (Мазунино 56), либо одна из рук была согнута в локте (иногда кисть укладывалась на таз), а другая – уложена вдоль тела (Тарасово 35Б, 266, 117, 924Б, 960, 1717, 1846; Тураево 22, 65, 98, 209, 258; Ижевск 92, 95А, 104, 135; Старая Мушта курган 2/1; Чепаниха 28). Нестандартное положение нижних конечностей зафиксировано в трех случаях: Тарасово, погр. 1754 (левая нога согнута в колене), Старо-Кабаново, пп. 14 («поза всадника» – ноги раскинуты в стороны и чуть согнуты в коленях) и 111 (смещение правой берцовой кости).

Нарушение анатомического порядка костей скелета выявлено в 10 случаях (8,5%). Привычная схема размещения костей в целом сохранена, но наблюдаются отдельные нарушения головы (отсутствие черепа – Сайгатка, погр. 32), рук (отсутствие кисти, смещение и перемещение фаланг пальцев к бедренным костям, отчленение и перемещение кисти к черепу – Тарасово, погр. 243, 263, 266, 1702), верхней части костяка (смещение грудной клетки, рук – Тарасово 813, 914; Ижевск 71; Чепаниха 3; Покровский 104). Кроме того, у трех индивидов анализируемой группы (Тарасово 623 и 919А, Тураево 258), вероятно, зафиксированы признаки связывания или обертывания тела умершего перед погребением.

Доля погребений с НС в каждом из рассматриваемых могильников неодинакова и варьируется от 2,0 до 13,7%: наивысшие показатели зафиксированы в Боярском (13,7%), Чепанихинском (12,5%), Сайгатском (9,3%) могильниках, наименьшие – в Усть-Сарапульском (2,0%) (в остальных мазунинских могильниках их процент варьируется в пределах 3,4 – 6,6%). Всего в них обнаружено более 290 стрел (без учета Боярского могильника). Общее число стрел подсчитать затруднительно, поскольку в некоторых публикациях отсутствуют необходимые данные). Количество стрел в одном погребении достигало 7-10 экз., что является скорее исключением и характерно лишь для Тураевского I могильника (погр. 22, 36, 95, 209). Чаше в мазунинских погребениях встречено по одной (55 случаев), две (26 случаев), три (15 случаев) или четыре (13 случаев) «символических» стрелы, изредка – по 5 или 6 экземпляров (4 и 6 случаев соответственно).

По отношению к погребенному стрелы размещались по-разному, хотя чаще всего замечена связь с нижним отделом скелета: преимущественно у левой стопы (28 случаев), голени (20 случаев), бедра и колена (8 случаев), либо между бедренных костей и голеней (6 и 5 случаев), в области тазовых костей (6 случаев) или обобщенно – в ногах (15 случаев). Редки случаи помещения стрел рядом с правой нижней конечностью (бедро, голень, стопа – 10 случаев), а также в области черепа и верхних конечностей (руки, грудная клетка – 21 случай). В одном погребении могли находиться вместе как костяные, так и железные экземпляры стрел, причем разных типов. К примеру, в погр. 64, 484 Тарасовского, 71, 80А Ижевского, 23 Сайгатского могильников вместе с костяными черешковыми стрелами были обнаружены костяные втульчатые экземпляры (типы 1, 2 по Б.Б. Агееву [5 с. 45, табл. 14, 3, 6]). Последние также найдены в Чепанихинском

могильнике (погр. 3, 11, 28, 37). По мнению исследователей, они представляют этнографический маркер чегандинских племен [4 с. 12-13]. Железные НС встречены в 28 погребениях рассматриваемой группы: Тарасово 49, 453, 552, 811, 1035, 1754, 1846; Тураево 28, 65, 94, 95, 103, 171, 268А; Ижевск 2; Чепаниха 38; Мазунино 19, 62; Дубровский 57; Сайгатка 10; Усть-Сарапулка 86, 88; Старо-Кабаново 14, 22, 26, 137; Старая Мушта 1/2, 6/20 и под насыпью кургана 20. В одном наборе чаще встречалась 1 железная стрела, реже – 2-4 экз. (например, Тарасово 1846, Тураево 28, 171). Среди них выделяются как втульчатые, так и черешковые экземпляры. Среди первых перо имеет ромбическую или листовидную форму (Тураево 28; Старо-Кабаново 26, 137). Черешковые стрелы разделяются на двухлопастные (плоские) с треугольной или листовидной формой пера, с упором, покатыми плечиками или шипами при переходе к черешку (Тарасово 552, 811, 1754; Тураево, 94, 95, 171; Дубровский 57; Усть-Сарапулка 86; Старая Мушта п. 6 к. 20 и др.), а также на трехлопастные ромбические (Тарасово 49; Старо-Кабаново 22) или треугольные / сводчатые с шипами в основании пера (Тарасово 552, 1846; Усть-Сарапулка 88 и др.). Близкие, но не идентичные последним образцы, встречаются в азелинских [11 с. 318, табл. 2, 29], позднесарматских [23 табл. XXII] и гуннских [24 с. 37, 39, рис. 6, 9] материалах.

Присутствие в составе погребального инвентаря стрел коррелируется с индивидами мужского пола (определены 52 костяка, 44,1% из 7 могильников – Тарасово, Тураево, Покровский, Ижевск, Дубровский, Мазунино, Чепаниха [9 с. 11-63; 13 с. 118, 120, илл. 42, 44; 15 с. 55-58, 61; 16 с. 44-60; 25]. Известны также случаи помещения стрел в детские (Тарасово 841; Покровское 79) и женские (Тарасово 552, 789, 807, 811, 924Б, 960, 961, 1035, 1754; Тураево 103, 128; Покровское 86, 113, 216; Ижевск 92, 105; Мазунино 62) погребения. Инвентарь женской группы близок «мужским наборам», за исключением погр. 1754 Тарасовского, 103 Тураевского, 62 Мазунинского, 92 Ижевского могильников, в которых обнаружены бабочковидные фибулы, наборные пояса и жертвенные комплексы со всевозможными украшениями – височными подвесками мазунинского типа, браслетами, гривнами, бусами и бисером и т.д. (Такой же чисто «женский» комплект обнаружен в погр. 680Б Тарасовского могильника, пол погребенного определен как «мужской». Жертвенные (дарственные) наборы с женскими украшениями (височные подвески, бусы) зафиксированы в мужском погр. 2 Мазунинского могильника). Сугубо «женские»

наборы, наряду с НС, характеризуют единичные погребения Мазунинского (№ 19), Сайгатского (№ 10), Ижевского (№ 2), Старо-Муштинского (№№ 2/1 и 16/1) могильников, однако пол и возраст индивидов в них не определен. Стрелы в таких погребениях были уложены в области черепа, нижних конечностей, либо в жертвенных комплексах.

В «мужских» комплексах с НС условно выделяются 2 группы: собственно «лучники» (77 погребений, 62,6%), т.е. те, кто при жизни, очевидно, владел только этим видом оружия, и «универсалы» (22 погребения, 17,9%) – всадники, использовавшие в бою не только стрелы, но и мечи, копья (или дротики), боевые косы и т.д. Разнообразие категорий инвентаря в первой группе ограничивается 9 комбинациями, среди которых наиболее распространено сочетание стрел с простой поясной гарнитурой (пряжка и наконечник ремня) и железным ножом (21 случай). Близки к ней погребения лучников, в которых найдены расправленные вдоль тела статусные наборные пояса с железными или бронзовыми накладками (14 случаев). Основу погребальных наборов второй группы составляли предметы «лучников» (простая поясная гарнитура, железные ножи, крючки, бусины и т.д.), а также наборные пояса и обувные наборы, которые дополнялись метательным оружием и оружием ближнего боя – мечами, топорами, копьями (и дротиками), боевыми косами, в том числе находками удили и конской упряжи (Тарасово 164, 241, 243, 256, 919А, 1705; Тураево 22, 28, 36, 65, 95, 98, 171, 196, 197; Ижевск 2, 3, 16, 180, Старо-Кабаново 12, 22, 137).

Колчаны в погребениях мазунинских «лучников» практически неизвестны. По мнению А.А. Красноперова, за остатки колчанов можно принять находки в погр. 562 Бирского и погр. 85 Тураевского могильников (во втором случае реконструируется форма – коническая [29 с. 29-31]). Характерно, что в обоих погребениях НС отсутствуют.

Из проведенных сопоставлений следует, что мужские погребения с НС в Боярском могильнике, а также погребения с данной категорией инвентаря в мазунинских могильниках в целом соответствуют мазунинским погребальным практикам. Костяные стрелы, входившие в основной комплект сопроводительного инвентаря, продолжают ананьинско-пьяноборские / карабызские традиции изготовления таких изделий. По своим характеристикам, а также по совместному нахождению с железными стрелами, они, по-видимому, составляли реальное боевое оснащение мазунинских воинов. Один из погребенных

на Боярском могильнике (погр. 78) был убит такой стрелой, застрявшей в его правой подвздошной кости.

Мужские погребения с НС в Боярском могильнике принадлежали, по-видимому, наиболее боеспособной части «боярского» социума, поскольку чуть более половины захороненных в нем мужчин (36 костяков, 55,3% от 65 костяков мужского пола, определенных антропологом) оружия не имели. Они, вероятно, являлись преимущественно рядовыми «лучниками», поскольку других предметов вооружения, кроме наконечников дротиков, в их могилах не выявлено.

Вернемся к выводам, сделанным И.Г. Ширококовым при работе с боярской коллекцией. Им был установлен факт неоднородности группы по морфологическим признакам [27 с. 28-29]. При разбивке выборки на подгруппы с учетом наличия или отсутствия в погребении наконечников стрел, дротиков и/или колчаных крючков он установил, что группа погребенных с НС отличалась от остальных мужчин более крупными размерами черепа, низкими орбитами, хорошо выраженным рельефом в области надбровья и надпереносья (рис. 2В). На статистически значимом уровне они характеризуются также большей величиной продольных размеров лучевой и большой берцовой костей, большими обхватными размерами плечевой, бедренной и большой берцовой костей. Выявленные различия нельзя объяснить прижизненными изменениями морфологии скелета индивидов, активно занимавшихся стрельбой из лука. Более вероятным, хотя и недоказуемым, исследователь считает объяснение данного факта тем, что эти мужчины выделялись конституциональными особенностями, повышающими их способности к физическим нагрузкам. Они чаще, чем их соплеменники, проявляли себя как хорошие стрелки, и в погребальном обряде отразились их профессиональные навыки.

Литература

1. *Черных Е.М., Хайруллина О.Ф.* Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 86-106.
2. *Останина Т.И.* Население среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
3. *Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедия, 2000. 164 с.

4. *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.
5. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
6. *Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.) (Материалы и исследования Камско-Волжской археологической экспедиции. Вып. 12). Ижевск: Изд-во УдГУ, 2006. 220 с.
7. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века: монография. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.
8. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
9. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (Материалы и исследования Камско-Волжской археологической экспедиции. Вып. 17). Ижевск: Изд-во УдГУ, 2010. 499 с.
10. *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) (Материалы и исследования Камско-Волжской археологической экспедиции. Вып. 27). Ижевск: Изд-во УдГУ, 2014. 472 с.
11. *Матвеев Р.В.* Наконечники стрел Рождественского V могильника // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 316-323.
12. *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.
13. *Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме. Т. III. (Материалы и исследования Камско-Волжской археологической экспедиции. Вып. 29). Казань, Ижевск: Изд-во УдГУ, 2015. 297 с.
14. *Генинг В.Ф.* Ижевский могильник IV-V вв. // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып. 7. Свердловск-Ижевск. С. 123-140.
15. *Останина Т.И.* Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26-92.
16. *Останина Т.И.* Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртия, 1992. 96 с.

17. *Семенов В.А.* Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып. 7. Свердловск-Ижевск. С. 116-122.

18. *Генинг В.Ф., Мырзина Е.М.* Мазунинский могильник // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып.7. Свердловск-Ижевск. С. 85-115.

19. *Арматынская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред А.А. Тронин. Устинов: б/и, 1986. С 26-46.

20. *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.

21. *Васюткин С.М., Останина Т.И.* Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Отв. ред А.А. Тронин. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64-125.

22. *Стоянов В.Е.* Сайгатский могильник на Средней Каме // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып.4. Свердловск. С. 117-134.

23. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 184 с.

24. *Засецакая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб: Эллис Лтд, 1994. 224 с.

25. *Акимова М.С.* Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья (III-VI вв. н.э.) // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии. 1961. Вып. 2. М.: б/и. С. 305-314.

26. *Красноперов А.А.* Колчаны в мазунинских погребениях // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 29-31.

27. *Широбоков И.Г., Черных Е.М.* Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского ун-та. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

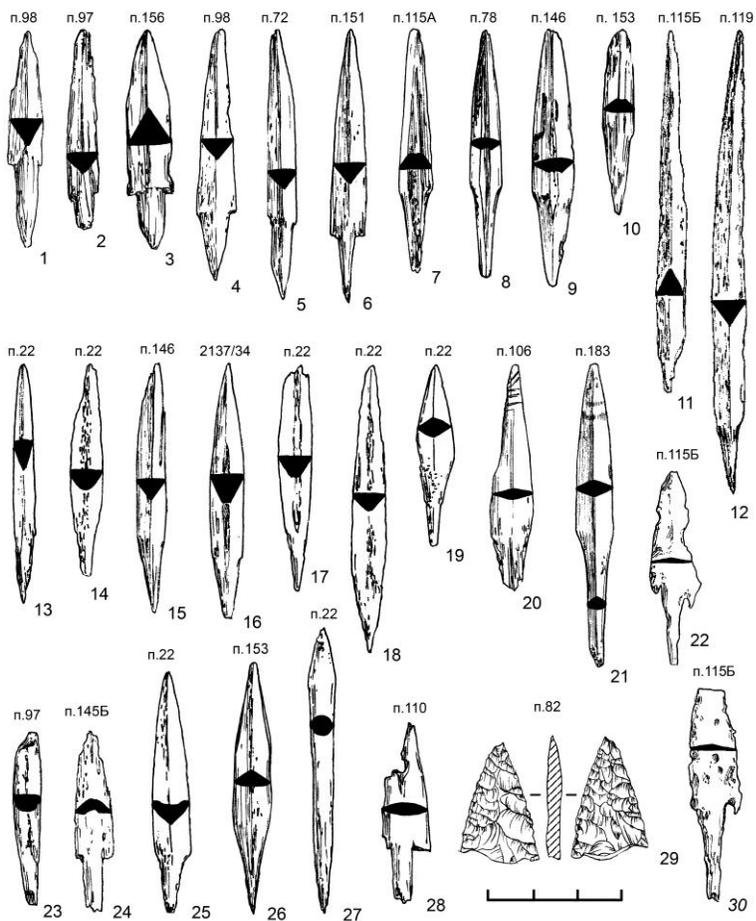

Рис. 1. Боярский «Арай» могильник. Наконечники стрел: 1–21, 23–28 – кость; 22, 30 – железо; 29 – камень (рисунки Н.Ф. Шишкиной)

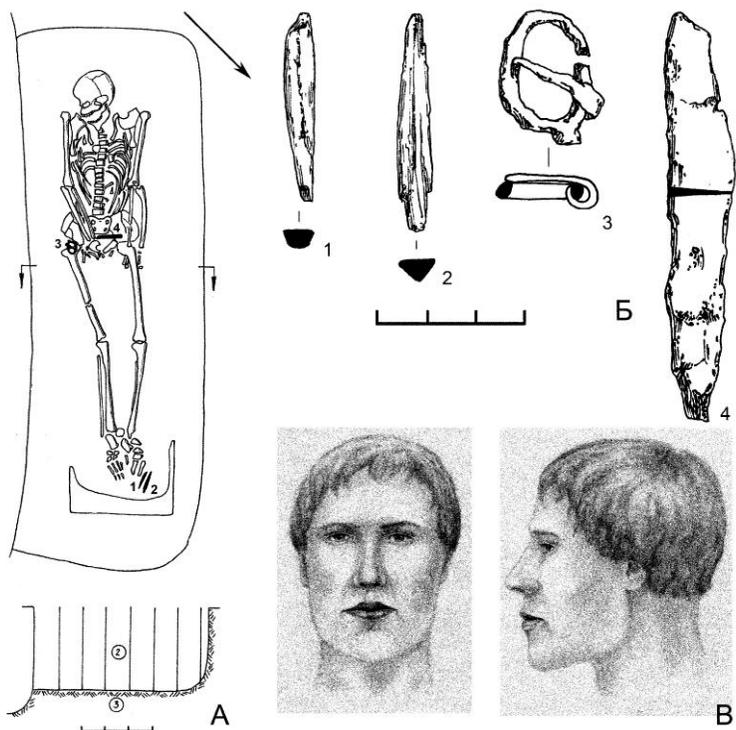

Рис. 2. Боярский «Арай» могильник. Погребение 97: А – план;
 Б – артефакты: 1–2 – наконечники стрел, кость; 3 – пряжка, железо;
 4 – нож, железо. В: графическая реконструкция А.В. Рассказовой (ИАЭ
 РАН, Москва)

Погребальный инвентарь женщины гуннского времени
из могильника Жапырык II Внутреннего Тянь-Шаня

К.И. Ташбаева

*Института истории, археологии и этнологии НАН КР,
Бишкек, kadichaty@gmail.com*

Могильник Жапырык II расположен в очень отдаленном и глухом одноименном урочище Жапырык недалеко от высокогорного озера Сон-Куль во Внутреннем Тянь-Шане Кыргызстана. В урочище много разновременных и разнотипных памятников. В западной части урочища располагается могильник Жапырык I, с очень интересными наземными частями погребальных сооружений, имеющими аналогии с так называемыми керексурами Алтая и Монголии [7 с. 42-64; 8 с. 76-79; 11 с. 80-83].

Могильник Жапырык II располагается в средней части, у северного края урочища, рядом с местной грунтовой дорогой. Могильник состоял из 15 курганов с погребениями в подбоях и катакомбах, относящихся к гуннскому времени. В 1990 г. все курганы были раскопаны и дали довольно интересный разнообразный материал как по погребальным сооружениям, так и сопроводительному инвентарю.

В данной статье рассматривается захоронение в кургане 4 (рис. 1). Курган 4 располагался в юго-восточном углу могильника; его насыпь была земляной с небольшой наброской камней на поверхности. Диаметр кургана 12 м, высота 0,7 м; по центру прослеживалась небольшая грабительская воронка. После снятия насыпи и горизонтальной зачистки, в центральной части кургана погребальное сооружение не удалось обнаружить, хотя на разных уровнях попадались фрагменты дерева и заполнение было рыхлым.

Погребальное сооружение было обнаружено в южной половине кургана, почти у подошвы насыпи и поэтому оказалось нетронутым грабителями. В наших условиях это редчайший случай, когда погребение не нарушено грабителями, и все захоронение вместе с сопроводительным инвентарем находилось *in situ*. Это было подбойное сооружение, довольно просторное, ориентированное с СЗ на ЮВ (отклонение от С на 45°). Яма подбоя была неправильной, вытянутой формы, расширяющаяся к СЗ части. Заполнение подбоя было мягкое,

лессовое, без камней. Ее длина – 3,10, ширина – 0,6, глубина от древнего дневного горизонта 1,30 м.

На дне подбоя лежал скелет молодой женщины, в вытянутом положении, на спине, головой на СЗ. Череп ее был с деформацией. Правая рука была слегка согнута в локте и кисть лежала на тазовой кости. Позвоночник в нижней части был слегка изогнут. Правая бедренная кость была сломана и на месте перелома находились мелкие фрагменты железа, возможно от починки перелома. Между правой рукой и ребрами женщины находились фрагменты детского черепа. Рядом с левой рукой, на расстоянии 10 см от предплечья, выявлены фрагменты второго детского черепа и нижняя челюсть с прорезавшимися зубами. Судя по тому, что в заполнении ямы, довольно высоко от пола, была найдена еще одна нижняя челюсть с не прорезавшимися зубами, женщина была похоронена с двумя детьми младенческого возраста. Нахождение детской челюсти не на месте, а высоко в заполнении подбоя, можно объяснить действиями грызунов в мягком грунте.

На костях левого предплечья женщины был целый бронзовый браслет диаметром 7,5 см. из тонкой (диаметром 0,2 см) круглой проволоки в виде несомкнутого кольца. Браслет был и на правой руке был браслет, но он был сломан и от него сохранились две дуги (одна из которой была размером в 6,5 см). На костях рук и пальцев сохранились следы окислов (хлоридов меди). Между тазовыми костями найдены фрагменты железного предмета и бронзовая иголочка. В области живота лежала сердоликовая бусина, рядом с правым предплечьем – продолговатая бусина из светлого камня. По бокам нижней челюсти, с двух сторон, были массивные золотые серги в форме лунниц.

За головой, на расстоянии 25 см от черепа лежали два золотых бубенца с множеством вставок из камней и пасты. Бубенцы были прикреплены к деревянной палочке. Справа от них лежали позвонки барана и рядом фрагменты железного ножа.

С правой стороны от черепа стоял раздавленный черный, плоскодонный горшок. В нем находилась часть небольшой бронзовой цепочки, длиной 7,5 см. Цепочка была сделана из бронзы очень хорошего качества и потому лишь слегка позеленела, а не сильно окислилась и сохранила подвижность звеньев.

Как видим, погребение, хорошо сохранившееся в нетронутom состоянии, было не очень богато инвентарем. В целом этот могильник по размерам и расположению курганов, был рядовым. Рассматриваемое

погребение женщины, молодой по возрасту, с деформацией черепа, датируется серединой II в. н.э. по 14С. Радиоуглеродный анализ был сделан датскими генетиками в 2016 г., согласно которым могила была создана 1867 лет назад.

Два предмета из инвентаря этого женского погребения вызывают у нас особый интерес. Во-первых, это золотые серьги-лунницы. На территории Кыргызстана их известно всего 5-6 экземпляров: два или три из раскопок И. Кожомбердиева в долине Кетмень-Тюбе в 60-70 гг. и три экземпляра из наших раскопок (одна серьга из могильника Баския 2 и две серьги из рассматриваемого могильника Жапырык 2). Это почти однотипные серьги в виде лунницы с напаянной вдоль ребра узкой лентой, образующей с лицевой и оборотной сторон прямые закраины. К краям ленты припаяно множество лучей трубочек. Трубочки внутри полые, свернутые из листовой очень тонкой проволоки; они заканчиваются круглой головкой, спаянной из двух полушарий. Головки украшены пирамидками зерни с трех сторон. На лицевой стороне лунниц имеются овальные гнезда из узкой напаянной ребром ленточки, вдоль которой идет ободок зерни; в эти гнезда вставлены полудрагоценные камни. Часто после утери камней и починки серег в гнездах размещались стеклянные (?), коралловые или пастовые вставки. Между гнездами напаяны треугольники из зерни. На краях лунниц имеются петли из золотых ленточек, за которые крепилась дужка серег. Эти серьги разнятся количеством лучей трубочек и гнезд со вставками.

Серьги из могильника Жапырык 2 имеют по 25 лучей трубочек и в гнезда вставлены были полудрагоценные камни темно-красного цвета, видимо - гранаты. На одной серьге все четыре вставки в хорошем состоянии; на второй сохранилась только одна гранатовая вставка, а в трех гнездах вместо утерянных камней были вставлены стекло и детали из каких-то органических веществ. Дужки серег были также починены и заменены на бронзовые, скорее всего - после поломки оригинальных золотых. (см. рис. 2, а также [12 цв. вклейка]). Серьги из могильника Торкен долины Кетмень-Тюбе из раскопок И.Кожомбердиева имели по 17 лучей трубочек и в гнездах были вставки из стекла (?) [4 с. 43, фото 133-133а]. Серьга из могильника Баския 2, также происходящая из женского погребения с ребенком, но сильно потревоженного грабителями, имела 25 лучей трубочек, три крайние из которых были поломаны, и всего три гнезда с гранатовыми вставками, а между ними были также гнезда с какими-то белыми вставками. Две такие вставки сохранились, а одна уже была утеряна.

К сожалению, такие серьги в основном находились в погребениях, сильно потревоженных грабителями, и потому их точное расположение неясно. Поэтому часто их считали не только серьгами, но и височными подвесками-колтами. В нашем случае, в могильнике Жапырык II, курган 4, впервые серьги были найдены *in situ* в непотревоженном захоронении, и по их расположению у предполагаемой мочки уха можно судить, что это были именно *серьги*.

Второй предмет, представляющий большой интерес - золотые бубенцы, прикрепленные к небольшой деревянной палочке. Бубенцы круглой формы, диаметром 2 см., состоят из двух припаянных полушарий и выполнены они в той же технике, что и серьги. На них по 11 круглых гнездышек из напаянной ребром золотой ленточки, вдоль которых идут ободки из зерен. В гнездах были вставки из полудрагоценных камней, местами – с починкой и заменой оригинальных камней на кораллы или пасту. К деревянной палочке длиной 6 см бубенцы прикреплены бронзовым штырьком. Палочка была обработана; возможно, посередине она имела некоторое утолщение, а с двух сторон, на расстоянии по 1 см от края, имеются спилы (см. рис. 2, а также [12 цв. вклейка]).

Назначение этого предмета трудно определить. Пока у него нет аналогий в других комплексах, датируемых временем великого переселения народов. Однако расположение его над головой, в 25 см от черепа и его форма позволяет предположить, что он был деталью головного убора или женских кос.

Если это украшение головного убора, то последний должен был быть высоким, т.к. предмет лежал в 25 см выше черепа. И поскольку других украшений от него нет, то мне трудно представить высокий головной убор из войлока или ткани (ничего более от него не сохранилось) с единственным небольшим украшением на нем. Например, головной убор пазырыкской женщины из плато Укок на Алтае, был высоким, но и сложным, состоял из множества фигур и украшений; ее голова была обрита, собственную прическу заменял парик из конского волоса [5; 6 с. 142-167]. Головной убор женщины-воительницы - так называемого «золотого человека» из Иссыка, Казахстан – также был высоким и сложным, состоял из множества элементов [1; 2]. Конечно, эти головные уборы принадлежат погребенным в предшествующее скифо-сакское время. Но и в гуннское время, если наш предмет относился бы к головному убору, последний

был высоким, судя по расположению палочки с бубенцами. Думается, более вероятно, что этот предмет не являлся частью головного убора.

Вплоть до сегодняшних дней у киргизов широко распространено женское накосное украшение *чачпак*, состоящее из серебряных пластин разных форм, иногда украшенных цветными вставками из полудрагоценных камней, соединенных в три-четыре ряда, или связки царских крупных серебряных монет, или крупных бус, ажурно скрепленных крепкими толстыми нитями. Они вплетаются в две женские косы на уровне спины, как бы закрепляя их на определенном расстоянии друг от друга. Эти украшения достаточно массивные и, помимо эстетической красоты и звона себренных деталей, они частично фиксируют косы на спине, препятствуя спаданию их вперед, что могло бы мешать женщине при занятии хозяйственными делами. Они также способствуют прямой женской осанке при высоко поднятой голове, когда косы оттянуты назад тяжелыми и красивыми накосными украшениями. К сожалению, этнографы пока не удостоили своим вниманием эти украшения, и литературе пока отсутствуют их специальные исследования.

Мне думается, что предмет, состоящий из двух спаянных полушарий с множеством гнездышек и цветных вставок на деревянной палочке из женского погребения К-4 могильника Жыпырык II, был именно накосным украшением [12 цветная вклейка].

В настоящее время, по местным канонам ислама, когда умерших женщин, как и мужчин, готовя к погребению, заворачивают в саван, косы женщин в заплетенном виде подводят к подмышкам и придавливают руками. (Автор статьи имела возможность лично наблюдать за процессом омовения умершей и подготовки ее к похоронам). От длины кос, зависит, с какой стороны волосы подводят к подмышкам. Если длина волос достаточна, то косы сверху, через плечо, подводят к подмышкам, а если они коротки (как у большинства пожилых людей), то их подводят к подмышкам снизу, под лопатками, чтобы также руками придавить их, якобы для закрепления головы в неподвижном состоянии. Но в любом случае к косам вплетаются ленточки, которые готовятся вместе с саваном, т.е. от ситцевой белой ткани для савана отрываются (не отрезаются ножницами) узкие ленточки специально для женских кос. Отмечу, что погребальное одеяние в виде савана готовится без использования ножниц и шитья, хотя состоит из нескольких частей: внутренней рубашки, внешней части собственно савана, головного платка и др.

В гуннское время, как известно, умерших хоронили в одежде со многими украшениями, необходимыми бытовыми предметами, а мужчин и с оружием. При этом было обязательным присутствие керамических сосудов с пищей. Расположение палочки с золотыми бубенцами в 25 см от головы, позволяет нам видеть в этом предмете накосное украшение, которое с помощью шерстяных ниток привязывали или вплетали в косы. При похоронах женщин их косы могли прямо отвести от головы и положить их над головой со всеми украшениями, особенно если у молодой женщины красивые волосы, заплетенные в длинные толстые косы.

В археологической литературе иногда упоминается находки из погребений, именуемые накосниками. Однако все они оказались головными уборами различных форм или своеобразными повязками на голову, но не накосниками в обычном понимании. В нашем случае рассматриваемый предмет из Жапырыка II был именно накосным украшением, одновременно фиксирующим две женские косы на определенном расстоянии друг от друга на спине. Такое женское накосное украшение, видимо, впервые появилось в гуннское время, и верочтно, бытовало и более позднее раннетюркское и в средневековье, поскольку сохранилось до настоящего времени. За долгий период использования оно значительно видоизменилось, но сохранило свои функции фиксации кос и украшения их.

Например, серьги-лунницы с высокой дужкой, хотя и имеют некоторые аналогии с образцами предшествующей эпохи саков, но именно в такой форме и в таком виде они появились лишь в гуннское время и продолжают бытовать до сих пор. Если подобные серьги, появившись в гуннское время, используются с небольшими изменениями по нашим дням, то и накосники могли появиться в тот же период. Ведь юрта как основное жилище кочевника, детская колыбель удобная при кочевом образе жизни (см., например: 9; 10), появившись в те времена, продолжают широко бытовать и по настоящее время, как самые оптимальные формы жилища и предметы быта. Думаю, и женские накосники, появились как необходимые предметы при кочевом образе жизни, для фиксации кос на спине, но одновременно стали ярким украшением квинтэссенции женской красоты - кос. Ведь кочевники в силу своего образа жизни и невозможности демонстрировать внутреннее убранство своего жилья богато украшали более всего своего коня и парадный костюм замужних женщин.

И.П. Засецкая подробно рассмотрела украшения гуннского времени, выполненные в полихромном стиле, в том числе и колты – височные подвески и серьги-лунницы. Для различных украшений из Северного Причерноморья она прослеживает их связь с греческими украшениями, влияние западных технологий, время бытования их и т.д. [3 с. 21-29]. Она считает, что в южнорусских степях в первой половине V в. н.э. происходит сложение новой культуры под влиянием гуннов, которое ощущается и в ювелирном искусстве [3 с. 10].

Погребение женщины из могильника Жапырык II по 14С датируется серединой II в. н.э. - вероятным временем оформления новой гуннской культуры в Центральной Азии и начала предполагаемого движения гуннов на запад, а значит еще без серьезных внешних влияний. Поэтому представленные в Жапарыке серьги-лунницы и так вероятные детали наконечников, можно считать именно гуннскими ювелирными украшениями. Они имели довольно широкое распространение, поскольку присутствуют во вполне рядовом погребении.

Возможно, такие наконечники присутствовали и в других погребениях гуннского времени, но в силу ограблений и иных нарушений могил пока не удавалось распознать функциональное назначение таких украшений. Деревянные палочки, являвшиеся основой таких украшений, могли не сохраниться. Поэтому женское погребение из К-4 могильника Жыпырык II Внутреннего Тянь-Шаня, как нам представляется, дало нам информацию о времени возникновения такого вида украшений как наконечники, которые пережив почти два тысячелетия, продолжают бытовать и в сегодняшние дни. Они сохраняют те же функции, которые были в них заложены изначально в те далекие времена, а именно, как фиксируют косы на спине и украшают женские волосы. Важна и идентификация «лунниц» именно как серег, а не височных подвесок.

Эти аксессуары костюма пополнили яркими образцами ювелирные изделия гуннов, выполненные в полихромном стиле.

Литература

1. *Акишев А.К.* Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1980. 19 с.
2. *Акишев К.А.* Курган Иссык. М.: Искусство, 1978. 132 с.

3. *Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975. 80 с.
4. Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки / Под. ред. А. Каниметова и др. Л.: Искусство, 1983. 80 с.
5. *Полосьмак Н.В.* Стережущие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994. 122 с.
6. *Полосьмак Н.В.* Погребение знатной пазырыкской женщины // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 142-167.
7. *Ташбаева К.И.* Археологические комплексы ранних кочевников Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан / Под ред. К.И. Ташкаева и др. Бишкек: Наука, 1996. С. 42-64.
8. *Ташбаева К.И.* Петроглифы Жапырыка // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2002. С. 76-79.
9. *Ташбаева К.И.* Гендерные маркеры половых различий в погребениях Баския-2 Внутреннего Тянь-Шаня гуннского времени // Мужской и женский мир в отражении археологии Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Я.В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 177-183.
10. *Ташбаева К.И.* О межэтнических контактах кочевых племен гуннского времени по палеоантропологическим материалам могильника Баския-2 // Актуальные вопросы истории кыргызского народа: прошлое, настоящее и будущее / Под ред. К. Белек, Н. Абдимиталип. Бишкек: б.и., 2019. С. 251-258.
11. *Ташбаева К.И.* 2019б. Керексуры Тянь-Шаня, Алтая и Монголии как отражение межэтнических контактов ранних кочевников Центральной Азии // Материалы первого международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» / Отв. ред. Р.И. Райкин. Барнаул: Изд-во АлГУ, 2019. С. 80-83.
12. Atlas of Central Asian artistic crafts and trades. Vol. III. Kyrgyzstan. Bishkek, 2002. 176 p.

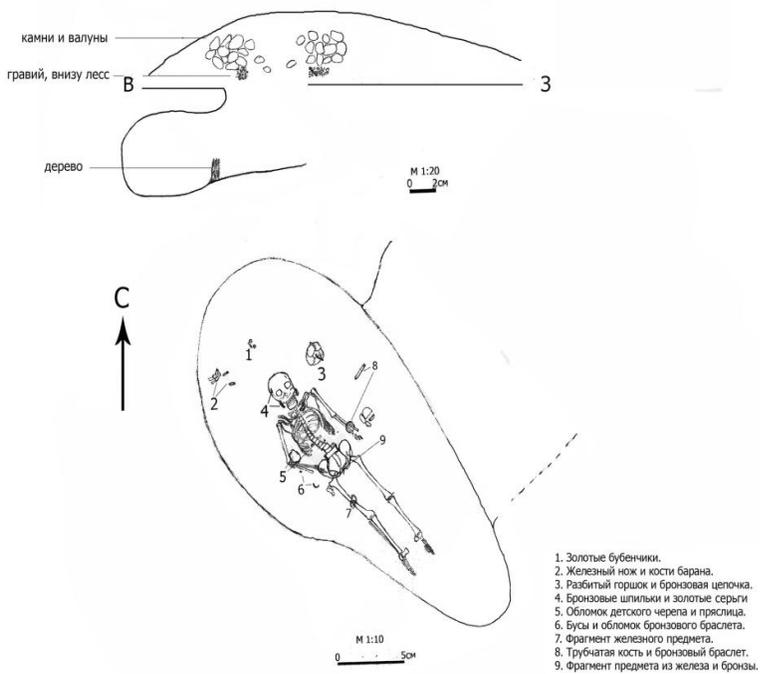

Рис. 1. Погребение в кургане 4 могильника Жапырык II

Рис. 2. Серьги из могильника Жапырык 2

Изваяние как объект погребально-поминальной обрядности древних тюрков (проблема портретности)

Л.Н. Ермоленко

*Кемеровский государственный университет,
Кемерово, lyubov.ermolenko@mail.ru*

Каменные изваяния средневековых кочевников – древних тюрков, кыпчаков, половцев, исследователи считают атрибутами погребально-поминальной обрядности. В отличие от кыпчакских и половецких изваяний, которые могли устанавливаться по нескольку в одном сооружении, древнетюркские изваяния ставились при оградке в единственном числе. Обсуждавшийся в литературе прошлого века вопрос, кого изображало изваяние, стоящее возле оградки: наиболее значительного врага или самого умершего, был решен в пользу последнего толкования. Основным аргументом, как известно, послужила информация китайских источников о «нарисованном облике покойника» [1].

Представление о том, что изваяние изображает конкретного умершего человека, существует не только в отношении древнетюркских памятников; руководствуясь им, некоторые авторы склонны обнаружить в облике изваяний индивидуальность или портретное сходство. Одни исследователи лишь констатируют «портретность» изваяний, другие приводят дополнительные доводы, на которых мы остановимся ниже.

Л. А. Евтюхова считала изображениями умерших изученные ею изваяния Южной Сибири и Монголии. «Об этом свидетельствует ясно обнаруживающееся *стремление к передаче индивидуальных портретных черт лица – его овала, формы усов и бороды, особенностей украшений, изображенных на изваянии, различий форм сосудов в руках (курсив мой в этой и нижеследующих цитатах. – Л. Е.)*» [2 с. 116; ср. 2 с. 114]. Возможно, исследовательница выделила столь относительные признаки портретности, поскольку считала, что изваяния «... отличаются *некоторой схематичностью в трактовке человеческих*

© Ермоленко Л.Н., 2020

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.2597.2017/ПЧ.

черт» [2 с. 113]. Однако если копирование внешности умершего сводилось к передаче очертаний третичного волосяного покрова на лице и абриса самого лица, стоит ли говорить о портретном сходстве?

Вместе с тем, попытка Л. А. Евтюховой обосновать портретность некоторых изваяний Тувы не утратила актуальности. Среди тувинских изваяний автор выделила несколько групп по принципу предполагаемой принадлежности определенному мастеру. Свидетельство портретности она видела в том, что изваяния той или иной группы, выполненные в сходной манере, различаются индивидуальными особенностями [2 с. 113, 114].

Согласно С. А. Плетневой, лица половецких статуй, «несмотря на общность приемов», индивидуализированы. Допустив, что в этом могла также проявиться *индивидуальность мастера*, исследовательница не сомневалась в «портретном характере» лиц некоторых статуй, преимущественно, мужских. С. А. Плетнева перечисляет такие признаки портретности, как горбоносость (рис. 1, 1) двойной подбородок (рис. 1, 2), а также выражения злости («широкоскулое злобное лицо») (рис. 1, 3), надменности («"кошачье" надменное» лицо) (рис. 1, 4), горести («горькие» носогубные складки) (рис. 1, 5) и т. д. [3 с. 57]. При рассмотрении рисунков статуй, на которые ссылается исследовательница, возникает мысль о субъективности ее оценки в части отображения внутреннего мира на лицах изваянных индивидов. Показательно, что попытка С. А. Плетневой представить ваятелей половецких статуй искусственными в создании своего рода психологического портрета не была поддержана Г. А. Федоровым-Давыдовым, который видел в этих статуях «образ полубожества, мифического героя и повелителя, родоначальника» [4 с. 102] и применительно к ним не употреблял термин «портретность».

А. А. Чариков выделил 30 приемов, с помощью которых изображались детали лица средневековых изваяний, происходящих преимущественно с территории Казахстана [5]. К ним автор отнес «совмещенный рельеф изогнутых бровей и профилированного носа (носа с выделенными крыльями. – Л. Е.)», глаза «в виде выпуклостей» и др. В разнообразии форм деталей он видел проявление индивидуализированности [5 с. 88]. А. А. Чариков пришел к выводу о том, что почти все рассмотренные им изваяния «носят явные черты портретности», причем портретное сходство достигалось «... за счет подчеркивания наиболее заметных элементов: широкий рот, косоглазие, близко поставленные глаза и пр.» [5 с. 101], (рис. 1, 6–8). В

одной из работ А. А. Чариков уточнил смысл словосочетания «портретное сходство» применительно к древнетюркским изваяниям. Исследователь понимал под этим «... изображение, исполненное в так называемом *условно-реалистическом стиле*, граничащем с *гротеском*, когда *несколькими штрихами выделяется самое характерное в человеке*» [6 с. 36]. Условность и близость к гротеску он объяснял тем, что последовательность погребального обряда вынуждала скульптора «... воспроизводить облик покойного *по памяти*, а не с натуры» [5 с. 101]. При этом нами было сделано предположение о соответствии антропоморфного образа в кыпчакской скульптуре Казахстана и Семиречья концепции «гротескного» тела», разработанной М. М. Бахтиным [7 с. 43]. С другой стороны, указанные А. А. Чариковым признаки «гротеска» (косоглазие и пр.), выявленные на схематически изображенных лицах, могли быть также следствием неумелости резчика.

Не вдаваясь в анализ авторской дефиниции «портретного сходства» отметим неопределенность использованного в ней выражения «самое характерное в человеке». Строго говоря, мы не знаем, соответствовали ли подмеченные А. А. Чариковым признаки представлению тюрков о «самом характерном в человеке» (если такое представление у них было). Из перечня «десяти званий» тюрков в китайских источниках [8 с. 133] как будто следует, что существенным в облике человека они считали возраст (молодой или старый), комплекцию (тучную), цвет усов и волос.

Гипотезу о портретности древнетюркских изваяний отстаивает в полемической статье Г. В. Кубарев [9], критикуя противоположную точку зрения и исследовательский подход Л. Н. Ермоленко [10]. Помимо справедливых или спорных замечаний автор, к сожалению, допускает в изложении разбираемых взглядов неточности (как, впрочем, и в подписях к нескольким рисункам в своей статье). О нашей позиции будет сказано ниже, пока же остановимся на аргументации Г. В. Кубарева.

Исследователь высказывает несколько противоречивые суждения о портретности. Сначала он утверждает: «По нашему глубокому убеждению, древнетюркские изваяния не являются неким обобщенным образом героя-воина, они *посвящались конкретным людям* и были их *портретными изображениями*» [9 с. 137]. Итак, в том, кому посвящались изваяния, наши с Г. В. Кубаревым мнения не расходятся [7 с. 64]. Из цитированного высказывания как будто следует, что

портретность Г. В. Кубарев считает свойственной *всем* древнетюркским изваяниям. Однако затем автор уточняет, что «стремление каменотесов-скульпторов к портретному сходству наиболее четко прослеживается на примере *реалистичных и объемных* скульптур представителей древнетюркской знати» [9 с. 137]. Далее он отмечает, что «*подавляющее большинство*» древнетюркских изваяний – «достаточно схематичные и даже примитивные» вследствие непрофессионализма их создателей [9 с. 137, 138]. Относительно портретности этих изваяний исследователь высказывается не столь категорично, скорее отрицает ее. Скульптурное изображение умершего, по его словам, использовалось в погребально-поминальной обрядности тюрков «... *даже в том случае, если портретного сходства с усопшим не было достигнуто*» [9 с. 138]. Не имело значение портретное сходство также при условии, когда «необработанная стела или антропоморфного вида камень могли *символизировать фигуру человека*» [9 с. 138].

Убежденность Г. В. Кубарева в портретности древнетюркских изваяний основана на признании априори того, что, создавая изображение определенного умершего, ваятель стремился точно воспроизвести его облик (лицо). Между тем, Г. А. Федоров-Давыдов, который считал, что древнетюркские изваяния «изображали конкретного погребенного», вовсе не подразумевал под этим портретность, поскольку изваяние само по себе отождествлялось с умершим как его «заместитель» [4 с. 92]. Автор писал только о «скульптурном портрете» Кюль-тегина, демонстрирующем «властное, жестокое лицо» [4 с. 90], хотя видел в нем изображение «обожествленного героя» [4 с. 95].

Однако по большому счету предположение о портретности бездоказательно, поскольку мы не можем его проверить – сопоставить «натуру» и «портрет» (разве что в исключительных случаях, таких как сравнение погребальной маски Тутанхамона и основанной на методе компьютерной аутопсии реконструкции его внешности). Но тогда мы не должны игнорировать обсуждающийся искусствоведами вопрос о способности художника в ту или иную эпоху реалистично воспроизвести образ человека, передать индивидуальные особенности его внешности, выразить характерные внутренние качества. Б. Р. Виппер в статье «Проблема сходства в портрете» писал, что портрет не появился до тех пор «... пока человек не узнал своего собственного лица» [11 с. 348]. Этот длительный процесс познания шел рука об руку с развитием традиции антропоморфного изображения. При

этом даже умение реалистично воспроизвести лицо человека не обязательно предполагало способность передать портретное сходство. Так, по поводу известного бюста (гермы) Перикла, атрибутируемого скульптору Кресилу, Б. Р. Виппер писал: «Перед нами именно благородная маска идеального человеческого лица» [11 с. 348].

Противоположная рассмотренной выше точке зрения – о непортретности изваяний – также представлена в литературе. Так, Л. Йисл по поводу древнетюркских изваяний, среди которых, на его взгляд, имеются как изображения умерших, так и их врагов, писал: «Мнение о существовании стремления передать индивидуальные черты ошибочно. Тот, кто глубже знаком с *законами художественного творчества*, видит, что речь здесь идет о *типизации лиц и позы*, и что “каменные бабы” как таковые *воплощают определенную схему*, даже если они обнаруживают некоторые различия» [12 S. 14].

Ю. Б. Полидович считает, что термин «портретность» в современном его восприятии неприменим к половецким изваяниям, детали лиц которых обычно изображались «*стандартно-типовым методом*». На взгляд исследователя, следует вести речь об индивидуализации – воспроизведении «... некоторых конкретных этнических черт, проявляющихся в одежде, головных уборах, наборах предметов и т. д.» [13 с. 60].

Аналогичным образом П. П. Азбелев полагает, что «индивидуальность» тюркских изваяний передавалась «не механическим воспроизведением лица, а через набор аксессуаров» [14 с. 39]. О портретности, по его мнению, можно говорить лишь применительно к созданным иноземными мастерами скульптурам – таким, как статуя Кюль-тегина.

Само изваяние Кюль-тегина вряд ли копировало облик умершего полководца, которого китайским художникам, безусловно, не довелось видеть ни при его жизни, ни, видимо, после смерти. Согласно принятым в науке расчетам, Кюль-тегин умер в феврале 731 г., но китайскому императору стало известно об этом только в мае [15 с. 56]. Посланные, назначенные императором для выражения соболезнования, выехали из столицы в декабре 731 г., уже после уоу – похорон или сопутствующих им траурных ритуалов, которые состоялись в начале ноября [15 с. 57; 16 S. 183]. Не исключено, что китайские мастера отправились к тюркам вместе с посланниками [ср. 17 S. 71] и смогли приступить к работам только в следующем году. Возможно, на это косвенно указывают даты, фиксирующие продолжительность работ: стела с надписью была

установлена в начале августа 732 г., а строительство храма продолжалось до конца 733 г. [15 с. 57].

О том, что портрет Кюль-тегина – не портретный, писал Л. Йисл [17 S. 71]. Он полагал, что поскольку полководец уже был похоронен, то его статуя была создана китайским мастером исходя из описаний и указаний близких родственников и лицезрения местного населения. Так что в «портрете» отразились обобщенные черты тюрков [16 S. 183]. Однако едва ли непортретное изображение Кюль-тегина (скульптурное и живописное) не устраивало тюрков. Согласно известному свидетельству Суй шу, между сожжением тела и запечатлением облика покойного, а также сцен битв с его участием, проходило почти полгода [18 S. 42].

Нужно заметить, что в китайских источниках ничего не говорится о том, какое впечатление на тюрков оказала реалистическая скульптура Кюль-тегина, а вот картины, на которых тот был изображен *сражающимся*, не оставили их равнодушными. Тан шу сообщает, что «... шесть известных живописцев ... нарисовали картины столь искусно и натурально, что (туцзюэ) говорили, что они никогда не видели (таких картин). Когда Могилян рассматривал их, он становился все печальнее» [18 S. 228-229].

Обсуждая проблему создания изображения умершего в его отсутствие, А. Йылмаз, вслед за Л. Йислом, предположил, что изваяние могло изготавливаться на основе словесного описания, и тогда ваятель вынужденно воспроизводил общие антропологические признаки [19 р. 143]. Наряду с этим А. Йылмаз сделал вывод, что перед скульптором и не стояла задача точного копирования внешности умершего. Из того, что почти все древнетюркские изваяния передают облик людей *среднего возраста*, автор заключил: «Поэтому мы можем утверждать о наличии *идеализации* в скульптурном стиле» [19 р. 143].

Нами ранее было сделано предположение о том, что в иконографии древнетюркских изваяний – композиции, атрибутах, приемах изображения деталей лица, нашел отражение героико-эпический идеал. Слитная (Т-образная) фигура бровей и носа, трактуемая как стилизация сведенных на переносице бровей, а также крупные глаза, свойственные в большей мере иконографии западнотюркских изваяний, могли быть элементами гримасы гнева. Ю. А. Мотов тоже отметил сходство лиц изваяний тюркских воинов, изображенных в «лучшем возрасте», с маской гнева [20 с. 34]. Г. В. Кубарев, напротив, полагает, что здесь имеет место не стилизация, а «попытка воспроизведения анатомических

черт лица человека» – «рельефных надбровных дуг, соединенных с носом» и «глазного яблока» [9 с. 140]. Объяснение исследователя рационально, но, во-первых, стилизация как раз является результатом обобщения и упрощения реальных форм [21 с. 113]. Во-вторых, вряд ли компонентом Т-образной фигуры были надбровья. При изображении деталей лица древнетюркских изваяний используются также «безбровые» приемы (рис. 2, 6), в которых надбровья не выделяются барельефом. Горизонтальный же элемент Т-образного барельефа передает очертания бровей, так как имеет характерную для них конфигурацию. Г. В. Кубарев также не учитывает случаи детализации соединенных бровей, в том числе и с помощью краски на скульптурных и рисованных изображениях [3 рис. 28; 22 с. 560; 23 ил. 129] (рис. 2, 1–3). Что касается «глазных яблок», то как объяснить, что на лицах кыпчакских изваяний западной части азиатских степей они практически никогда не изображались? Кроме того, в некоторых случаях на больших глазах древнетюркских изваяний барельефом обозначены веки, незначительно уменьшающие размер глаз. Конечно, «большеглазьями» (рис. 2, 4–6) являются не все западнотюркские изваяния, но все же это характерный иконографический признак, отличающий их лица от лиц кыпчакских изваяний, которым свойственны узкие глаза (рис. 2, 7–9), воспроизведенные в виде валиков, щелей и пр.

Итак, в данной статье проанализированы взгляды исследователей на «портретность» изваяний средневековых кочевников – вопрос, который обсуждался и в отношении изваяний других эпох, а также другого рода антропоморфных изображений. Рассмотренные противоположные мнения базируются на различном подходе. Сторонники портретности делают акцент на индивидуальных особенностях лиц изваяний, в которых а priori видят свидетельство доподлинной передачи внешности умершего или отдельных ее черт. Сторонники непортретности сосредоточивают внимание на типическом, при этом разные авторы исходят из различных посылок (создание изображения в отсутствие «натуры»; отличающиеся от современных представления о сходстве с изображаемым человеком; исторически обусловленная способность реалистического воспроизведения человеческого облика; наделение смыслом стилизованных, типизированных элементов и др.). Вряд ли стоит ожидать, что приверженцы обеих гипотез когда-то придут к согласию, хотя в публикациях специалистов по средневековой тюревтике встречаются компромиссные толкования портретности. Так, Г.Г. Король пишет о «не

столько индивидуальной, сколько типологической» портретности [24 с. 95], Г. Г. Петенёва – об «имперсональном портрете, созданном на основе обобщения и ставшим лицом-символом» [25 с. 316]. Однако очевидно, что данные характеристики не согласуются с вышеизложенным пониманием портретности как свойства, присущего изображению конкретного человека.

В заключение я благодарю В. В. Тишина за обстоятельные консультации.

Литература

1. *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. № 2. С. 27–35.

2. *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 24. С. 72–120.

3. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния (Свод археологических источников. Вып. Е4-2). М.: Наука, 1974. 200 с.

4. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 227 с.

5. *Чариков А. А.* Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана // Советская археология. 1986. № 1. С. 87–102.

6. *Чариков А. А.* Некоторые статуи Казахстана и Омского Прииртышья // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 31–39.

7. *Ермоленко Л. Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

8. *Тишин В. В.* Фрагмент китайского источника о тюркской титулатуре (перевод и комментарий) // Восток. 2019. № 3. С. 130–150.

9. *Кубарев Г. В.* Древнетюркские изваяния: воплощение эпических героев или воинов-предков? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №1 (29). С. 136–144.

10. *Ермоленко Л. Н.* О смысле некоторых приемов стилизации деталей лица древнетюркских изваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 82–88.

11. *Bunnep B. P.* Статьи об искусстве. М.: Искусство, 1970. 591 с.
12. *Jisl L.* Balbals, Steinbabas und andere Steinfiguren als Ausserungen der religiösen Vorstellungen der Ost-Turken. Prag: Academia, 1970. 79 S.
13. *Полидович Ю. Б.* Половецкие каменные изваяния – изображения богов? // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. научн. конф. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. С. 60.
14. *Азбелев П. П.* Кудыргинский сюжет. СПб.: Лема 2010. 60 с.
15. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 215 с.
16. *Jisl L* Wie sahen die alten Turken aus? // Ural-Altäische Jahrbucher. 1968. Bd. 40. S. 181–199.
17. *Jisl L.* Vorbericht über die archaologische Erforschung des Kul-tigin-Denkmal durch die tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahres 1958 // Ural-Altäische Jahrbucher. 1960. V. 32. N. 1–2. S. 65–77.
18. *Liu Mau-tsai.* Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T'u-kue). Bd. I–II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 831 S.
19. *Yilmaz A.* When Gök Turk Statues Sculpted and Erected? (A Glance with the Example of Kül Tigin's Wife) // Tüba-AR. Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology. 2012. Vol. 15. P. 139–146.
20. *Мотов Ю. А.* Нарты, «берсеркры», «бпри», шаманы (О мужчинах, пляшущих симд) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху / Под ред. А.Ю. Алексеева и др. СПб.: ТОО «Вичи», 1996. С. 32–35.
21. *Соколова Е. О.* Стилизация как средство формообразования при переходе от натурального изображения к декоративному // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2017. № 2 (95). С. 112–116.
22. *Кругликова И. Т., Сарияниди В. И., Пугаченкова Г. А.* Советско-афганская экспедиция // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 559–561.
23. *Ремпель Л. И.* Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. М.: Советский художник, 1978. 286 с.
24. *Король Г. Г.* Портрет средневекового жителя Саяно-Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 92–96.
25. *Петенёва Г. Г.* Антропоморфное изображение на бронзовой пластине из Восточного Казахстана // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы Т. 2 / Под ред. Б.А. Байтанаева. Алматы: Ин-т археологии МОН РК, 2011. С. 312–317.

Рис. 1. Признаки портретности изваяний, выделяемые исследователями. 1 – горбатый нос [Плетнева, 1974, табл. 29, 262]; 2 – полнота, двойной подбородок [Плетнева, 1974, табл. 78, 1286]; 3 – злобное лицо [Плетнева, 1974, табл. 30, 898]; 4 – надменное лицо [Плетнева, 1974, табл. 63, 1143]; 5 – «горькие» складки у рта [Плетнева, 1974, табл. 57, 1078]; 6 – широкий рот [Чариков, 1986, рис. 4, 2]; 7 – косоглазие [Чариков, 1986, рис. 3, 7]; 8 – близко посаженные глаза [Чариков, 1986, рис. 3, 11]

Рис. 2. Стилизация деталей лица (изваяния и аналогии).

1–3. Изображения мужских лиц с соединенными бровями. 1 – городище Болгары, ранее XIV в. [Плетнева, 1974, рис. 28, б]; 2 – городище Дильберджин, II–III вв. [Кругликова, Сарияниди, 1975, с. 560]; 3 – керамика, Нишапур, X–XI вв. [Ремпель, 1978, ил. 129]; 4–6 – древнетюркские изваяния, Сарыарка (фото автора); 7–9 – кыпчакские изваяния, Сарыарка (фото автора)

Погребальный костер и инвентарь погребений
в погребально-поминальном обряде населения Самарского
Поволжья хазарской эпохи (по материалам кремационных
погребений Жигулевского II грунтового могильника)

Д.А. Сташенков

*Самарский областной историко-краеведческий музей,
Самара, Россия, archeo@list.ru*

Жигулевский II грунтовой могильник, составляющий единый археологический комплекс с Жигулевским селищем, расположен на Самарской Луке. Комплекс относится к хазарской эпохе, ранее представленной на этой территории памятниками новинковского типа – курганно-грунтовыми могильниками с ингумационными погребениями, выделенными Г.И. Матвеевой в отдельную группу после исследований на Самарской Луке в 1980-е гг. и изучавшимися ее учениками [1; 3].

Жигулевский археологический комплекс был открыт в ходе разведочных работ Самарского областного музея в 2010 г. В 2010-2018 гг. экспедицией музея на шести раскопах (по три на селище и на могильнике) было исследовано 256 кв. м. Полученные материалы позволяют утверждать, что обитатели поселения занимались преимущественно черной и цветной металлургией и металлообработкой. При раскопках на селище встречено большое количество железного шлака, фрагменты глиняных тиглей. Проведенные комплексные палеопочвоведческие, карпологиические и палеоботанические исследования свидетельствуют также о значительной роли земледелия и скотоводства в жизни населения, оставившего археологический памятник [4]. Поселенческая керамика в основном представлена лепными горшковидными плоскодонными сосудами с примесью шамота и органики в формовочной массе.

Могильник синхронен поселению. На нем раскопаны 23 кремационных и одно ингумационное погребение, сопровождавшихся выразительным инвентарем. Материалы первых трех лет исследования памятника опубликованы полностью [6], наиболее яркие комплексы из последних раскопок начинают вводиться в научный оборот [2; 5; 7; 8; 9].

Основная часть погребений представляет собой остатки кремации на стороне, одно погребение совершено по обряду ингумации. По конструкции погребальных ям среди кремационных захоронений выделяются две группы. Большую часть составляют захоронения, совершенные в ямах округлой формы диаметром 0,4-1,0 м, незначительно углубленных в погребенную почву и реже – в материковый суглинок. К сожалению, малая глубина захоронений привела к тому, что большая часть погребений, содержавших металлический инвентарь, нарушена грабительскими раскопками последних лет. Судя по расположению и характеру грабительских вкопов, на площади около 2 га грабителями было уничтожено несколько сотен погребальных комплексов.

Вторую группу совершают захоронения, совершенные в длинных ямах прямоугольной формы, углубленных в материк на 0,5-1,0 м.

Набор погребального инвентаря в обеих обрядовых группах принципиально не отличается и представлен лепными горшковидными сосудами (максимальное количество сосудов в одном погребении – 5, встречено в погребении № 5 раскопа 3) [9], предметами ременной гарнитуры, бронзовыми деталями личных украшений и украшений костюма, стеклянными бусами, предметами конской упряжи.

Для анализа материалов Жигулевского археологического комплекса особое значение приобретает изучение особенностей погребально-поминальной обрядности, прослеженной в материалах могильника. Необходимо обратить внимание на то, что при полевых исследованиях зафиксированы принципиально разные традиции в отношении к погребальному инвентарю. Первая проявляется в том, что часть предметов погребального инвентаря имеет явные следы пребывания в огне и, следовательно, находилась с умершим в момент совершения обряда кремации. Эти предметы обнаружены в погребениях, совершенных на небольшой глубине в небольших ямах, остатки кремации в них представлены единичными кальцинированными фрагментами костей размером не более 1 x 1 см. Наличие среди пережженных предметов большого количества полихромных бородавчатых бус позволяют сделать предположение, что наиболее выразительные комплексы этой группы относятся к концу VII - середине VIII в. Показательно, что в этих комплексах не представлены глиняные сосуды.

Вторая традиция зафиксирована для комплексов, преимущественно совершенных в углубленных ямах округлой формы большего диаметра,

в которых предметы погребального инвентаря не имеют следов пребывания в огне. Логично предположить, что эти предметы были помещены в могильную яму в момент совершения захоронения независимо от собранных с погребального костра фрагментов личных вещей, костей и углей. Глиняные сосуды, представленные в комплексах второй традиции, также не имеют следов пребывания в огне. В ряде случаев зафиксировано помещение в могилу значительного количества (не менее 100) очищенных от остатков погребального костра фрагментов кальцинированных костей человека. Уголь в погребальных комплексах представлен единичными небольшими фрагментами. Комплексы второй группы имеют более широкую датировку в пределах VII – VIII, возможно, начала IX в.

Единичными примерами в материалах Жигулевского II грунтового могильника представлена третья традиция, заключающаяся в помещении в длинные прямоугольные ямы, значительно углубленные в материк, не только металлических предметов погребального инвентаря и глиняных сосудов, но и костей жертвенных животных (лошади), возможно, шкуры, а также в наличии мощного слоя угля, которым было усыпано дно могильной ямы (погребения 9, 10 и 14 раскопа 3).

О существовании постпогребальных поминальных обрядов у населения, оставившего захоронения Жигулевского II грунтового могильника, можно судить по находкам вещевых комплексов, обнаруженным вне углубленных погребальных сооружений и не сопровождающихся фрагментами кальцинированных костей и углей. В эти комплексы помещались лепные глиняные сосуды и стеклянные полихромные бусы.

По итогам типологического анализа материала, которому не противоречат результаты радиоуглеродного датирования, хронологические рамки существования Жигулевского комплекса определяются в пределах конца VII–IX вв. н.э., что соответствует широкой дате погребальных памятников новинковского типа. Однако принципиальное различие в погребальной обрядности памятников новинковского типа и Жигулевского археологического комплекса позволяют утверждать, что в хазарскую эпоху на Самарской Луке существовало несколько разнотипных групп населения, образ жизни и материальная культура которых существенно различались. Детальный сравнительный анализ погребально-поминальной обрядности разных групп населения позволит уточнить характер этих различий.

Литература

1. *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Самарский университет, 1998. 286 с.
2. *Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Исследование Жигулевского археологического комплекса // Археологические открытия в Самарской области 2017 года. Самара: Институт истории и археологии Поволжья, 2018. С. 38-39.
3. *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.
4. *Пономаренко Е.В., Пономаренко Д.С., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам // Поволжская Археология. 2015. № 1 (11). С. 126–160.
5. *Сташенков Д.А.* Об особенностях погребального обряда населения Самаро-Симбирского Поволжья Хазарской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2013. С. 78-91.
6. *Сташенков Д.А.* Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2014. С. 82-124.
7. *Сташенков Д.А.* Жигулевский археологический комплекс и его соотношение с древностями новинковского типа // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГСПУ; Порто-принт, 2018. 364 с.
8. *Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.* Работы на Жигулевском II грунтовом могильнике в 2018 г. // Археологические открытия в Самарской области 2018 года». Самара: Институт истории и археологии Поволжья, 2019. С.21-22.
9. *Сташенков Д.А., Салугина Н.П.* О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур (Раннеславянский мир. Вып. 19). М.: Ин-т археологии РАН, 2017. С. 311-325.

К проблеме датировки погребений из некрополя
Маркульского городища при храме (Абхазия, IV–XIV века):
на основе анализа инвентаря, украшений,
а также корреляции инвентарных и безынвентарных погребений,
их стратиграфии и анализов изотопов

Г.В. Требелева

Институт археологии РАН, Москва, trgv@mail.ru

С.М. Сакания

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа

АНА, Сухум, abigi@rambler.ru

Т.Ю. Шведчикова

Институт археологии РАН, Москва, tashved@gmail.com

А.Д. Япрынцева

Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова

РАН, yaprynsev@yandex.ru

Исследования на территории Маркульского храма проводились в 2014–2017 годах (рис. 1) [1 с. 265-275; 2 с. 269-271]. За это время была вскрыта территория самого храма до уровня пола (пол здания не вскрывался), к югу от храма до стены-ограды, к западу – до края обрыва плато (часть бывшей территории храма «ушла» в обрыв, т.к. разрушена природной абразией), а также частично - территория к северу, до стены-ограды, и небольшой участок за ней. Общая исследованная площадь составила 57 м² (17 м² – храм, 30 м² – прихрамовой территории, и 10 м² снаружи).

С южной и западной сторон храма были обнаружены многочисленные захоронения (рис. 2). В верхних слоях раскопа (слои 2–6, глубина залегания 10–45 см) находились переотложенные мелкие фрагменты скелетов; могильные ямы отсутствовали. Среди фрагментов костяков были найдены два перстня, бусины из пасты, фрагменты сосудов из плотной импортной глины, явно выполняющие роль ритуальных. Аналоги подобных сосудов мы встречаем в описаниях цебельдинских погребений. На глубине 7 слоя (–50–55 см) прорисовываются очертания ям, оказавшихся заполненными останками погребенных, большей частью - без анатомического порядка. Инвентаря в нижних захоронениях практически не было.

На территории к северу от храма, которая оказалась с внешней стороны стены-ограды, было обнаружено коллективное захоронение 2. Зачистка погребений показала, что погребенные находились в два слоя: на глубине –40, и –60 см; их анатомический порядок был нарушен. Всего здесь было похоронено 9 человек, из которых: 1 младенец, 1 юноша, 3 взрослых женщины и 4 взрослых мужчины. Инвентарь при погребенных отсутствовал; среди костей найден был лишь серебряный медальон с арабской надписями: с одной стороны написано «Во имя Мухаммеда», с другой – «Во имя Аллаха». Однако, учитывая переотложенный характер захоронений, уверенно утверждать, что этот медальон относился к погребенным, мы не можем.

Из-за специфики антропологического материала – фрагментированности и переотложенного характера захоронения большей части скелетов, а так же многослойности самого памятника – проблема датировки могил встала очень остро. Решить ее попытались двумя путями: через характеристику самих погребенных, и через анализ, крайне скудного инвентаря в сочетании со стратиграфией. Более разрушенные и фрагментарные верхние погребения без могильных ям и сопровождающийся в этом же слое инвентарь относятся к более раннему периоду. Впущенные же в материк, в могильных ямах – к более позднему. Отсутствие инвентаря не позволяет их датировать точно, но скорее всего, погребение осуществлено позднее VI века нашей эры - после официального принятия христианства в Абхазии на государственном уровне: с этого периода погребения с инвентарем начинают замещаться без инвентарными.

По произведенным подсчетам численность всех обнаруженных захороненных на территории храмового комплекса составила 32 человека со значительным преобладанием доли мужских захоронений и присутствием захоронений детей разных возрастов.

Степень полового диморфизма среди мужского и женского населения проявляется наглядно и выражена, в основном, массивностью мужских скелетов и плотностью костной ткани. Эти особенности наблюдаются у погребённых как в верхних, так и в нижних слоях.

Фрагментированность материала также обусловила использование метода изотопного исследования костной ткани для реконструкции пищевых предпочтений погребенных и степени мобильности группы.

С целью выяснения местного или пришлого происхождения погребенной группы был проведен анализ содержания изотопов стронция в зубной и костной ткани восьми захороненных из раскопок

2016 г. из двух уровней захоронения. Изучение соотношения изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ – это активно используемый в современных палеоантропологических исследованиях инструмент для оценки степени мобильности древних людей. Стронций попадает в костную и зубную ткань человека и животных посредством пищевой цепи и является величиной постоянной при условии обитания в одной местности и незначительной мобильности. Соотношение изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ зависит от возраста геологических пород и их состава.

Изотопные сигналы стронция в исследованной серии колеблются от 0.708527 до 0.710201. Схожие по значениям показатели характерны и для погребенных из склепа храма у с. Весёлое (район Адлера) IX–XI вв., краниологически определенных как представителей локального населения и одонтологически являющихся предками современных абхазцев. При этом выделяется группа индивидов со значениями порядка 0.7091. Это люди из захоронений более нижних слоев, т.е. более позднего времени. Выделение этой группы из общего контекста может быть объяснено их пришлым происхождением.

Следующим этапом работы с антропологическим материалом стала реализация второго типа изотопных исследований. Он заключался в рассмотрении изотопных показателей азота и углерода в костях и зубах человека для реконструкции палеодиеты. В основе метода лежит способность растений, животных и людей накапливать в тканях в составе органических соединений стабильные изотопы углерода $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $^{14}\text{N}/^{15}\text{N}$. Соотношение показателей изотопов азота и углерода у конечного потребителя, то есть человека, говорит о характере его пищевых предпочтений и доли растительного и мясного компонентов в диете. Для анализа были взяты 16 образцов костной и зубной ткани индивидов, обнаруженных в результате археологических исследований Маркульского храма в 2015–2017 гг. Их первичная пробоподготовка (выделение коллагена) осуществлена на базе лаборатории пробоподготовки группы физической антропологии Ин-та археологии РАН, аналитическая часть исследования (определение изотопного состава коллагена) осуществлялась в Центре коллективного пользования «Масс-спектрометрические исследования» ЦКП (изотопного анализа) Института проблем экологии и эволюции им А.Н. Северцова РАН. Средние значения 16 образцов составили –12,88/8,54. Значительного разброса значений и возможности сгруппировать индивидов по группам мы не наблюдаем. Иными словами, палеодиета была примерно одинаковой у всех погребенных. В целом ее

можно охарактеризовать как основанную преимущественно на растительных компонентах с небольшим участием мясной и молочной пищи. В питании основу составляли растения С4 типа фотосинтеза; для периода существования городища это было, скорее всего, просо.

Керамика из раскопок находится в большей части в очень раздробленном состоянии, и о ее типологии пока ничего определенного сказать нельзя. Однако бусины достаточно хорошо сохранились, поэтому их анализ привлек нас в первую очередь.

Всего было найдено семь бусин (рис. 3). Бусины №№ 1-5 и 7 найдены с южной стороны храма в верхних перемешанных слоях.

Бусины 1, 2, 3 визуальны близки между собой: представляют собой шаровидную бусину терракотового цвета с белыми линиями, но отличаются их формой. На бусинах 1 и 2 это горизонтальные редкие линии, на бусине 3 – частые вертикальные. Бусина 4 близка первым трем, но имеет более грубое и пористое «тесто» и линии нанесены четко верхним слоем на саму бусину, не заглублены и не сравнены по поверхности, как у первых трёх. Бусина 5 терракотового цвета, как и первые три, но вместо белых линий по поверхности, на ней присутствуют три заглубленных тонких черных линии. Все эти бусины можно отнести к типу полихромных полосато-глазчатых из пасты, шаровидной, цилиндрической или эллипсоидной формы. Их мы встречаем во многих погребениях чебельдинского времени (II – VII вв.) [3 табл., XIII, XIX, XXIV, XXVII, L; 4 с. 16-61, табл. III, IV, VI, VIII]. Бусина 7 сильно отличается от других; она ближе к бисеру: маленькая однотонная, синего цвета, шаровидная, слегка приплюснутая. Такого типа бусины имеют очень широкое распространение от античности до средневековья. Особняком стоит и бусина № 6. Она найдена с западной стороны храма и представляет собой лишь фрагмент. Типологически она хорошо атрибутируется: относится к типу биконической и цилиндрической формы, удлиненной, с накладным комбинированным декором (спиралевидные нити по краям и зигзагообразные — по центру тулова). Бусы такой формы и с аналогичным накладным декором часто бывают изготовлены из стекла разного цвета: черного, синего, сине-фиолетового, фиолетового. На сегодняшний день нет данных, которые бы позволили четко установить связь между цветом бусин и их датировкой, поэтому они рассматриваются в едином комплексе. Черная биконическая бусина была найдена в погребении 33 некрополя Абгызраху [3. с. 53, 54. табл. L, 12]; по наличию лучковой фибулы, погребение датируется не позднее рубежа IV–V вв. Темно-фиолетовая

бусина обнаружена в погребении 28 некрополя Ахьацараху [4 табл. III, 12], относится ко второй половине V — началу VI в. В погребениях 113, 351 и 368 некрополя Цибилиум [5 с. 31, 67, 68, 70. рис. 57, 18; 164, 25; 172, 3], так же по наличию среди инвентаря крестообразных и лучковых фибул датируются IV – V веками, а погребение 368, по наличию в погребальном инвентаре серег, скорее к рубежу этих столетий: 380–410 гг. [6 с. 110].

Однако визуально-типологический анализ бусин не является точным, а многие материалы, привлеченные для сравнения доступны лишь в качестве рисунков и описаний в публикациях (порой не совсем качественных), и здесь легко ошибиться. Было решено применить комплексный подход к анализу: совместить результаты визуально-типологического анализа с данными элементного химического анализа. В целом применение естественнонаучных методов для анализа археологического материала – это отдельная сложная тема со множеством дополнительных проблем. Мы лишь начали его осваивать. Поэтому представленные результаты носят пока промежуточный характер. Элементный анализ бусин был проведен на сканирующем микроскопе в лаборатории Синтеза функциональных материалов и переработки минерального сырья Института общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова РАН. Проведение элементного анализа позволило нам определить, что бусина № 3, атрибутированная первоначально как сделанная из пасты, оказалась керамической, покрытой белыми полосами из стекла. Остальные бусины - из стеклянной пасты (всего здесь используются данные по 6 бусинам (№№ 1-6); заключение по бусине № 7 мы еще не получили). Стекло относится к щелочному типу [7 с. 416], у бусин № 1, 2, 4, 5 - с использованием золы, у бусины № 6 – с использованием соды.

Был сделан и количественно-качественный анализ компонентов; он представлен на графике (табл. 1). По нему видно, что бусина № 6, существенно отличается от бусин № 1, 2, 4, 5. Бусины № 4 и 5 по химическому составу наиболее близки друг к другу, хотя визуально они очень разные, но сырье и технология их изготовления одинаковые. Близкие визуально бусины № 1 и 2 также сходны по технологии изготовления, хотя различия между ними чуть большие, чем между бусинами 4 и 5, но в целом, не существенные. Таким образом, мы смогли выделить технологически три группы бусин, встречающихся в захоронениях на храме Маркульского городища (табл. 1). Следующим этапом стало сравнение технологии нанесения белых полос, которые

присутствуют в декоре у пяти бусин. Элементный анализ декоративных полос показал, что у бусин № 1, 2, 4 для их производства использовалось свинцовое стекло. Присутствие оксида свинца составляет примерно 6% перечисленных бусин. Но в составе стекла белых полос у бусин № 3 и 6 свинец отсутствует, и высока доля оксида алюминия.

О чем свидетельствуют эти данные? Предлагать какие-либо узкие датировки на основании их было бы некорректным. Одно время считалось, что свинцовое стекло характерно для средневековья, а щелочное для древних периодов, что в античную эпоху свинец использовался довольно редко и в небольших количествах. [7 с. 422]; позднее было обнаружено достаточное количество свинцовых стекол и в античный период [6 с. 423], в том числе на территории Северного Причерноморья [8 с. 73-74]. Однако в нашем случае мы встречаем стекло не свинцовое, а щелочное. Это позволяет предположить, что оно не является средневековым. Если учесть и то, что, близкие по визуально-аналитическому анализу бусины мы встречаем в погребениях цебельдинского времени, есть достаточно оснований отнести их к позднеантичному, а не средневековому периоду. Выделяя несколько групп бусин, в частности бусину № 6 (в рецептуре которой не щелочь, а сода) мы можем предположить, что они относятся к разным периодам. Данная бусина (№ 6) имеет характерный узор и надежно датируется по комплексному анализу IV-V веком. Следовательно, «щелочные» бусины предпочтительнее датировать либо более ранним, либо более поздним временем. Но учитывая, что они найдены на территории христианского храма в Абхазии, датировать их ранее IV века вряд ли возможно, и они более поздние (VI-VII вв.). Стратиграфия находок (особенно то, что «содовая» бусина № 6 найдена на западе от храма, а остальные бусины на юг от него), также склоняет нас к выводу о разной датировке. Вероятно, в первичный период существования храма (на рубеже IV-V вв. или в V в.) захоронения производили на запад от храма, тогда как к югу стали хоронить позже (ближе к VI в.). Начиная с VII в. и в более поздние периоды захоронения производили уже по всей территории храма, разрушая при этом более ранние захоронения.

Исследование найденных артефактов, как и привлечение сравнительного материала из других памятников, планируется продолжить.

Литература

1. *Требелева Г.В., Сакания С.М., Юрков Г.Ю., Хондзия З.Г., Шведчикова Т.Ю.* Маркульское городище // Краткие сообщения Ин-та археологии РАН. 2017. Вып. 249. Ч. 2. С. 265–275.

2. *Требелева Г.В., Сакания С.М., Юрков Г.Ю., Хондзия З.Г., Шведчикова Т.Ю.* Маркульское городище: от античности до геноузского времени (результаты исследований 2013–2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа» / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ, 2018. С. 269-271

3. *Трапи М.М.* Культура цебельдинских некрополей. Т. III. Сухуми: Алашара, 1971. 258 с.

4. *Трапи М.М.* Материалы по археологии средневековой Абхазии Т. IV. Сухуми: Алашара, 1975. 258 с.

5. *Воронов Ю.Н.* Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиум в 1977 – 1986 годах. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 348 с.

6. *Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV - середине VI вв. н.э. М.: Ин-т археологии РАН, 2009. 502 с.

7. *Островецхов А.С.* В.А. Галибин и его вклад в изучение химической технологии древнего и средневекового стекла (к 75-летию со дня рождения) // *Stratum plus*. 2005-2009. № 3. С. 413 – 433.

8. *Галибин В.А., Островецхов А.С. Субботин Л.Д.* Стекланные изделия из сарматских погребений Семеновского могильника // Материалы по археологии Северного Причерноморья / Отв. ред. М.С. Синецын. Киев: Наукова думка, 1983. С. 73-74.

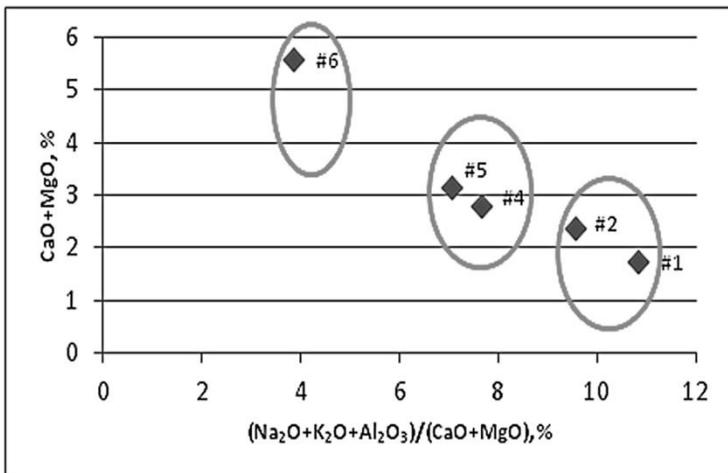

Табл. 1. Количественно-качественная характеристика стекла основного тела бусины

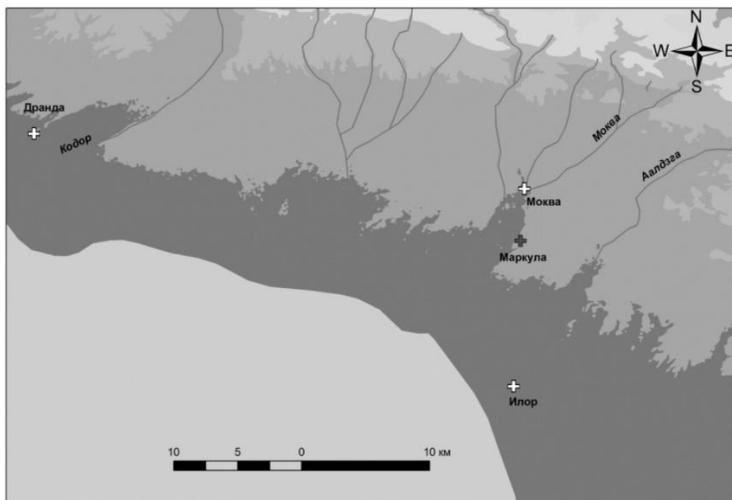

Рис. 1. Карта Очамчyrского района республики Абхазии с указанием месторасположения храма в селе Маркула

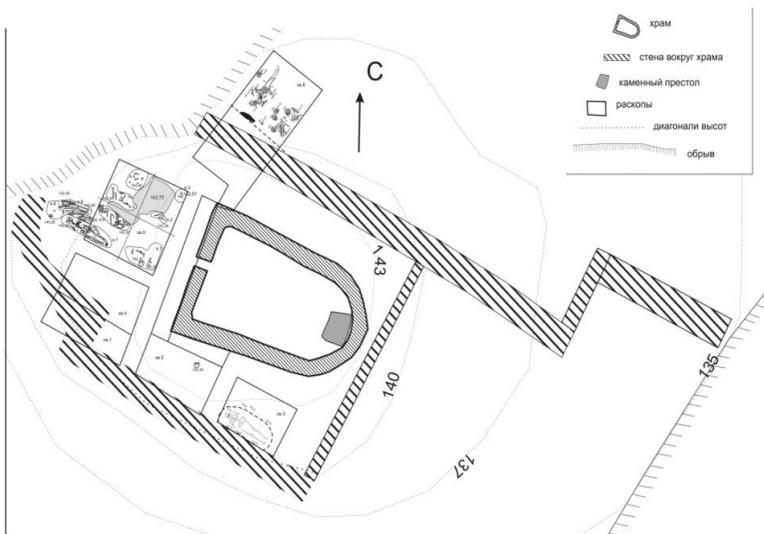

Рис. 2. План храма и территории с раскопами и захоронениями

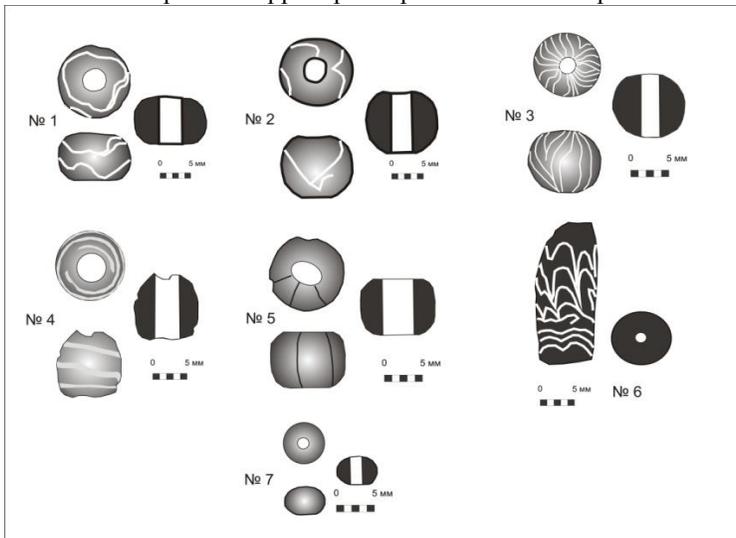

Рис. 3. Бусины из захоронений на храме его территории

Разрешительные документы в могиле умершего
в Древней Руси, на Балканах и в Западной Европе
(X–XV вв.)

Ю.К. Гугуев

*Независимый исследователь, Ростов-на-Дону,
guguev2009@rambler.ru*

В погребальной практике русской православной церкви существует обычай помещать в могилу напечатанный на бумаге текст разрешительной молитвы, в который на специально оставленное свободное место вписывается имя покойного (рис. 1). Современное церковное понимание смысла молитвы состоит в том, что она есть «моление священника о даровании усопшему прощения от Господа всех открытых духовнику прегрешений, а также и тех, в которых почивший не раскаялся или вследствие свойственного человеку забвения грехов, или потому, что не успел раскаяться в них, застигнутый смертью. Ею скончавшийся разрешается от церковного запрещения («клятвы» или епитимии), если он почему-либо не был разрешён при жизни» [1 с. 86]. Священники зачитывают данную молитву при отпевании и вкладывают её в правую руку всем, начиная с 7-летнего возраста, умершим перед тем, как гроб закрывается крышкой [1 с. 86-87; 2 с. 1322-1323, 1357-1359]. В середине XVI–XVIII вв. в православном погребении использовали варианты молитвы, отличавшиеся от тех, которые приняты ныне [1 с. 158]. В одном из них упоминался апостол Пётр [3 с. 101-102]. По этой причине некоторые иностранцы, посещавшие Россию в то время и наблюдавшие данный обычай или слышавшие о нём, называли такую молитву, содержание которой они иногда пересказывают в своих сочинениях, «письмом к св. Петру». В народе она именовалась «пропуском» или «подорожной» [4 с. 122-125; 5 с. 421-425; 6 с. 332-334]. Более ранние случаи подобного употребления разрешительной молитвы известны по Житию Евфимия Новгородского (около 1464 г.) [7 с. 22], ответам митрополита Киприана (1390-1405 гг.) игумену Афанасию Высоцкому [6 с. 327-328], первоначальной редакции повести о житии Александра Невского [8 с. 438-439], составленной во Владимире в 80-х гг. XIII в. [9 с. 355-357] и, наконец, по Киево-Печерскому патерику, который формировался в первой трети XIII в.

(когда возникла переписка между владими́ро-суздальским епископом Симоном, ум. в 1226 г., и печерским монахом Поликарпом) [10 с. 308-309]. Эпизоды с разрешительной молитвой входят в состав произведения Симона «Слово о создании церкви Печерской». Они присутствуют в Основной редакции патерика, составленной в промежутке от второй четверти XIII до начала XIV в. [11 с. 258]. В одном из них преподобный Феодосий (ум. в 1074 г.) пишет разрешительную молитву для варяга Симона (Шимона) по его просьбе. Здесь также есть важное в литургическом отношении замечание: «...даже и донныне влагают умершим в руку такую молитву. И с тех пор утвердился обычай класть такое написание с умершим, прежде же никто не делал этого на Руси». Во втором эпизоде от лица Георгия, сына Симона, рассказывается о положении молитвы с отцом, в соответствии с его волей, в гроб и о последующем чудесном явлении покойного, который извещает монахов о благом воздействии написания Феодосия [11 с. 9-10, 111-112; 12 с. 114].

На основании упомянутых выше эпизодов патерика в православной литературе зарождение обычая помещать в могилу разрешительные молитвы относят к XI в. и считают, что первоначально обычай появился именно на Руси [2 с. 1358]. Однако И.Д. Мансветов полагал, что, если даже указанное замечание и всё это место не внесены в текст патерика поздними переписчиками, а действительно принадлежат перу Симона Владимирского, что подтверждало бы существование обычая в XIII в., то, тем не менее, единичный пример Симона-варяга не мог стать основанием для практики: последнее возникло бы лишь при условии употребления обычая в Византии [12 с. 104]. Специалист по разрешительным грамотам восточных патриархов в Московском государстве и России Е.В. Уханова усматривает в эпизодах Киево-Печерского патерика и жития Александра Невского поздние интерполяции, отражающие «настойчивое желание подправить древние авторитетные русские тексты с тем, чтобы обнаружить там обоснование, несомненно, более позднему обычаю», ставшему «актуальной темой в церковной жизни Руси» в период от середины XV до середины XVI в. [3 с. 96-98]. «Собственно русское явление» видит в данном обычае Б.А. Успенский [4 с. 124]. В.Ф. Райан, напротив, не верит в местное его происхождение, напоминая, что уникальных обычаев мало, а тексты, сходные с «письмом св. Николаю/Петру» – брeve и Schutzbriefen («охранные грамоты») – существовали, и,

возможно, кое-где сохраняются до нашего времени в западной церкви [5 с. 424].

Автору этих строк представляется более правдоподобным мнение тех исследователей, которые не считают православный обычай хоронить разрешительную молитву оригинальным, а решение вопроса о возможных источниках и времени его заимствования видится в дальнейшем поиске и анализе соответствий подобной обрядовой практике за пределами Древней Руси, чему отечественные историки и филологи до сих пор уделяли недостаточно внимания.

Из рассказа в VI книге Продолжателя Феофана (Считается, что эта часть книги написана современником событий по личным впечатлениям, возможно, ещё до 963 г. [13 с. 314]) о событиях, относящихся к финалу царствования Романа Лакапина (а именно - к тому трагическому моменту, когда престарелый и больной император был отстранён от власти сыновьями, сослан на остров Прот и насильственно пострижен в монахи), мы узнаём, что незадолго до смерти (948 г.) Роман, весьма обеспокоенный собственной греховностью, прибегал к различным способам искупления. В частности, он составил книгу с полным описанием своих преступлений, запечатал ее и отправил на Олимп «почтенным старцам», среди которых был «святой Дермокаит». К посланию были присовокуплены деньги для оплаты молитв во спасение [13 с. 269-271]. Далее в хронике сказано: «Получил Дермокаит и книгу, и деньги, и повелел всем монахам поститься две недели и молиться за грехи его (Романа – Ю.Г.). И как-то ночью стоял Дермокаит и молился и был ему глас: «Победило человеколюбие Божие». Услышав же в третий раз сей глас, взял он книжку, распечатал и увидел, что чиста она и без единой буквы. И призвал всех монахов, и показал ее, и все восславил Бога. И составив отпущение грехов, все монахи отправили его Роману, и похоронено оно было вместе с царем» [13 с. 271]. Приведённое выше место из VI книги Продолжателя Феофана – единственное известное мне прямое упоминание обычая погребать с умершим разрешительное написание в Византии в раннесредневековый период. Однако такое предписание, как заметил в своё время И.Д. Мансветов, встречается в одном из сербских требников, известном по собранию рукописей В.И. Григоровича [12 с. 106; 14 с. 30]. Требник составлен в рашской традиции до афоно-тырновской литургической и книжной реформы XIV в. (любезная информация Т.И. Афанасьевой), и, следовательно, обычай хоронить с

умершим разрешительное написание был, вероятно, распространён в монастырях Сербии в XIII в. или даже ранее.

Свидетельства об обычае в погребальном обряде западной церкви относятся к более позднему времени, чем единственное византийское. Однако их довольно много, они разнообразны и отражают не только редкие исключения из правил, но и вполне сложившиеся, канонизированные ритуальные практики. Начиная с последней трети XI века, данный обычай был достаточно широко распространён в Англии. Уставом (constitutions) Ланфранка, архиепископа Кентерберийского (1070-1089 гг.) при Вильгельме Завоевателе и его сыновьях, созданным около 1077 г. [15 р. XXVIII], предписывалось хоронить всех монахов с таким текстом на груди [16 р. 130]. Возможно, ещё более раннее упоминание о кладущемся на грудь покойного свитке с разрешительной молитвой есть в «Чудесах Святого Бенедикта» Андре де Флери, написанных между 1041 и 1043 гг., где рассказывается, что земля трижды отвергала тело мирянина из епархии Труа (Франция), не успевшего перед смертью исправить свои грехи. И чтобы, наконец, похоронить этого человека отпущение поместили ему на грудь [17 р. 327]. В начале эпохи Высокого средневековья в бенедиктинском аббатстве Эйнсхем, принявшем устав Ланфранка [16 р. XXI, ref. 1], на грудь покойного помещались Символ веры и молитва об отпущении грехов [18 с. 25]. В 1134 г. перед алтарём церкви св. Петра в Глостере после прочтения и возложения на грудь разрешительной молитвы был погребён старший сын Вильгельма Завоевателя Роберт Куртгёз [19 р. 276-281]. При раскопках кладбищ средневековых английских монастырей в могилах иногда находят свёрнутые из свинцовых пластин реликварии, внутри которых содержатся остатки, напоминающие пергамен. По версии археологов, в эти коробочки вкладывалась разрешительная молитва [20 р. 200; 21 р. 67]. Достоверно известно, что прелатам при погребении надевали на шею пластинчатый свинцовый крест, на котором вырезался краткий текст разрешения (absolution cross). Крест с папской молитвой найден в раскопанной в позапрошлом веке могиле архиепископа Чичестерского Годфри, скончавшегося в 1088 г. [22 р. 219; 23] (рис. 2). Находки крестов с разрешительной (индульгенционной) и/или экзорцистской формулой, в текст которой внесено имя покойного - не редкость в погребениях X – XIII вв., раскопанных при монастырях в некоторых регионах Англии и Франции [17 р. 323-327]. Археологи полагают, что пик распространения здесь данного обычая, который к концу XIII в. уже выходил из употребления,

пришёл на XI–XII вв. [24 p. 508-509; 25 p. 409-410]. В средневековой Англии посмертное отпущение грехов иногда клали также в могилу т.н. ходячего покойника (walking dead). В связи с этим можно вспомнить эпизод из жизни епископа Гуго (Хью) Линкольнского (1135/40-1200 гг.) в «Истории Англии» Вильяма Ньюбургского (1136-1198) [26 p. 656-657; 22 p. 214-215; 27 p. 613-615; 21 p. 59], а также одну из историй о призраках, записанную вскоре после 1400 г. безымянным монахом из аббатства Байленд в Северном Йоркшире и отнесённую к временам правления Ричарда II (1377-1399 гг.) [28 p. 363-364; 21 p. 66-67]. Пример сходного, хотя и не вполне тождественного описанному выше, использования текста разрешительной по смерти молитвы известен во Франции в середине XII века. Отпущение было составлено аббатом Ключийского монастыря Петром Достопочтенным по просьбе Элоизы для Пьера Абеляра (умер в 1142 г.), находившегося под суровым церковным наказанием. Свиток должным образом запечатали и подвесили на могилу Абеляру [29 Col. 428; 22 p. 216].

Помимо реликвариев и крестов с разрешительной молитвой, есть ещё одна категория археологических находок, имеющая непосредственное отношение к обсуждаемой теме, а именно, средневековые папские свинцовые печати (Papal bullae) (рис. 3), которые обнаруживаются в Англии и континентальной Европе в ходе археологических раскопок или случайно [30 p. 318-328, fig. 6-8]. Такими печатями, внешний вид которых окончательно выработался в начале XII в. при Пасхалии II, скреплялись разнообразные документы Апостольской канцелярии [31 p. 363-365], а в конце XIV – начале XV вв. - также бумаги, исходившие от антипап в Авиньоне [17 p. 334-335]. Около 50 булл найдено в погребениях, где они располагаются в правой (изредка в левой) руке, возле руки, на груди или у пояса покойного [32 p. 214; 33 p. 130]. Из почти трёх десятков булл в некрополях Англии наиболее ранняя принадлежит папе Иоанну XXII (1316-1334) и ни одна не датируется позднее 1431 г. [34]. В континентальной Европе из 19 погребений происходит 21 булла, относящаяся к периоду между 1305-1458 гг. [17 p. 334-335]. Документы, сопровождавшиеся печатями, в могилах не сохраняются. Однако историки и археологи не без оснований предполагают, что некоторые из булл скрепляли папские разрешения грехов (индульгенции) [32 p. 219; 17 p. 335; 33 p. 130; 35 p. 694; 34] (ср. с интерпретацией красных восковых (по-видимому, архиерейских) печатей из некрополя русских княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля [6 с. 327, 332-334, 344]).

В письменных источниках есть информация о довольно широком распространении подобных документов, как подлинных, так и поддельных, в Англии в XIV в.: считалось, что они могут облегчить прохождение души через чистилище [34]. Переписка Ядвиги Анжуйской с папой Бонифацием IX также указывает на то, что одна из помещённых в могилу польской королевы булл могла иметь разрешительный характер и являться «посмертным напоминанием о полученной на земле индульгенции» [17 p. 335]. Кроме того, достаточно представительная серия булл (9 экземпляров) из погребений в Англии датирована промежутком между 1342 и 1378 гг., когда на острове свирепствовала Великая чума [20 p. 94-96; 34]. Данный факт, на мой взгляд, объясняется, скорее всего, тем, что множество людей, внезапно умерших в условиях вызванного эпидемией социального хаоса, не успели получить отпущение грехов в обычном порядке и были разрешены уже посмертно.

В свете приведённого сравнительного материала в обычае класть в могилу разрешительную молитву едва ли можно видеть специфический русский феномен. Вероятнее всего, появление этой практики на Руси стало частью процесса её широкого распространения в Европе (из Византии?), который начался не позднее второй половины XI в., что делает вполне возможным, вопреки мнениям скептиков, адаптацию обычая на русской почве уже в раннесредневековый период (не ранее конца XI в.). Наше исследование показало, что в Византии разрешительные написания могли хоронить с покойным уже с середины X в. (случай императора Романа Лакапина). Учитывая довольно раннее свидетельство сербского требника, вполне допустимо, что монашеский обычай вкладывать в руку покойного разрешительную молитву был принесён с Балкан. Такое предположение хорошо вписывается в общую историческую картину многообразного культурного влияния Византии на Древнюю Русь, осуществлявшегося зачастую при посредстве южных славян. Впрочем, могли существовать и другие пути проникновения этого элемента христианского погребального ритуала в русские земли. Таким образом, мнение летописца XIII в., одного из авторов Киево-Печерского патерика, во всяком случае, не противоречит известным нам сегодня фактам, имеющим отношение к хронологии обычая класть разрешительные документы в могилу умершего в средневековой Европе.

Литература

1. *Шиманский Г.И.* Литургика: таинства и обряды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. 352 с.
2. *Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. 1794 с.
3. *Уханова Е.В.* К вопросу о разрешительных грамотах Восточных патриархов в России: новые экземпляры в фондах ГИМ // Каптерёвские чтения. Вып. 8 / Отв. ред. М.В. Бибииков. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 91-114.
4. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982. 248 с.
5. *Райан В.Ф.* Баня в полночь. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 2006. 720 с.
6. *Булычёв А.А.* Несколько замечаний о русском средневековом погребальном обряде (разрешительные грамоты и «запечатывание» как обрядовый жест) // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 4 / Отв. ред. Т.Д. Панова. М.: ООО ИПП «Куна», 2009. С. 327-356.
7. Житие иже во Вяжихах нашего преосвященного архиепископа Великого Новграда Владыки Евфимия // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. Четвертый. Повести религиозного содержания, древния поучения и послания, извлеченныя из рукописей Николаемъ Костомаровымъ. СПб.: Тип. Кулиша, 1862. С. 16-26.
8. Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / Ред.-сост. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачёв. М.: Художественная литература, 1981. С. 426-440, 602-606.
9. *Охотникова В.И.* Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 354-363.
10. *Ольшевская Л.А.* Патерик Киево-Печерский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 308-313.
11. Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. 494 с.

12. Мансветов И. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. Историко-литургическое исследование. М.: Тип. М.Н. Лаврова и Ко., 1882. 241 с.
13. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.
14. Викторов А. Собрание рукописей В.И. Григоровича. М.: Тип. М.Н. Лаврова и Ко., 1879. 60 с.
15. The Monastic Constitutions of Lanfranc. Ed. by Dom David Knowles and C.N.L. Brooke. Oxford: Clarendon Press, 2002. 322 p.
16. The Monastic Constitutions of Lanfranc. Translated from the Latin with Introduction and Notes of Dawid Knowles. New York. Oxford University Press. 1951. 346 p.
17. *Dabrowska E.* Passeport pour l'au-delà. Essai sur la mentalité medievale // *Le Moyen Age*. 2005. Vol. 2. P. 313-337.
18. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X–XV вв.). М.: Молодая гвардия, 2002. 346 с.
19. *Aird W.M.* Robert Curthose, Duke of Normandy, c. 1050-1134. Woodbridge: The Boydell Press. 2008. 328 p.
20. *Gilchrist R., Sloane B.* Requiem: The Medieval Monastic Cemetery in Britain. London: Museum of London Archaeology Service. 2005. 273 p.
21. *Gordon Stephen R.* Disease, Sin and the Walking Dead in Medieval England, c. 1100-1350: A Note on the Documentary and Archaeological Evidence // *Medicine, Healing and Performance* / Ed. by S. Gordon. Oxford: Oxbow, 2014. P. 55-70.
22. *Thurston H.* The Life of Saint Hugh of Lincoln. 1898. Reprint. London: Forgotten Books, 2013. 676 p.
23. *Okasha E.* The Lead Cross of Bishop Godfrey of Chichester // *Sussex Archaeological Collection*. 1996. Vol. 134. P. 63–69.
24. *Ralegh Radford C.A.* A Medieval Leaden Cross from Whitby // *The Antiquaries Journal*. October 1940. Volume 20. Issue 04. P. 508-509.
25. *Rodwell W.* Lead Plaques from the Tombs of the Saxon Bishops of Wells // *Antiquaries Journal*. 1979. Vol. 59. P. 407-410.
26. The History of William of Newburgh. The Church Historians of England. Vol. IV. Part II. Translated from the Original Latin, with Prefaces and Notes by Joseph Stevenson. London: Seeleys, 1856. P. 397-672.
27. *Barlett R.* England under the Norman and Angevin Kings. 1075-1225. Oxford: Clarendon Press, 2000. 772 p.
28. *Grant A. J.* Twelve Medieval Ghost Stories // *The Yorkshire Archaeological Journal*. 1924. Vol. 27. P. 363-379.

29. Petri Venerabilis abbatis Cluniacensis noni opera omnia. Accurante J.-P.Migne. Epistolarum Lib. VI. Epistola XXI. Petit-Montrouge, 1854.
30. *Bartels M.* Papal Bullae; a Message from above? Interpretations of the Papal Lead Seal (11th–16th c.) in Archaeological Contexts in and around the Netherlands // Sonderband Historische Archäologie. Habelt 2017 / Hrsg. U. Müller. Bonn. 2017. S. 315-334.
31. *Казбекова Е.В.* «Булла» // Православная энциклопедия. Т. VI. М.: Православная энциклопедия, 2003. С. 363-365.
32. *Dabrowska-Zawadzka E., Comte F.* Un rite funéraire peu connu: le dépôt de bulles pontificales dans les tombes ecclésiastiques (XIVe-XVe siècle) // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. Année 1993. 1995. P. 209-223.
33. *Gilchrist R.* Magic for the Dead? The Archaeology of Magic in Later Medieval Burials // *Medieval Archaeology*. 2008. Vol. 52. P. 119-159.
34. *Rogers N.* Papal Bullae from Peasholme Green, York. An insight report, York. 2015 (York Archaeological Trust: <https://www.yorkarchaeology.co.uk/resources/finding-the-future/resilience-year-2-3/the-art-of-writing-and-manuscript-production/> (дата обращения: 14.10.2019).
35. *Pestell T.* Papal Bullae // *Winchester Mint. The Winchester Mint and Coins and Related Finds from the Excavations of 1961-1971*. Winchester Studies. 2012. Vol. 8. Oxford. P. 692–694.

самого – Н.Л.) или свою клятву преступил, но все это Духовным Отцам исповдал, и если от них правило на сердце принял (т.е. искренне воспринял епитимию – Н.Л.) и исполнил усердно, от всего этого, если и связали, разрешаем и свободным делаем. Всесильною властью и Благодатью Всесвятого и Животворящего Духа: То же, что забвения ради осталось неисповеданным, и это все да простит ему Премилостивый Бог Молитвами Пресвятой Богородицы и Присно Девы Марии, Святого славного и преславного Апостола Иакова Брата Божия и Первейшего Святителя Иерусалимского и всех святых. Аминь. В Лето от создания Мира 7178 те от Рождества Христова (1670 г. – Н.Л.)» (Пер. Н.Н. Лысенко)

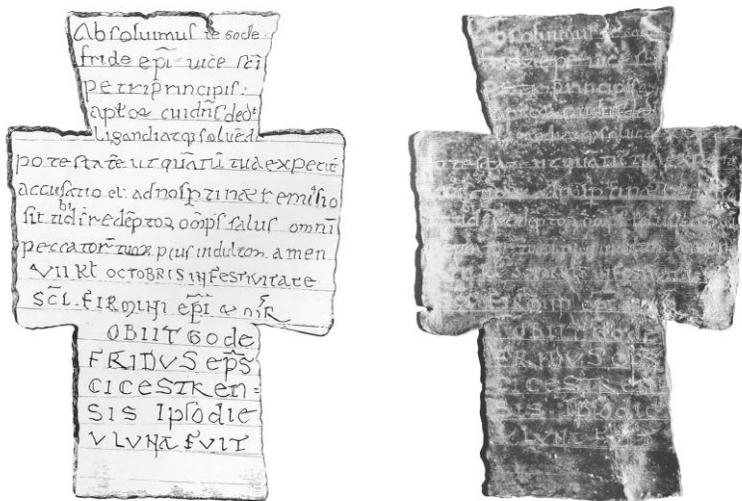

Рис. 2. Разрешительный крест архиепископа Чичестерского Годффри (ум. 1088 г.) [23]. Текст: «Мы прощаем Тебя, о, епископ Годффри, вместо св. Петра, первого из апостолов, которому Господь дал силу связывать и разрешать, в той мере, насколько допускает твое обвинение и отпущение подобает нам. Господь, всемогущий спаситель, добрый избавитель, да будет тебе исцелением от всех твоих грехов. Аминь. 25 сентября, в праздник св. Фермина, епископа и мученика, епископ Годффри Чичестерский умер. В тот самый день было пять дней после (новой) луны.» (Пер. с англ. Ю.К. Гугуева)

Рис. 3. Папские буллы: а) Урбан V (1362–1370 гг.), б) Бенедикт XII (1334–1342 гг.), в) Иннокентий VI (1352–1362 гг.) [30]

К вопросу о сосудах в православном погребальном обряде

К.И. Панченко

Институт археологии РАН, Москва, rakoi@mail.ru

Погребальные сосуды в православных погребениях являются частью распространенного в христианском мире явления, пока еще не до конца понятного. Присутствие сосудов в захоронениях, несомненно, требует объяснения, а их сложное происхождение предполагает множество вариантов появления подобных артефактов в христианских погребениях. Традиция помещать стеклянные бальзамарии или лакримарии в могилу умершему во время совершения похоронного обряда по византийскому обычаю известна еще с позднеантичного времени, а находки подобных артефактов на византийских и русских средневековых некрополях подразумевают общий культурный и ритуальный контекст. В то же время следует признать неполноту современного знания о данной погребальной традиции, что в немалой степени связано с редкой встречаемостью артефактов в христианских захоронениях. Соответственно, каждая новая находка и публикация будут увеличивать выборку и тем самым дополнять наши знания об этом обычае.

Набор вещей в христианских византийских погребениях раннего этапа (IV–VII вв.) уже имел некоторые отличия от языческих захоронений периода поздней античности, а погребальные сосуды были приняты в качестве логического продолжения существующей практики и не являлись исключительно христианским новшеством. Однако с самого начала появления православного похоронного обряда сосуд не был обязательным атрибутом; поэтому в подавляющем большинстве захоронений он отсутствует. Некоторые исследователи считают, что практика класть бальзамарии усопшему прекратилась в первой половине VII в., так как в середине VII в. стали возливать елей на покойного и перестали ставить сосуд, наполненный освященным маслом, усопшему [1 с. 27; 2 с. 92-93]. Археологические данные не подтверждают эту гипотезу. Традиция класть кувшинчики или чаши в христианские захоронения сохранялась и в поздневизантийский период (XIII–XV вв.) вплоть до захвата османами последних территорий Византийской империи. Например, на территории Греции в

христианских могилах XIII–XIV вв. найдены керамические сосуды [3 р. 413], а в городе Фуна (княжество Феодоро) они фиксируются вплоть до XV в. [4 с. 119; 5 с. 201-203]. На позднем этапе существования византийского погребального обряда умершему предпочитают класть открытые сосуды в виде пиал, чашечек с ручками или без, а не сосудики с узким горлом типа колб или кувшинов. В погребение сосуд помещали в большинстве случаев около головы или у ног. Мужских захоронений с сосудами значительно больше чем женских. Увы, систематизированных статистических данных о местоположении сосуда в погребении и половозрастных характеристиках усопших, похороненных по византийскому обряду, на сегодняшний день крайне мало.

Сегодня нет полного понимания, зачем сосуды помещали умершему в могилу. Их наличие в поздневизантийских захоронениях некоторые исследователи объясняют пережитками языческого культа, при этом соглашаясь с тем, что погребение совершено по христианскому обряду [4 с. 119]. В данной ситуации непонятно, как православный священник добровольно соглашался на языческое, по сути, действие. Поэтому считать захоронения с сосудами не соответствующими христианским погребальным канонам нет оснований, и эту версию вряд ли стоит далее рассматривать.

Другие исследователи предполагают, что сосуды содержали ароматический бальзам, вино, масло, воду или даже кровь мучеников. В одном случае сосуд с содержимым помещали в захоронение [2 с. 92-93] в другом использовали для окропления, последнего помазания тела незадолго до закрытия погребения [3 р. 381; 6 р. 166] или во время заупокойной службы в церкви [7 р. 8]. Н.О. Супрун считает, что в бальзамарии помещали освященный елей, который использовали при соборовании умирающего [1 с. 27].

Есть даже предположение, что погребенный, перед смертью совершил паломничество и вернулся после посещения особо чтимого места с благословлённым сосудом, т.е. памятной евлогией, ставшей для него оберегом, который был положен в могилу [8 с. 59].

В целом можно говорить о том, что в поздневизантийский период, были окончательно сформированы характерные особенности христианского православного погребального обряда для каждой категории граждан (священников, монахов, мирян), которые соответствовали требованиям господствующей религии и христианского менталитета.

Русский православный погребальный обряд был прямым наследником византийской традиции. На раннем этапе русского православия захоронения с сосудами встречаются в очень редких случаях и бессистемно разбросаны по разным регионам. В домонгольское время часть керамической посуды в погребении представлена обломками, из которых не собирается целая форма, а рядом с сосудом или в непосредственно нем находят остатки пищи [9 с. 155]. Эти факты не позволяют думать, что похоронный обряд был совершен в соответствии со всеми православным канонам, а сосуд был использован для последнего помазания умершего. Фактически на Руси до XIV в. погребальные сосуды не являлись неотъемлемым атрибутом похоронного обряда.

В конце XIV столетия, скорее всего, благодаря митрополиту всей Руси Киприану, прибывшему на Русь из Византии, в Москве и её окрестностях происходит изменение погребальной традиции. Именно в это время в могилах духовенства и богатых горожан появляются керамические поливные чашечки, которые внешне похожи на поздневизантийские чаши. Такое совпадение форм явно не случайно, особенно если учесть, что сосуды на кольцевом поддоне для московской керамики совсем не характерны.

Не все письменные труды митрополита Киприана сохранились, поэтому неизвестно, объяснил ли он подробно детали греческого обряда для каждого чина погребения: священника, монаха, мирянина, младенца. До сегодняшнего дня дошло только одно письмо митрополита, в котором Киприан объясняет какие именно действия необходимо совершать при погребении священника мирянина и монаха попа. В этом письме сказано, что священник, смешав вино с оливковым маслом, поливает крестообразно этой смесью тело: «...От главы первое, также у ногу, потом же от десна, также левую сторону; чашу же, в нейже масло с вином, повержет у ногу» [10 стлб. 246]. Таким образом, согласно греческому обряду по чину погребения священника, последнему полагалось оставить в гробу в ногах сосуд с остатками елея и вина, после совершения последнего помазывания.

Повсеместное распространение захоронений с чашечками среди всех категорий населения в XV–XVI веках в Москве, свидетельствует о том, что данная погребальная традиции изначально появилась не только у священнослужителей. Елейницы были найдены на кладбищах в каждом крупном монастыре и на погостах многих церквей. При этом усредненный процент погребений с сосудами в Москве (10-12%) очень

близок к данным из византийских захоронений, которые также содержат около 12 % сосудов [11 с. 255]. Такая закономерность, вероятно, не является случайной для православного похоронного обряда, когда сосуд полагалось оставлять не каждому усопшему, а только в определённых редких случаях.

Среди позднесредневековой погребальной посуды Москвы находят не только поливные чашечки, но и маленькие керамические поливные кубышки с небольшим устьем и без горла. Доля таких мини-кубышек невелика и составляет чуть более 10%. В целом наличие условно закрытых и открытых сосудов в московских захоронениях, не выбивается из общей тенденции, наблюдаемой в поздневизантийских погребениях. За пределами города встречается совершенно другой набор керамической посуды и вся она открытого типа. На кладбищах Троице-Сергиева монастыря найдены грубые красноглиняные, без обработки поверхности мисочки, горшочки, чашечки, стопки [12 с. 544].

До середины XVI в. в захоронениях Московской Руси встречаются только глиняные сосуды, в середине столетия в погребениях появляются стеклянные и металлические изделия [13 с. 208]. С XVII в. усопшим предпочитают ставить стеклянные сосуды. До сих пор остаётся открытым вопрос об использовании деревянных елейниц. Подобные изделия в погребениях известны только с XVIII в. Непонятно, можно ли списывать отсутствие деревянных сосудов в позднесредневековых захоронениях только на плохую сохранность: ведь на кладбищах этого времени известны погребения с хорошо сохранившимися гробами.

Все сосуды, найденные на средневековых кладбищах Москвы, не являются какой-то специально предназначенной для похоронного обряда посудой. Подобного типа изделия широко использовались в быту, о чём свидетельствуют находки чашечек и мини-кубышек на территории жилых домов. В Твери поливные чашечки вообще не оставляли в захоронении, и все они найдены в зонах жилой застройки [14 с. 261-263].

Сосудики для погребального обряда выбирали в основном по размеру. Объём ни одного из них не превышает 400 мл, а большинство имеет объём меньше 100 мл.

Важным фактором при совершении обряда была гендерная принадлежность погребённых. В мужских захоронениях сосуды встречаются в два раза чаще, чем в женских. Елейницу в ногах усопшего чаще ставили мужчинам, но известны единичные погребения,

где сосуд помещали в ноги женщинам. Для женских захоронений такая ситуация пока необъяснима. В то время как подобное расположение сосуда в мужских погребениях, является одним из признаков захоронения священника. Однако сосуд в ногах умершего не является надежным доказательством того, что обнаружено захоронение священнослужителя. В данном случае лишь вероятность обнаружения лица имеющего духовный сан будет значительно выше, чем в других. Также не стоит делать вывод о том, что всех мирян хоронили с сосудом, поставленным только рядом с головой.

Раздел византийских и русских погребальных литургий касавшийся погребальных приготовлений и ритуальных действий с умершим ничего не упоминает о помещении сосуда в захоронение. Православные погребальные литургии упоминают о другом факте: обязательно нужно полить елеем покойного или посыпать на него пеплом из кадила [15 с. 585-786]. Елей может быть простым или освященным, последний обычно оставался после обряда соборования больного, который позже умер. Важно отметить, что оливковое масло выливается на тело из сосуда, а не наливается в сосуд, чтобы потом поставить его в могилу. После завершения обряда покойнику оставляли либо пустую чашечку, либо с остатками елея. Соответственно, рассуждения о сосудах, наполненных елеем, в захоронениях пока не подтверждены реальными фактами.

Обычай совершать елеосвящение или соборование над умершими издревле существовал в Византии. В 1260–1261 гг. он осуждается патриархом Никифором II, но многие из позднейших греческих иерархов смотрели на него не только снисходительно, но даже одобряли. Например, Симеон Солунский (1381/87–1429 гг.) «нашел это делом хорошим, которому не должно препятствовать», а в первопечатных греческих Евхологионах XVI в. ещё содержалось «последование елеосвящения над умершим» [16 с. 309-310].

Вполне возможно, что и на Руси до XVI в. совершали обряд соборования над усопшими. В XVII в. такой практики уже не существовало, а елеосвящение выполняли над тяжелобольными, когда их считали уже безнадежными и ожидали не выздоровления, а смерти. Елеопомазание являлось в таких случаях как бы помазанием на погребение, напутствием к исходу из этой жизни [17 стлб. 391]. Такой обычай сохраняется вплоть до XIX в., при этом было принято елей, оставшийся от соборования, возливать на тело после отпевания [18 с. 272].

После совершения обряда соборования сосуд, как и любая другая вещь, участвовавшая в ритуальном действии, полностью теряет своё утилитарное значение. Соответственно, сосуд воспринимается уже как сакральный, и дальнейшее его использование в быту становится просто невозможным. На сакральную ценность вещи влияет не только использование её в ритуале, но и значимость самого ритуала. После совершения елеосвящения сосуд становится более ценным, т.к. в нем находится освященный елей с вином, а значит, сосуд максимально очищен от своей практической внезаковой функции. По этой причине православная традиция рекомендует очень бережно относиться к освященному елею и сосуду, в котором он находится. Этот артефакт уже нельзя использовать в быту, но можно отдать в храм или поместить в могилу.

Таким образом, после оставления елейницы погребенному, завершался символический акт последнего очищения и благословения покойного на возрождение к следующей жизни.

В целом имеющиеся на сегодняшний день археологические данные и исторические источники позволяют хотя бы отчасти объяснить появление погребальных сосудов в православных захоронениях.

Литература

1. *Супрун Н.О.* Об использовании бальзамариев как элемента погребальной традиции античного Херсонеса – византийского Херсонеса // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 23-28.
2. *Фомин М.В.* О елее в раннехристианской погребальной традиции // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII научной конференции. Харьков: ООО НТМТ, 2010. С. 92-93.
3. *Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J.* Burial practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence / Hrg. V. Salamon. Leipzig: Lepziger Univ. Verl., 2012. P. 377-428.
4. *Коганашвили К.К., Михеева О.А.* Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Под ред. С.Н. Бибикова. Киев: Наукова думка, 1974. С. 111-123.

5. *Айбабина Е.А.* Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 194-205
6. *Iverson E.A.* 'Supplied for the Journey to Heaven': a Moment of West-East Cultural Exchange: Ceramic Chalices from Byzantine Graves // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2000. Vol. 24. P. 147–193.
7. *Thompson J.A.* Death and Burial in the Latin East. A Study of the Crusader Cemetery at 'Atlit, Israel. PhD Thesis, Cardiff University, 2006. 409 p.
8. *Гинькут Н.В.* Чашка-евлогия XIV в. из раскопок храмового погребения на территории крепости Чембало // *Херсонесский сборник*. 2011. Вып. XVI. С. 57–63.
9. *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI веков. М.: «Радуница», 2004. 195 с.
10. *Киприан*, митрополит. Ответ ко Афанасию вопросившему о неких потребных вещах // *Русская историческая библиотека*. 1880. Т. 6. Стлб. 243-270.
11. *Фомин М.В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков: Коллегиум, 2001. 290 с.
12. *Панченко К.И.* Керамические сосуды XV – XVI вв. из погребений Троице-Сергиевой лавры // *Археология Подмосковья*. 2016. Вып. 12. С. 547–554
13. *Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д.* Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // *Советская археология*. 1984. № 2. С. 201-212.
14. *Романов В. В., Романова Е.А.* Литургические поливные сосуды из раскопок Твери // *Тверской археологический сборник*. 2007. Том II. Вып. 6. С. 261-269.
15. *Могила П.* Требник митрополита Петра Могилы. Т.1 Киев: Информационно-издательский центр Украинской Православной Церкви, 1996. 860 с.
16. *Павлов А.С.* Номаканон при Большом Требнике. М.: Тип. А. Лиссинера и А. Гешеля, 1897. 520 с.
17. *Православная богословская энциклопедия*. Том 5. С-Петербург: Тип. А.П. Лопухина, 1902. 617 с.
18. *Забелин П.П.* Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской церкви и церковно-гражданским постановлениям русской церкви. Ч. I. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новичкого, 1884. 484 с

Вещь в контексте погребального обряда: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. 271 с.

ISBN 978-5-7281-2550-1

В сборнике публикуется серия докладов одноименной международной конференции, четвертой в серии проводимых в разных городах учеными бывшего СССР по различным малоизученным аспектам древних некрополей и погребальной обрядности в контексте культуры. Предлагаются новые подходы к вещам, обнаруженным в разнотипных погребениях и рядом с ними, их символике и декору, гендерной специфике, поминальным статуям, роли в могилах статусных атрибутов, жертвенных предметов, посуды и ряду других тем. Предпочтение отдавалось аналитическим материалам.

Для археологов, религиоведов, этнологов и широкого круга гуманитариев.

УДК 902/904
ББК 63.5я431

Научное издание

Вещь в контексте
погребального обряда

*Материалы
международной научной конференции*

Рекомендовано Редакционно-издательским советом РГГУ

*Оригинал-макет подготовлен С.А. Яценко
Кафедра истории и теории культуры*

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 11.12.2019 г.

Формат 60×84 1/16.

Уч.-изд. л. 16,6. Усл. печ. л. 15,8.

Тираж 300 экз. Заказ № 679

Издательский центр

Российского государственного
гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: 8-499-973-42-06

P V

9 785728 125501